А. А. Волковъ

Около Царской Семьи

ПРЕДИСЛОВІЯ
Вел. Кн. МАРІИ ПАВЛОВНЫ
и Е. П СЕМЕНОВА.

ПАРИЖЪ
1928

А. А. ВОЛКОВЪ

Около Царской Семьи

Предисловія
Вел. Кн. МАРІИ ПАВЛОВНЫ
и Е. П. Семенова.

ПАРИЖЪ
1928

Имя Волкова вызываетъ во мнѣ множество воспоминаній о прошломъ.

Въ теченіе многихъ лѣтъ онъ былъ вѣрнымъ и преданнымъ слугою моего отца, Великаго Князя Павла Александровича, а затѣмъ и Семьи Государя Николая II.

Волковъ, свидѣтель счастливыхъ дней, добровольно вызвался раздѣлить горечь и тягость изгнанія съ Царской Семьею, Которой онъ остался вѣренъ до конца. И лишь счастливый случай избавилъ его отъ вѣрной смерти.

Преданность этого человѣка не останавливалась ни передъ чѣмъ.

Великая Княгиня МАРІЯ ПАВЛОВНА.

Парижъ, 1928.

ПРЕДИСЛОВІЕ

Лучшаго заглавія, чѣмъ «Около Царской Семьи» Алексѣй Андреевичъ Волковъ для печатаемыхъ имъ «Воспоминаній» и придумать не могъ. Оно соотвѣтствуетъ вполнѣ содержанію предлагаемой нами книги и такъ же, какъ послѣдняя, просто, правдиво и незатѣйливо.

Авторъ не ищетъ эффектовъ ни въ стилѣ своего разсказа, ни въ подборѣ фактовъ, сценъ и явленій, сохранившихся «на экранѣ его памяти».

Не «мудрствуя лукаво», глубоко и искренно чувствуя важность того, чему свидѣтелемъ ему довелось быть, съ кѣмъ судьба сулила ему жить, кому служить, онъ разсказываетъ только факты, не пытаясь ихъ ни комментировать, ни раскрашивать. Многіе изъ его читателей поставятъ, пожалуй, автору въ упрекъ такой, — выражаясь по модному, — кинематографическій характеръ его разсказа. Между тѣмъ, именно эта *незамысловатость и простота* излагаемыхъ, а иногда лишь упоминаемыхъ фактовъ представляютъ самое цѣнное въ *Воспоминаніяхъ* А. А. Волкова и превращаютъ ихъ въ цѣнный историческій документъ и для современниковъ, которые воображаютъ, что они все знаютъ по досужимъ толкамъ и городскимъ сплетнямъ, и для будущаго историка нашего сложнаго и страшнаго времени.

Стоитъ обратить вниманіе на нѣсколько чисто-эпизодическихъ указаній авторомъ: сцены ночной рыбной ловли Александра III, посѣщеніе Вильгельма II, первое посѣщеніе Столыпинымъ Императорской Яхты и его появленіе среди «чужихъ» придворныхъ), телефонные разговоры Протопопова съ дворцомъ въ *февральскіе дни;* послѣднее посѣщеніе (докладъ царю) М.В. Родзянки и т. д., и т. д., чтобы понять правильность сказаннаго.

Авторъ — внѣ своей службы и внѣ круга тѣхъ, кому онъ служилъ вѣрой и правдой, — лицо неизвѣстное. Но событія, которыя

произошли въ Россіи съ 1917 года, выдвинули его на страшное мѣсто и поставили рядомъ съ царемъ и царицею. Простой русскій человѣкъ, глубоко вѣрующій, преисполненный чувствомъ долга и любви къ родной землѣ, всосавшій съ молокомъ матери вѣрность своему царю, ни на минуту не задумался пойти на смерть за свои убѣжденія. И, чудомъ избѣгнувшій разстрѣла, какъ просто, безъ всякой позы, онъ въ своемъ лаконическомъ «вмѣсто предисловія» говоритъ: «Теперь, оглядываясь назадъ, я не могу упрекнуть себя въ томъ, что служа царской семьѣ въ ея счастливые дни, я отвернулся отъ нея въ дни ея бѣдствій. Сознаніе этого даетъ мнѣ душевный покой»...

Это «сознаніе» даетъ и намъ полное представленіе о нравственномъ обликѣ А. А. Волкова, о которомъ сходятся, впрочемъ, отзывы всѣхъ знавшихъ его.

Здѣсь мы приведемъ одно лишь свидѣтельство о немъ Сергѣя Николаевича Смирнова, извѣстнаго общественнаго дѣятеля и администратора (гл. С.-Петербургской Думы, археолога и строителя, быв. губернатора гор. Павловска), отправившагося въ 1918 г. вмѣстѣ съ сербской миссіей на розыски и спасеніе княгини Елены Петровны (дочери Сербскаго Короля и жены убитаго въ Алапаевскѣ Іоанна Константиновича).

С. Н. Смирновъ сидѣлъ съ А. А. Волковымъ въ одной камерѣ, въ Пермской тюрьмѣ. Вотъ, что онъ пишетъ объ авторѣ предлагаемыхъ «*Воспоминаній*».

«Волковъ былъ уже пожилой человѣкъ, почти 59 лѣтъ, 17 лѣтъ служилъ въ Царскомъ при Большомъ Дворѣ, а послѣдніе полтора года передъ революціей онъ служилъ личнымъ камердинеромъ Императрицы Александры Θеодоровны. Ни одинъ человѣкъ не могъ пройти къ Ней или выйти отъ Нея помимо его. Никто не могъ позвонить иначе, какъ черезъ него. Онъ утверждалъ, что за всѣ полтора года его службы лично у Императрицы у нея лишь 4 раза былъ Распутинъ, при чемъ каждый разъ при Государѣ или Дѣтяхъ. «Я не знаю, останусь ли я живъ», говорилъ Волковъ, «но я твердо знаю, что сплетни, грязныя сплетни, про Нее и Гришку — ложь, гнусная ложь».

Волковъ былъ изъ крестьянъ Тамбовской губерніи, попалъ благодаря высокому росту въ гвардію, въ л. гв. Павловскій полкъ, а потомъ въ сводный батальонъ, откуда взялъ его къ себѣ (при

уходѣ его съ военной службы) на службу Великій Князь Павелъ Александровичъ. Былъ онъ и въ Афинахъ, хорошо помнилъ Великую Княгиню Александру Георгіевну, дочь Королевы, ѣздилъ съ Павломъ Александровичемъ по Европѣ, послѣ смерти Его первой жены. Онъ, Волковъ, произвелъ на меня хорошее впечатлѣніе. Живя при дворѣ, онъ не скопилъ себѣ ничего, но поставилъ семью на ноги. Незадолго передъ революціей онъ получилъ отъ кабинета Его Величества ссуду въ 8000 р. и выстроилъ себѣ домъ въ Царскомъ Селѣ, собственно, между Царскимъ Селомъ и Павловскомъ, на лѣвой сторонѣ отъ желѣзной дороги. Постепенно онъ началъ выплачивать долгъ, но грянула революція, скоро его увезли и подкосили старанія попрочнѣе стать на ноги и этого хорошаго человѣка.

31-го іюля (1918 г.) Волковъ рѣшилъ подать заявленіе о томъ, что онъ крестьянинъ, человѣкъ трудящійся и т. д. Я ему составилъ краткое такое заявленіе въ чека. Прошла недѣля и его вызвали въ чека на допросъ. Это было уже послѣ того, какъ въ «Извѣстіяхъ» Уральскій Областной Совѣтъ оповѣстилъ о разстрѣлѣ Государя въ ночь съ 16 на17 іюля, добавляя, что Всероссійскій Центральный Комитетъ, «ВЦИК», утвердилъ этотъ разстрѣлъ, а что Семья Николая Романова отвезена въ болѣе безопасное мѣсто (въ виду наступленія чеховъ и взятія ими Екатеринбурга). Лишь въ февралѣ мѣсяцѣ слѣдующаго года въ газетѣ лѣвыхъ эсеровъ «Всегда впередъ» прочитали въ Бутыркѣ статью «Стыдно», гдѣ описывали разстрѣлъ четырехъ Великихъ Князей въ Петроградѣ мѣстною чека, во главѣ съ женщиной Яковлевой, замѣнившей Урицкаго, убитаго Каннегиссеромъ. Эта компанія только «увѣдомила» Совѣтъ народныхъ комиссаровъ о совершенномъ разстрѣлѣ. Вообще, Петроградская Коммуна и ея шефъ Зиновьевъ, всегда дѣйствовали самостоятельно. Такъ вотъ въ этой статьѣ, послѣ нѣсколькихъ теплыхъ словъ о нѣкоторыхъ Великихъ Князьяхъ изъ убитыхъ, а особенно объ ученомъ Николаѣ Михайловичѣ, говорилось: «Неужели недостаточно было убійствъ членовъ Семьи на Уралѣ».

Это было первое косвенное признаніе, что на Уралѣ убили не одного Государя, да и то осмѣлилась сказать это с.-р.-овская газета, вскорѣ же закрытая.

Ну такъ вотъ, зная изъ газетъ объ убійствѣ Государя, а также о томъ, что при этомъ будто бы пощадили всю Семью и служащихъ, Волковъ, подавая свое заявленіе и заканчивая его прось-

бою объ освобожденіи, былъ убѣжденъ, что просьбу его исполнятъ. Черезъ недѣлю, числа 7-го августа его увели на допросъ въ чека; это было около 11-ти часовъ утра, а вернули лишь въ 5 часовъ, когда подсобралась партія арестованныхъ, подлежавшихъ къ отправкѣ въ тюрьму. Допросъ оказался формальнымъ, но скорѣе доброжелательнымъ, и у нашего милаго Алексѣя Андреевича возросли надежды на освобожденіе. Какъ я уже писалъ, мы съ нимъ сдружились и гуляли вмѣстѣ, вмѣстѣ ходили въ церковь, вмѣстѣ любовались тюремными нравами, при чемъ онъ, какъ болѣе опытный тюремный житель, помогалъ мнѣ въ распознаваніи людей. Живя въ одной комнатѣ, переживая вмѣстѣ много горя, и несчастія, мы, конечно, иногда выбалтывали свои задушевныя мысли. Я часто говорилъ о женѣ, дѣтяхъ. Солдаты (сербы) разсказывали о себѣ, Волковъ о своей семьѣ...»

Дальнѣйшій ходъ событій, послѣ этого страшнаго дня и трагической ночи съ 21 на 22 августа, мы узнаемъ изъ разсказа самого А. А. Волкова. С. Н. Смирновъ, самъ спасшійся чудомъ отъ разстрѣла (см. его книгу), только на свободѣ, заграницей, узналъ о чудесномъ спасеніи А. А. Волкова, который въ двухъ письмахъ разсказалъ своему бывшему соузнику, какъ онъ спасся и что съ нимъ было послѣ избавленія отъ смерти. Я привожу изъ этихъ писемъ два мѣста, добавляющія нѣсколько разсказъ автора объ уводѣ на разстрѣлъ (см. ниже въ текстѣ взятое изъ этихъ писемъ описаніе ночи съ 21 на 22-ое августа и въ концѣ *Воспоминаній* обстоятельства отъѣзда автора изъ Манджуріи въ Эстонію).

Читателей — вполнѣ естественно, — будетъ очень интересовать все, что А. А. пишетъ о Царской Семьѣ, о государѣ и, особенно, о государынѣ и о *Распутинѣ*. Авторъ, однако, не удовлетворитъ ни любителей сенсацій и сомнительныхъ разоблаченій, ни партійныхъ людей, ищущихъ всюду подтвержденія своимъ предвзятымъ утвержденіямъ. Онъ говоритъ только о томъ, во что искренно вѣритъ, что знаетъ, что лично видѣлъ и слышалъ. Какъ разсказываетъ выше С. Н. Смирновъ, А. А. Волковъ послѣдніе полтора года передъ революціей «служилъ личнымъ камердинеромъ Императрицы Александры Θеодоровны»: ни одинъ человѣкъ не могъ пройти къ ней, или выйти отъ нея, помимо него. Никто не могъ позвонить иначе, какъ черезъ него. Онъ (Волковъ) утверждалъ, что за всѣ полтора года его службы, лично у Императрицы, у нея, лишь 4 ра-

за былъ Распутинъ, при чемъ каждый разъ, при Государѣ или дѣтяхъ». — Я не знаю, останусь ли я живъ, — говорилъ Волковъ, «но я твердо знаю, что сплетни, грязныя сплетни про Нее и Гришку — ложь, гнусная ложь».

«Гнусныя сплетни», «гнусная ложь» исходятъ отчасти отъ самого Распутина, который во время оргій въ разныхъ притонахъ, подъ пьяную руку, не только «рекламировалъ свою близость къ Царской Семьѣ» (см. *Царь и Царица,* В. Г. Гурко, стр. 100), но «дошелъ до того, что во время одного изъ своихъ пиршествъ, а именно въ загородномъ московскомъ ресторанѣ «Яръ», въ пьяномъ видѣ, указывая на надѣтую на немъ расшитую рубашку русскаго покроя, кричалъ: «Сашка сама шила!»

Когда, по иниціативѣ нѣкоторыхъ друзей, я, въ 1915 г., допрашивалъ Распутина въ мастерской извѣстнаго скульптора Н. Л. Аронсона (лѣпившаго его бюстъ), въ присутствіи Сологуба, его жены — А. Чеботаревской, самого Аронсона; редактора «Солнца Россіи», А. Э. Когана и др., я лично убѣдился въ томъ, что Распутинъ сознавалъ, что онъ зря компрометтируетъ имя Царицы (см. мои Воспоминанія въ *Словѣ).* Такимъ образомъ, послѣ всѣхъ офиціальныхъ разслѣдованій, послѣ опубликованныхъ мемуаровъ, воспоминаній, этюдовъ (В. Пуришкевича, кн. Ф. Юсупова, особенно книги В. Гурко), подтверждающихъ показаніе нашего автора, послѣднее несомнѣнно является рѣшающимъ для историка.

Разумѣется, вся политическая сторона этого страшнаго вопроса о трагической роли, сыгранной Распутинымъ въ исторіи страны и династіи — внѣ компетенціи автора, и онъ правильно и добросовѣстно поступилъ, не коснувшись ея. До сихъ поръ еще этотъ вопросъ трактуется разно. Историкъ П. Н. Милюковъ, общественный дѣятель Пуришкевичъ, В. А. Маклаковъ и др., кн. Ф. Юсуповъ, слѣдственная комиссія, Н. Соколовъ и др. внесли много свѣта, каждый по своему — въ литературу по вопросу. Но, какъ мнѣ кажется, наиболѣе полное резюме этой литературѣ далъ В. І. Гурко въ своей книжкѣ *Царь и Царица.* И я думаю, что нѣсколько бѣглыхъ ссылокъ на книжку Гурко объяснятъ и дополнятъ прямое и категорическое утвержденіе А. А. Волкова. Прежде всего, упомяну о томъ заключеніи В. І. Гурко (стр. 123), «что въ особенности вреденъ и въ особенности преступенъ былъ не Распутинъ, а та среда, которая его воспріяла, изъ неудержимаго желанія per fas et nefas, либо разыгрывать политическую роль, либо проникнуть къ власти, либо достигнуть почестей и матеріальныхъ благъ».

Какая же это среда? В. Гурко даетъ достаточно указаній и именъ, чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ. Первоначальный составъ пестраго и разнообразнаго «окруженія Распутина» былъ почти исключительно женскій: А. А. Вырубова-Танѣева, дѣвица Головина, его прежнія «почитательницы» — Лахтина и Гущина, фрейлина Никитина (служившая связью между Распутинымъ и Штюрмеромъ) и др. «опредѣленныя психопатки, едва ли не страдавшія половой психопатіей» (В. Гурко, ib. стр. 114). Затѣмъ стали появляться «различные честолюбцы, сулившіе ему великія блага за проведеніе ихъ къ верхамъ власти» (ibid.): кн. Шаховской, добившійся черезъ Распутина и Вырубову назначенія мин. торговли и промышленности, А. Н. Хвостовъ (мин. вн. дѣлъ), С. П. Бѣлецкій (тов. мин. вн. д.); затѣмъ, послѣ паденія этихъ двухъ — Бадмаевъ, А. Д. Протопоповъ, П. Г. Курловъ, дѣвицы, промышленники и «наконецъ, такія, сравнительно мелкія, но пронырливыя и ловкія сошки, какъ Андронниковъ и полу-журналистъ, полу-агентъ департамента полиціи Манасевичъ-Мануйловъ, которые, впрочемъ, уже давно сошлись съ Распутинымъ» (ibid. стр. 118).

Ни скромный, честный и наблюдательный авторъ предлагаемыхъ *Воспоминаній,* далекій, впрочемъ, по своему положенію отъ всякихъ интригъ и «гнусностей», никто другой изъ придворныхъ, въ интригахъ не замѣшанныхъ и къ нимъ не причастныхъ, какъ благородные кн. Волконскій, ген. Татищевъ, Боткинъ, баронесса Буксгевденъ, Гендрикова и чтица Е. А. Шнейдеръ и мн. др., и представить себѣ не могли, что вокругъ и около трона идетъ такая вакханалія, которая, какъ справедливо замѣчаетъ В. Гурко, должна была привести къ «крушенію русской государственности при томъ нравственномъ разложеніи правящаго слоя, которое столь ярко выявила распутинская эпопея» (стр. 123).

Но эта сторона естественно находится внѣ поля зрѣнія А. А. Волкова, записки котораго тѣмъ и цѣнны, что не судятъ, не мудрствуютъ лукаво, не «обвиняютъ и не защищаютъ», не врываются въ историческій процессъ, а только передаютъ, что видѣлъ и слышалъ ихъ авторъ, оставшійся преданнымъ и привязаннымъ къ тѣмъ, которымъ служилъ вѣрой и правдой вплоть до самопожертвованія. Въ этомъ и заключается главное достоинство настоящей книги. Поэтому она и является вкладомъ въ исторію нашего времени, какъ цѣнный, правдивый, безхитростный документъ, относящійся къ эпохѣ двухъ послѣднихъ царствованій.

**
*

Его показаніе будетъ принято будущимъ историкомъ нашего времени въ числѣ другихъ авторитетныхъ свидѣтельствъ (незаконченное разслѣдованіе о Распутинѣ въ Государственной Думѣ по инициативѣ А. И. Гучкова; Слѣд. Ком. Врем. Правит., Воспоминанія М. В. Родзянко, В. Пуришкевича и др.).

Наиболѣе интересными въ этомъ отношеніи являются послѣднія, недавно вышедшія книжки В. I. Гурко *(Царь и Царица)* и кн. Ф. Юсупова (*Конецъ Распутина)*. Можно соглашаться или не соглашаться съ характеристиками, оцѣнками и заключеніями этихъ авторовъ, ихъ отношеніемъ къ лицамъ и событіямъ. Но цѣненъ въ ихъ книжкахъ главнымъ образомъ фактическій матеріалъ: 1) попытка В. Гурко привести въ систему свѣдѣнія, факты, имена всего ансамбля эпопеи, вошедшей уже въ исторію подъ общимъ именемъ *распутиновщины; 2) почти исповѣдь* Ф. Ф. Юсупова.

Гурко прямо ставитъ вопросъ: кто больше виноватъ въ распутиновщинѣ, — Царь и царица, или *среда,* въ которой распутиновщина могла родиться и вырости. И самъ же, какъ мы видѣли, рѣшаетъ вопросъ: виновата главнымъ образомъ среда... «*Въ особенности* — поясняетъ онъ —*вреденъ и въ особенности преступенъ былъ не Распутинъ, а та среда, которая его восприняла изъ неудержимаго желанія, per fas et nefas, либо разыгривать политическую роль, либо проникнуть къ власти, либо достигнуть почестей и матеріальныхъ благъ*». (Читатель не посѣтуетъ на насъ за повтореніе этой цитаты).

Мы выше видѣли, кто составлялъ первые ряды въ этой «средѣ». Но эта «среда» въ широкомъ смыслѣ, какъ *соціальная среда,* была гораздо обширнѣе и захватывала міръ придворныхъ, высшей и средней бюрократіи. Читайте Юсупова, который разсказываетъ о малодушіи людей этого *міра,* выражавшихъ ему свое сочувствіе въ его обличеніяхъ, но умолявшихъ его *не называть ихъ!* В. I. Гурко смѣлѣе и прямѣе изобличаетъ *среду,* называетъ даже по именамъ наиболѣе преступныхъ изъ нихъ. Показанія министровъ и крупныхъ государственныхъ и общественныхъ дѣятелей въ Слѣдственной Комиссіи достаточно характеризуютъ этотъ міръ, эту среду, этихъ женъ министровъ (даже «либеральныхъ»), которыя обивали пороги и у Распутина, и у Вырубовой (какъ ,напримѣръ,

Извольская, что не мѣшало дочери посла, Е. Извольской, для которой выхлопотали званіе фрейлины, облить грязью свою государыню). Дальнѣйшія *воспоминанія,* мемуары, дневники, появленіе которыхъ не прекратится, — а, наоборотъ, — намъ принесутъ имена и государственныхъ дѣятелей, и бюрократовъ, и вызовутъ изумленіе у непосвященныхъ въ закулисной работѣ близкихъ къ трону людей и круговъ, въ нечистыя руки которыхъ попали судьбы и страны, и власти, и самого трона. И тогда станетъ понятна та мысль, которая напрашивалась у многихъ государственно-настроенныхъ публицистовъ, не *оппозиціонеровъ, во что бы то ни стало* — и которую В. І. Гурко — *человѣкъ праваго крыла русской общественности* — такъ рѣзко выразилъ въ своемъ заключеніи:

«Появленіе человѣка, сумѣвшаго внушить довѣрчивой, мистически настроенной Царской четѣ, что онъ обладаетъ даромъ прозорливости и исцѣленія, было лишь простой случайностью. Это обстоятельство только ускорило процессъ распаденія государственности, но само по себѣ породить его не могло.

«Можно даже съ увѣренностью сказать, что и безъ происшедшаго, благодаря Распутину, рѣзкаго измѣненія путей и способовъ достиженія власти, крушеніе русской государственности, при томъ нравственномъ разложеніи правящаго слоя, которое столь ярко выявила распутинская эпопея, было, во всякомъ случаѣ, не за горами»» (стр. 123. *Царь и Царица).* И думается мнѣ, что это сужденіе В. І. Гурко предупреждаетъ и — если не предрѣшаетъ, то во всякомъ случаѣ — очень близко къ сужденію будущаго историка. Послѣдній внесетъ свои дополненія и поправки въ это сужденіе. Онъ будетъ свободнѣе и В. І. Гурко, и насъ въ своемъ сужденіи о Царской четѣ, жизнью своей заплатившей за свои царственные и человѣческіе грѣхи. Трагическая, варварская смерть Царя и Царицы, ихъ невинныхъ дѣтей и вѣрныхъ приближенныхъ, слишкомъ близка къ намъ и взываетъ къ нашимъ чувствамъ людей, современниковъ, *раздѣляющихъ со всѣмъ русскимъ обществомъ отвѣтственность и вину и передъ родиной, и передъ павшими жертвами за — хотя и временную — гибель Россіи,* а потому она намъ представляется достаточнымъ искупленіемъ за вольные и невольные грѣхи. Историкъ, повторяю, будетъ свободнѣе...

Но и историкъ, и мы — современники, тѣмъ строже должны относиться, какъ это сдѣлалъ и Гурко, и другіе, къ представите-

лямъ той среды, «нравственное разложеніе которой» явилось благопріятной почвой для распутиновщины...

Вслѣдъ за другими государственно настроенными публицистами и писателями, мы, послѣ страницъ *правды и вѣрности* нашего автора считаемъ своимъ долгомъ отмѣтить настоящихъ живыхъ виновниковъ, о которыхъ говоритъ и монархистъ Гурко, и дочь погибшаго благороднаго Е. С. Боткина, Татьяна Евгеньевна Боткина-Мельникъ. Мы тѣмъ болѣе обязаны это сдѣлать, что многіе изъ этихъ виновныхъ благополучно очутились заграницей и, какъ ни въ чемъ не бывало, продолжаютъ то же дѣло «разложенія и отравленія общественности», какъ будто съ 1916-17 г. г. ничего не случилось!

Если мы всѣ, за исключеніемъ соціалистовъ, осуждаемъ *Керенщину и ея дѣятелей,* то наша элементарная обязанность сдѣлать это и по отношенію къ болѣе или менѣе сознательнымъ представителямъ распутиніады, среди которыхъ — увы! — мы найдемъ и нѣкоторыхъ членовъ кружка Распутина!..

Е. Семеновъ.

ВМѢСТО ВВЕДЕНІЯ

Тридцать пять лѣтъ я провелъ въ великокняжескомъ и царскомъ домѣ. На моихъ глазахъ проходила жизнь сильныхъ міра, по преимуществу, та сторона ея, которая скрывается отъ постороннихъ глазъ этикетомъ.

Отъ меня же часто не бывали скрытыми проявленія обыкновенныхъ человѣческихъ переживаній: вѣдь при общеніи со мною не надо было надѣвать личину свѣтскости, отбрасывались условности и со мною бывали только люди, съ ихъ радостями и горемъ, съ ихъ достоинствами и слабостями.

Жребій судилъ мнѣ видѣть царскій домъ во время мощи и славы Россіи, во время того величія, которое окружало русскаго царя и его семью. Довелось мнѣ раздѣлить съ царской семьей тяготу и горе ссылки и связанныя съ нею лишенія. Только случай избавилъ меня отъ такой же мученической смерти, которую приняла царская семья.

Теперь, оглядываясь назадъ, я не могу упрекнуть себя въ томъ, что служа царской семьѣ въ ея счастливые дни, я отвернулся отъ нея въ дни ея бѣдствій. Сознаніе этого — даетъ мнѣ душевный покой.

И я буду счастливъ, если мои воспоминанія помогутъ возстановить истинный кроткій обликъ императора Наколая Второго и очистить отъ клеветы и злобы память его супруги и невинныхъ дѣтей.

А. Волковъ.

ОКОЛО ЦАРСКОЙ СЕМЬИ

Начало военной службы. — Цареубійство 1 марта 1881 года — Погребеніе Александра II. — Сводно-гвардейскій батальонъ. — Обученіе будущаго императора Николая Второго военному строю. — Осеннія рыбныя ловли Александра III въ Гатчинѣ.

Я родился въ 1859 году въ Козловскомъ уѣздѣ Тамбовской губерніи, въ селѣ старомъ Юрьевѣ. По странной случайности, въ Юрьевѣ же, на склонѣ лѣтъ, пишу я бѣглыя строки этихъ воспоминаній.

Мое дѣтство и юность, проведенныя въ крестьянской семьѣ, не представляютъ собою ничего замѣчательнаго. Ничто не предвѣщало, что мнѣ суждено будетъ впослѣдствіи стать такъ близко къ царской семьѣ.

Достигнувъ призывного возраста, я поступилъ на военную службу, пробыть на которой долженъ былъ, какъ окончившій курсъ уѣзднаго училища, всего три года. Въ дѣйствительности же, прослужилъ я цѣлыхъ пять лѣтъ, сначала въ Лейбъ Гвардіи Павловскомъ полку, куда попалъ по разбивкѣ, позднѣе — въ Сводно-Гвардейскомъ батальонѣ.

Разбивку производилъ Великій Князь Александръ Александровичъ, впослѣдствіи — императоръ Александръ III. Уже много позднѣе, когда я былъ въ Сводно-Гвардейскомъ батальонѣ, императоръ Александръ III, увидѣвъ однажды меня, спросилъ, почему я служу въ Павловскомъ, а не въ Семеновскомъ полку, такъ какъ моя наружность болѣе подходила къ типу солдатъ Семеновскаго, а не Павловскаго полка, а также кто производилъ разбивку. Когда я отвѣтилъ: «Вы сами, Ваше Воличество, дѣлали разбивку», государь замѣтилъ: «ну, такъ я, значитъ, ошибся».

На первыхъ же порахъ моей военной службы, довелось мнѣ оказаться свидѣтелемъ трагическаго историческаго событія, лишившаго Россію Царя-Освободителя.

1-го марта 1881 года я стоялъ во внѣшнемъ караулѣ у казармъ Павловскаго полка, выходившихъ на Мойку, Марсово поле, Милліонную улицу и Аптекарскій переулокъ. Именно, со стороны послѣдняго, я и стоялъ на часахъ.

О возможности проѣзда здѣсь Государя-Императора мнѣ рѣшительно ничего не было извѣстно. Иначе я съ еще большимъ вниманіемъ сталъ бы наблюдать окружающую мѣстность.

Внезапно, со стороны Екатерининскаго канала, отвѣтвляющагося отъ Мойки какъ разъ противъ казармъ, раздался взрывъ. Не знаю почему, но во мнѣ онъ не возбудилъ тревоги. Все-же, насколько мнѣ позволило положеніе часового, я двинулся въ сторону Екатерининскаго канала.

Нѣсколько секундъ спустя, я услышалъ второй взрывъ, уже наполнившій мою душу острой тревогой. Со своего поста я могъ наблюдать теперь медленно расходившійся надъ Екатерининскимъ каналомъ дымъ, мелькавшія среди него въ замѣшательствѣ человѣческія фигуры, крики и какъ будто шумъ погони.

А еще черезъ нѣсколько минутъ мимо меня проѣхали полицеймейстерскія сани съ истекавшимъ кровью тѣломъ императора Александра II. Какъ сейчасъ помню, онѣ слѣдовали по Аптекарскому переулку, Милліонной улицѣ къ Зимнему дворцу.

Окружающіе исполняли послѣднюю волю уже терявшаго сознаніе царя, выраженную въ словахъ его:

— Во дворецъ... Тамъ умереть...

Нѣкоторое время спустя, пришлось мнѣ по наряду, несмотря на то, что я состоялъ еще въ новобранцахъ, находиться въ охранной цѣпи при печальной церемоніи погребенія императора Александра II.

Стоялъ въ этотъ день лютый морозъ, доходившій до 20 градусовъ. Мы были въ полной парадной формѣ, но до прибытія погребальнаго кортежа стояли въ шинеляхъ. Когда-же голова похоронной процессіи открылась намъ, по командѣ мы должны были снять шинели и остались въ однихъ мундирахъ съ красными отворотами и въ высокихъ своихъ историческихъ гренадеркахъ.

Затѣмъ цѣпь была снята и мы возвратились къ себѣ въ Павловскія казармы. Но не успѣли мы кончить нашъ обѣдъ, какъ по тревогѣ насъ снова вызвали на улицу. Мы выстроены были охранной цѣпью, при холодномъ оружіи, вдоль Милліонной улицы, по ко-

торой ѣхалъ въ открытыхъ саняхъ съ двумя лейбъ-казаками на запяткахъ, новый императоръ, — Александръ III, вмѣстѣ съ императрицей Маріей Феодоровной, сопровождаемый немногочисленнымъ конвоемъ. Онъ прослѣдовалъ изъ Петропавловской крѣпости прямо по Невѣ и Милліонной улицѣ дальше въ Аничковъ дворецъ.

Ближайшіе затѣмъ годы не оставили во мнѣ яркихъ воспоминаній. За это время я нѣсколько разъ былъ назначаемъ во внѣшній караулъ въ Аничковъ дворецъ, вмѣстѣ съ своей частью побывалъ въ Москвѣ на коронаціонныхъ торжествахъ 1883 года. Служба шла своимъ порядкомъ, дали мнѣ командованіе взводомъ, состоялъ я положенное время въ учебной командѣ.

Новыя перспективы открылись для меня съ образованіемъ Сводно - Гвардейскаго батальона.

Существовавшая при императорѣ Александрѣ II сводная гвардейская рота была теперь преобразована, причемъ во главѣ батальона поставленъ былъ сначала гр. Стенбокъ, оставившій по себѣ свѣтлую память, а затѣмъ, — полковникъ Гессе. Въ Сводногвардейскій батальонъ былъ назначенъ и я, гдѣ и прослужилъ около двухъ съ половиной лѣтъ. Здѣсь, въ должности старшаго унтеръ-офицера батальона мнѣ выпало на долю обучать военному строю наслѣдника цесаревича Николая Александровича, впослѣдствіи императора Николая II.

Произошло это почти случайно. Обучать наслѣдника военному строю была назначена первая рота, состоявшая преимущественно изъ преображенцевъ, шефомъ которыхъ состоялъ цесаревичъ. Но, такъ какъ въ ротѣ этой оказался малоспособный фельдфебель, то въ чужую роту назначили меня.

Учебныя занятія происходили лѣтомъ 1884 года въ Петергофѣ. Наслѣдникъ командовалъ первой полуротой, я второй, а полковникъ Гессе — всей ротой. Именно съ этого времени сталъ я лично извѣстенъ покойному государю. Живо помню я, какъ интересовался нашими занятіями вел. кн. Георгій Александровичъ. Но, отличаясь большой застѣнчивостью, онъ прятался въ густыхъ кустахъ, выглядывая оттуда и внимательно слѣдя за военными упражненіями. Та-же застѣнчивость отличала въ то время будущаго императора. Бывало, скажетъ мнѣ что нибудь привѣтливое, ласковое, сейчасъ же сконфузится, заторопится уйти.

Извѣстна всѣмъ страстная любовь императора Александра III къ рыбной ловлѣ. Съ этимъ связаны у меня живыя до сей поры воспоминанія.

Возвращаясь подъ осень изъ Петергофа въ Гатчину, Александръ III съ увлеченіемъ предавался любимому своему занятію. Онъ выѣзжалъ на рыбную ловлю на Гатчинское озеро обыкновенно послѣ полуночи. Въ лодкѣ, кромѣ императора, находились матросы гребцы и егерь. Назади шла еще лодка, въ которой находились только одни матросы. Егерь свѣтилъ факеломъ, а вооруженный острогой императоръ Александръ III — билъ по привлеченной яркимъ свѣтомъ всплывавшей рыбѣ. На эти рыбныя ловли полк. Гессе наряжалась особая охрана, обычно въ составѣ 20 человѣкъ. Команда эта всегда ввѣрялась мнѣ, причемъ я одинъ имѣлъ право итти за лодкой по берегу, солдаты-же, входившіе въ составъ моей команды, обязаны были, не выпуская меня изъ виду, слѣдовать за мною, скрываясь въ кустахъ. Съ рыбной ловли императоръ возвращался очень поздно, иногда даже на разсвѣтѣ.

Императоръ Александръ III проводилъ въ теченіи года въ Петербургѣ сравнительно непродолжительное время. Безвыѣздно проживалъ онъ здѣсь мясоѣдъ, начиная съ Новаго года и до великаго поста. Остальное же время онъ обычно дѣлилъ между Гатчиной и Петергофомъ.

Внутренніе дворцовые караулы. — Предложеніе Гессе. — Приглашеніе на службу къ вел. князю Павлу Александровичу. — Его скромный образъ жизни. — Его сватовство. — Въ Берлинѣ съ германскимъ мундиромъ. — Женитьба вел. князя Павла Александровича. — Въ Москвѣ и въ с. Ильинскомъ. — Неожиданная кончина вел. княг. Александры Георгіевны.

Въ періоды петербургскихъ пребываній государя, я нерѣдко несъ караульную службу, то въ Зимнемъ дворцѣ, особенно во время придворныхъ баловъ, то въ Аничковскомъ дворцѣ, причемъ теперь уже приходилось стоять во внутреннемъ караулѣ, часто находясь въ непосредственной близости къ спальнѣ императора.

Александръ III, по тогдашнимъ моимъ наблюденіямъ, велъ довольно правильный образъ жизни, но спалъ, въ общемъ довольно мало. Удаляясь въ свои аппартаменты къ 12 часамъ, онъ занимал-

ся тамъ до поздней ночи, а въ 9 часовъ утра уже начиналъ принимать доклады.

Вѣроятно, именно караульная моя служба обратила на меня вниманіе нѣкоторыхъ изъ высочайшихъ особъ. Такъ, однажды, когда послѣ бала въ Зимнемъ дворцѣ, я выстроилъ свою команду неподалеку отъ помѣщенія, принадлежавшаго великому князю Павлу Александровичу, послѣдній, проходя мимо насъ, поздоровался со мною, причемъ, къ моему удивленію, назвалъ меня по фамиліи.

На слѣдующее утро пригласилъ меня къ себѣ полковникъ Гессе, предложившій составить списокъ военныхъ постовъ по Зимнему дворцу, а также дать каждому изъ нихъ свое наименованіе. Не знаю, почему, но мнѣ показалось, что Гессе этой работой словно подвергаетъ меня экзамену; я постарался отнестись къ этому испытанію съ особенной тщательностью.

На другой день, исполняя приказаніе полковника Гессе, я явился къ нему раннимъ утромъ, когда онъ находился еще въ постели. Просмотрѣвъ очень внимательно исполненную мною работу, Гессе сталъ разспрашивать меня, что я намѣренъ дѣлать въ виду истеченія срока моей военной службы. Я отвѣчалъ, что мечтаю вернуться въ деревню. На это Гессе возразилъ мнѣ, что было бы жаль отпускать меня, такъ какъ я зарекомендовалъ себя съ самой хорошей стороны. Мой уклончивый отвѣтъ на слова Гессе вызвалъ совершенно неожиданно для меня реплику о томъ, что великій князь Павелъ Александровичъ хочетъ меня взять къ себѣ на службу. При этомъ Гессе прибавилъ, что великій князь приказалъ мнѣ немедленно явиться къ нему.

Оставалось только повиноваться. Принявъ меня съ исключительной сердечностью, вел. князь Павелъ Александровичъ сталъ ласково увѣрять, что мнѣ будетъ очень хорошо у него и что я не пожалѣю о своемъ рѣшеніи поступить къ нему на службу. Постепенно я сдался на его убѣжденія и принялъ предложенное мнѣ мѣсто. Это произошло осенью 1886 года.

Великій князь Павелъ Александровичъ сдержалъ свое слово: служить у него было легко и пріятно. Мнѣ онъ былъ почти ровесникъ: лѣтъ 25-26, не болѣе. Собственнаго двора онъ еще не имѣлъ, а занималъ помѣщеніе въ Зимнемъ дворцѣ и довольствовался ограниченнымъ штатомъ служащихъ, живя всецѣло за счетъ государя императора. Характеръ у вел. князя Павла Александро-

вича былъ не особенно ровный. По временамъ онъ бывалъ рѣзокъ и вспыльчивъ, но въ общемъ отличался большимъ доброжелательствомъ, особенно же по отношенію къ лицамъ, отъ него такъ или иначе зависѣвшимъ. Онъ совсѣмъ не былъ разговорчивъ и велъ скромный, очень замкнутый образъ жизни, чему въ значительной степени способствовала его болѣзнь. Въ тѣ годы врачи очень опасались за его здоровье, имѣя въ виду развивавшійся у него туберкулезъ.

Дружескій кругъ великаго князя былъ очень ограниченъ: особенно любилъ онъ полковника ген. штаба Степанова, позднѣе состоявшаго при вел. кн. Сергѣѣ Александровичѣ и своего бывшаго воспитателя, адмирала Арсеньева, впослѣдствіи занимавшаго постъ директора морского кадетскаго корпуса.

Описываемые годы были весьма значительными въ жизни вел. кн. Павла Александровича: какъ разъ въ это время начиналось сватовство къ будущей женѣ его принцессѣ Александрѣ Георгіевнѣ, дочери короля греческаго Георга и супруги его Ольги Константиновны.

Помнится, въ одинъ изъ первыхъ годовъ моей новой службы, вел. князь Павелъ Александровичъ, совмѣстно съ братомъ своимъ, В. К. Сергѣемъ Александровичемъ и его женою вел. княг. Елизаветой Феодоровной ѣздили въ первый разъ въ Афины. Событіе это особенно памятно мнѣ, такъ какъ съ нимъ связано и мое первое путешествіе заграницу. Нужно сказать, что первоначально у вел. кн. Павла Александровича я занималъ должность завѣдывающаго гардеробомъ. И вотъ, вполнѣ неожиданно было получено телеграфное распоряженіе срочно выѣхать въ Берлинъ и привезти съ собою германскій мундиръ великому князю. Положеніе мое было не изъ завидныхъ: безъ знанія иностранныхъ языковъ, безъ путевой опытности, я каждую минуту рисковалъ попасть впросакъ. Но Богъ помогъ и все обошлось благополучно. Въ Берлинѣ, въ русскомъ посольствѣ встрѣтилъ меня очень радушно тогдашній посолъ, графъ Шуваловъ, и поручилъ меня заботамъ одного изъ своихъ чиновниковъ. Въ его сопутствіи ознакомился я съ Берлиномъ, а нѣкоторое время спустя, выѣхалъ на встрѣчу вел. кн. Павлу Александровичу, возвращавшемуся изъ Афинъ. За нѣсколько станцій до Берлина, оба брата — Павелъ и Сергѣй Александровичи, переодѣлись въ германскіе мундиры и отправились на свиданіе съ германскимъ императоромъ. Вспоминается мнѣ, что свиданіе это было очень кратковременнымъ и черезъ нѣсколько часовъ вели-

кіе князья вернулись въ свой поѣздъ, который увезъ ихъ въ Петербургъ.

Вплоть до своей свадьбы, послѣдовавшей лѣтомъ 1889 года, вел. кн. Павелъ Александровичъ продолжалъ жить въ Зимнемъ дворцѣ, при чемъ велъ прежній замкнутый образъ жизни. Ранней весной этого года вел. кн. Павелъ Александровичъ отправился снова въ Грецію къ своей нареченной невѣстѣ Александрѣ Георгіевнѣ, и въ это далекое путешествіе взялъ съ собою и меня.

Живо помню: когда мы отправились изъ Петербурга, — стояли еще морозы, но по мѣрѣ нашего продвиженія на югъ, — насъ встрѣчала цвѣтущая весна. Все это мнѣ было вновѣ. Путешествіе черезъ Италію и пребываніе въ Греціи показалось мнѣ яркимъ, красочнымъ сномъ. Пробывъ въ гостяхъ мѣсяца полтора, мы вернулись въ Петербургъ, куда вскорѣ прибыла Александра Георгіевна и гдѣ сыграна была, въ іюнѣ 1889 года, свадьба.

Послѣ свадьбы, молодые поселились въ собственномъ дворцѣ, на набережной Невы, за Благовѣщенской церковью, напротивъ Морского корпуса.

Здѣсь потекла мирно и ровно ихъ семейная жизнь. Здѣсь же родился ихъ первый ребенокъ, вел. кн. Марія Павловна. Самыми близкими для нихъ людьми въ это время былъ вел. князь Сергѣй Александровичъ и вел. княгиня Елизавета Феодоровна. Но, къ сожалѣнію, не суждено было продолжаться этой семейной идилліи. Великій князь Сергѣй Александровичъ получилъ постъ Московскаго ген. губернатора и, отличаясь широкимъ гостепріимствомъ, всегда радовался посѣщеніямъ своихъ родственниковъ. Неоднократно — и въ Москвѣ и въ подмосковномъ селѣ Ильинскомъ — бывали у него вел. кн. Павелъ Александровичъ и вел. княгиня Александра Георгіевна. Тогда не было конца веселымъ баламъ, пикникамъ и выѣздамъ. Селу Ильинскому и было суждено сыграть роковую роль въ судьбѣ великокняжеской четы. Великая княгиня, ожидавшая появленія на свѣтъ второго ребенка, во время одного изъ оживленныхъ баловъ почувствовала дурноту и, лишившись чувствъ, отъ сильныхъ предродовыхъ болей, была унесена въ свои аппаратаменты. Говорили тогда, что великая княгиня оказалась жертвою собственной неосторожности. Въ Ильинскомъ, на Москвѣ-рѣкѣ, постоянно дежурила лодка для увеселительныхъ прогулокъ. В. кн. Александра Георгіевна, очень любившая кататься, никогда не имѣла терпѣнія сходить къ пристани по дорожкѣ, а всегда прыгала съ крутого берега прямо въ

лодку, не взирая на свое положеніе. Это обстоятельство и послужило причиной преждевременныхъ родовъ. Рѣшительно все было сдѣлано для того, чтобы спасти вел. княгиню. Всѣ врачебныя усилія выдающихся свѣтилъ медицинской науки были тщетны: вел. княгиня Александра Георгіевна скончалась послѣ двухдневныхъ тяжелыхъ страданій, оставивъ недоношеннаго ребенка, впослѣдствіи вел. князя Дмитрія Павловича.

Горе вел. князя Павла Александровича не знало границъ.

Горе вел. кн. Павла Александровича, — Неудачное путешествіе по Италіи. — Посѣщеніе Кобурга и помолвка будущей царской четы. — Первая встрѣча съ императоромъ Вильгельмомъ II. — Вмѣсто Англіи — Крымъ. Поѣздка въ Ливадію. — Захаринъ, отецъ Іоаннъ Кронштадтскій. — Кончина императора Александра. III.

Надъ дворцомъ вел. князя Павла Александровича нависла мрачная тѣнь смерти. Горе, вызванное неожиданной утратой, опасенія за судьбу сына не позволяли успокоиться душѣ великаго князя. Врачи не давали надежды на то, что Дмитрій Павловичъ останется жить. Вел. князь Павелъ Алексадровичъ метался по своему дворцу, нигдѣ не находя себѣ покоя: въ короткое время онъ обратился въ тѣнь.. Врачи, пользовавшіе его, съ домашнимъ докторомъ Тургеневымъ во главѣ, рѣшили, что для возстановленія физическаго здоровья и духовнаго равновѣсія великаго князя необходима поѣздка за-границу. Но тутъ встрѣтилось неожиданное препятствіе. Великому князю предписано было медиками во время путешествія пользоваться массажемъ, но великій князь рѣшительно отказался взять съ собою массажиста, посторонняго, новаго для себя человѣка. Тогда докторъ Тургеневъ нашелъ выходъ: онъ взялся въ короткое время обучить меня врачебному массажу. Занятія наши пошли успѣшно и къ должности завѣдующаго великокняжескимъ гардеробомъ у меня прибавилась еще должность придворнаго массажиста.

Уѣзжая за-границу, вел. кн. Павелъ Александровичъ оставилъ своихъ маленькихъ дѣтей на попеченіе брата вел. кн. Сергѣя Александровича и его супруги. Вышло такъ, что послѣдніе очень привязались къ своимъ маленькимъ племянникамъ, которые, по волѣ судьбы, даже не одинъ разъ спасали ихъ отъ смер-

ти. Впослѣдствіи стало извѣстно, что преслѣдовавшій вел. кн. Сергѣя Александровича революціонеръ Каляевъ нѣсколько разъ подбѣгалъ съ бомбами въ рукахъ къ великокняжеской каретѣ, но, видя въ ней съ вел. кн. Сергѣемъ Александровичемъ дѣтей его брата, отказался отъ своего намѣренія, боясь пролитія крови невинныхъ дѣтей.

Первымъ этапомъ нашего путешествія, въ которомъ вел. кн. Павла Александровича, кромѣ меня, сопровождалъ адъютантъ Ефимовичъ, былъ Кобургъ, куда великій князь ѣхалъ повидаться съ своей сестрой Маріей Александровной, герцогиней Кобургъ-Готскою. Однако, пребываніе наше здѣсь было очень кратковременнымъ. Вел. кн. Павелъ Александровичъ стремился въ Италію къ солнцу и теплу, которыхъ такъ требовалъ его измученный недугомъ и горемъ организмъ. Увы, во время этого путешествія намъ не посчастливилось: мы побывали въ Неаполѣ, Флоренціи, Римѣ, Венеціи — и всюду насъ преслѣдовали холодъ и дождливое ненастье. Великій князь все время нервничалъ, жаловался на погоду и нигдѣ ему не нравилось. Дѣйствительно, осень въ этомъ году, на югѣ, какъ на грѣхъ, задалась особенно непогодливая. Мы пробыли въ отсутствіи около двухъ мѣсяцевъ и къ рождественскимъ праздникамъ вернулись въ Петербургъ.

Несмотря на всѣ неблагопріятныя обстоятельства, сопровождавшія нашу поѣздку, она все же черезъ нѣкоторое время принесла долю пользы вел. князю Павлу Александровичу: онъ сдѣлался много бодрѣе и веселѣе, здоровье и самочувствіе его также нѣсколько улучшились.

Съ тѣхъ поръ вел. князь ѣздилъ за-границу каждую осень. Военная служба не препятствовала ему въ этомъ: командовавшій до женитьбы эскадрономъ лейб-гвардіи гусарскаго полка, стоявшаго въ Царскомъ Селѣ, великій князь состоялъ теперь командиромъ лейбъ-гвардіи Коннаго полка и съ разрѣшенія Государя Императора могъ отлучаться отъ своей части на болѣе или менѣе продолжительное время. Изъ заграничныхъ путешествій отмѣчу здѣсь особо вторичную поѣздку въ Кобургъ, гдѣ состоялась помолвка будущаго императора Николая II съ принцессой Гессенъ - Дармштадтской, Алисой. Было это великимъ постомъ 1894 года. Сюда съѣхались всѣ великіе князья, присутствовалъ также и великій князь Константинъ Константиновичъ, который въ ту

пору командовалъ Преображенскимъ полкомъ. Великій князь вызвалъ для участія въ богослуженіяхъ маленькой домовой православной церкви своихъ полковыхъ пѣвчихъ изъ Петербурга въ Кобургъ.

Особенно памятна мнѣ первая моя встрѣча здѣсь съ будущей императрицей. Вел. кн. Павелъ Александровичъ поручилъ мнѣ доставить ей цѣнный отъ него подарокъ. Я отправился въ занимаемое ею помѣщеніе Кобургскаго дворца и засталъ ее въ одной изъ тѣсныхъ дворцовыхъ гостиныхъ. Сидѣла она на диванѣ вмѣстѣ со своимъ женихомъ и при видѣ меня какъ-то сконфузилась и отошла къ окну, ничего мнѣ не сказавъ. Наоборотъ, будущій императоръ привѣтствовалъ меня очень ласково: — « А, милый Волковъ, что скажешь хорошаго». Я доложилъ о цѣли моего прихода, и тогда Цесаревичъ пригласилъ подойти свою невѣсту, объяснилъ ей, кто я таковъ, и зачѣмъ явился. Она, повидимому, была рада подарку и милостиво отпустила меня, давъ мнѣ на прощаніе поцѣловать руку.

Въ Кобургѣ мы пробыли около трехъ недѣль, весело и разнообразно. Особенно оживлялъ собравшееся тамъ общество своею веселостью и подвижностью вел. кн. Владимиръ Александровичъ. Тамъ же видѣлъ я впервые императора германскаго Вильгельма II. Онъ держалъ себя не только скромно, но, по временамъ, прямо заискивающе. Дѣло доходило до того, что онъ самолично помогалъ надѣвать пальто великимъ князьямъ. Вообще чувствовалось, что онъ выбивается изъ силъ, чтобы понравиться русской царской семьѣ. Но особенныхъ симпатій у нея онъ, кажется, не завоевалъ *).

Съ наступленіемъ осени того же 1894 года вел. князь Павелъ Александровичъ, совмѣстно съ вел. кн. Сергѣемъ Александровичемъ, сталъ собираться въ Англію. Дѣло въ томъ, что въ то время возникъ проектъ женитьбы вел. кн. Павла Александровича на одной изъ англійскихъ принцессъ. Все было приготовлено уже къ нашему отъѣзду, — уложены сундуки и чемоданы, когда изъ Ли-

*) Штрихъ, приведенный здѣсь авторомъ, совпадаетъ съ характеристикой Вильгельма]], сдѣланной другими близко знавшими его лицами: принцессою Луизой Саксонской, княгинею Радзивиллъ и др.

Е. С.

вадіи была получена телеграмма, извѣщавшая о томъ, что пребывавшій тамъ на излѣченіи императоръ Александръ III находится въ опасномъ положеніи. Спѣшно переупаковали вещи и немедленно выѣхали въ Крымъ

Здѣсь скажу нѣсколько словъ о моихъ встрѣчахъ съ императоромъ Александромъ III. Онѣ не были часты, потому что Государь вообще довольно рѣдко бывалъ у вел. кн. Павла Александровича. Такъ, иногда приходилъ онъ въ его аппартаменты въ Зимнемъ дворцѣ переодѣваться послѣ парадовъ на Дворцовой площади. Но это были мимолетныя посѣщенія. Вообще же императоръ Александръ III видался съ великими князьями регулярно и еженедѣльно: такъ было заведено, чтобы вся царская семья съѣзжалась въ субботу вечеромъ въ Гатчину и тамъ проводила весь воскресный день.

Въ Ливадіи мы пробыли всего на всего около недѣли. Здѣсь застали мы послѣдніе дни императора Александра III. Ливадійскій дворецъ былъ полонъ медицинскими свѣтилами, собравшимися со всего міра, но они не могли уже доставить облегченія угасавшему государю. Среди врачебныхъ знаменитостей обращалъ на себя вниманіе своими странностями профессоръ Захаринъ. Между прочимъ, онъ не могъ сдѣлать по дворцовымъ комнатамъ нѣсколькихъ шаговъ, безъ того, чтобы не сѣсть для отдыха. Поэтому по пути слѣдованія его въ спальню императора ему ставили цѣлый рядъ креселъ.

Тогда же, по желанію государя, вызванъ былъ въ Ливадію и о. Іоаннъ Кронштадтскій. Мы всѣ встрѣчали его и подходили подъ благословеніе. Все шло благополучно, пока не приблизился къ нему одинъ изъ ливадійскихъ дворцовыхъ служителей. Преподавъ ему благословеніе, о. Іоаннъ вдругъ сказалъ, пристально глядя на него: « А тебѣ — ночь темная...». Можно себѣ представить, какъ былъ пораженъ напутствуемый такими словами, если принять во вниманіе, что о. Іоаннъ Кронштадтскій былъ широко извѣстенъ въ народѣ, какъ провидецъ будущаго. Но, къ счастью, наши сомнѣнія и опасенія оказались лишенными основаній: на этотъ разъ прорицаніе о. Іоанна Кронштадтскаго не сбылось.

Утромъ 20 октября 1894 года вел. кн. Павелъ Александровичъ вернулся изъ опочивальни государя и сообщилъ мнѣ, и другимъ своимъ слугамъ, что все кончено. На нашъ вопросъ, можно ли намъ пойти проститься съ почившимъ императоромъ, великій князь отвѣчалъ утвердительно. По одиночкѣ входили мы, по-

раженные горемъ въ государеву спальню. Царь не лежалъ еще на кровати, но сидѣлъ одѣтый въ халатъ въ глубокомъ креслѣ, повидимому, въ томъ самомъ положеніи, въ которомъ застала его смерть. Около него, обнимая его, сидѣла императрица Марія Феодоровна. Мы, склонясь, цѣловали руку почившаго монарха и, поклонившись государынѣ, выходили изъ комнаты. Въ тотъ же день вечеромъ мы присутствовали на панихидѣ по Александрѣ III. Затѣмъ принесли присягу новому императору Николаю II и на слѣдующее утро выѣхали изъ Ливадіи въ Петербургъ.

Въ гостяхъ у королевы Викторіи. — Поѣздка въ Москву на коронацію. — Подробности коронованія императора Николая II. — Впечатлѣнія отъ Ходынской катастрофы.

Лѣтніе мѣсяцы слѣдующаго 1895 года побыли мы за-границей, при чемъ побывали въ Англіи въ гостяхъ у престарѣлой королевы Викторіи въ замкѣ Виндзоръ. Время было проведено здѣсь вел. кн. Павломъ Александровичемъ въ самомъ тѣсномъ семейномъ кругу. Особенно памятны мнѣ воскресенья, которыя протекали у насъ въ лѣтней резиденціи королевы Викторіи. Въ послѣобѣденное время и англійская королева, и высокіе ея гости со своими свитами выходили на обширную садовую площадку, при чемъ королева Викторія занимала мѣсто въ центрѣ полукруга, сидя въ креслѣ на возвышеніи, — и тогда начиналось оживленное веселье: слуги и служанки, одѣтые въ шотландскіе національные костюмы въ теченіе нѣсколькихъ часовъ танцовали шотландскіе танцы. Вспоминаю еще одно своеобразное мѣстное обыкновеніе. Ежедневно, въ 9 часовъ утра, подъ окнами дворца появлялись шотландскіе музыканты и игрою на національныхъ музыкальныхъ инструментахъ пробуждали королеву отъ сна. Изъ Виндзорскаго замка гости ѣздили на охоту на оленей въ горы. Пріѣхавъ въ охотничій замокъ и переночевавъ въ немъ, рано утромъ выѣхали на охоту. Всѣ охотничьи трофеи привозились къ замку и здѣсь принимались егерями, которыми и сохранялись отдѣльно для каждаго охотника. Послѣ обѣда, въ 9 часовъ, въ охотничьемъ замкѣ зажгли илюминацію и при ея свѣтѣ были устроены танцы егерей и мѣстныхъ жителей. Приняли уча-

стіе въ этихъ танцахъ гости. Танцы сопровождались обмѣномъ поцѣлуями между кавалерами и дамами. Продолжались танцы всю ночь. На другой день вернулись въ Виндзорскій замокъ.

Цѣлью посѣщенія Англіи было продолженіе начатаго, т. е. сватовства вел. кн. Павла Александровича къ одной изъ англійскихъ принцессъ. Однако, окончилось оно ничѣмъ, такъ какъ великій князь и принцесса, что называется, не сошлись характерами. Къ началу осени мы снова были въ Петербургѣ.

По возвращеніи нашемъ домой, жизнь вскорѣ вошла въ обычную колею и потекла однажды заведеннымъ порядкомъ. По прежнему, великій князь избѣгалъ шумныхъ увеселеній и отдавался весьма ревностно занятіямъ въ лейбъ-гвардіи конномъ полку. Они отвлекали его отъ мыслей о неудавшейся семейной жизни и успокаивали его расшатанные нервы. Аккуратно присутствовалъ онъ на полковыхъ ученьяхъ, принимая живое участіе въ жизни своего полка. Кромѣ присутствованія на обычныхъ полковыхъ праздникахъ, которое было обязательнымъ, вел. кн. Павелъ Александровичъ регулярно, разъ въ недѣлю, ѣздилъ также и на полковые обѣды. Такъ незамѣтно подошла весна 1896 года. Мнѣ пришлось снова сопровождать вел. кн. Павла Александровича, на этотъ разъ въ Москву, на коронаціонныя торжества. Остановились мы, по обыкновенію, у вел. кн. Сергѣя Александровича. На этотъ разъ вел. кн. Павелъ Александровичъ ѣхалъ въ сопровожденіи дѣтей, при которыхъ состояла воспитательницей г-жа Джунковская, сестра того самаго Джунковскаго, который игралъ впослѣдствіи довольно видную роль въ высшей русской бюрократіи. Въ Москвѣ, у вел. кн. Павла Александровича было много хлопотъ. По порученію молодого государя онъ долженъ былъ ежедневно встрѣчать пріѣзжавшихъ на коронацію иностранныхъ высокихъ гостей, всякій разъ переодѣваясь въ соотвѣтствующій иностранный мундиръ. Такъ протекло около недѣли и наступили самые коронаціонные дни.

Не стану здѣсь описывать подробностей Коронаціонныхъ торжествъ. О нихъ разсказывалось до меня уже много разъ. От-

мѣчу только, что мнѣ удалось наблюдать церемонію традиціоннаго переѣзда государя изъ Петровскаго дворца въ Кремль, наканунѣ самой коронаціи. Царь ѣхалъ верхомъ, обѣ же царицы — въ экипажѣ, восторженно привѣтствуемые народомъ. На другой день я смотрѣлъ торжественное шествіе отъ Краснаго Крыльца къ Успенскому собору и обратно, въ Кремлевскій дворецъ. Пытался я было проникнуть въ Успенскій соборъ, но тамъ была такая неимовѣрная давка, что я предпочелъ возвратиться въ Кремлевскій дворецъ. Черезъ нѣсколько минутъ послѣ меня туда пришелъ вел. кн. Павелъ Александровичъ и сообщилъ, что сейчасъ прибудетъ государь императоръ, которому нужно помочь переодѣться. Дѣйствительно, вскорѣ вошелъ въ свои покои императоръ Николай II. Я принесъ ему свои поздравленія, за что онъ поблагодарилъ меня съ обычною своею лаской. Былъ онъ очень блѣденъ и утомленъ, но расположеніе духа у него было хорошее. — «Посмотри, Волковъ, что со мною сдѣлали», обратился онъ ко мнѣ и показалъ сначала мундиръ, а затѣмъ сапоги съ особо мягкими подошвами. Мундиръ и подошвы сапогъ государя имѣли заранѣе сдѣланныя отверстія, черезъ которыя было совершено таинство мѵропомазанія. Переодѣвшись, государь велѣлъ убрать мундиръ и сапоги, которые должны были храниться, какъ святыня и въ качествѣ исторической реликвіи. Послѣдовавшіе затѣмъ балы, пріемы и празднества были омрачены катастрофой, происшедшей на Ходынскомъ полѣ.

Въ самый день несчастья я пошелъ прогуляться по направленію къ Ходынкѣ и встрѣтилъ не мало народа, шедшаго съ мѣста происшествія и несшаго оттуда царскіе подарки. Но странное дѣло, никто не говорилъ о катастрофѣ и узнали мы о ней только на другой день утромъ въ генералъ-губернаторскомъ домѣ, куда прибылъ со спеціальнымъ докладомъ московскій оберъ-полицеймейстеръ, Власовскій. Вел. кн. Сергѣй Александровичъ былъ сильно подавленъ случившимся: онъ приказалъ Власовскому пріѣзжать каждый часъ и подробно доносить о ходѣ разслѣдованія причинъ катастрофы. Затѣмъ началась обычная въ такихъ случаяхъ волокита: оберъ-полицеймейстеръ Власовскій сваливалъ свою вину на вел. кн. Сергѣя Александровича, послѣдній считалъ причиною бѣдствія бездѣйствіе министра двора, графа Воронцова-Дашкова. Императоръ Николай II принималъ дѣятельное участіе въ разбирательствѣ дѣла о виновникахъ Ходынской катастрофы, и въ результатѣ оказалось, что, либо вел. кн. Сергѣй

Александровичъ, либо графъ Воронцовъ-Дашковъ должны подать въ отставку. Тогда рѣшительное давленіе на государя оказалъ вел. кн. Владимиръ Александровичъ, заявившій, что всѣ великіе князья покинутъ свои посты, если вел. кн. Сергѣй Александровичъ вынужденъ будетъ выйти въ отставку.

Императоръ Николай II уступилъ, и отъ должности былъ отстраненъ Власовскій. Нѣкоторое время спустя оставилъ свое мѣсто и графъ Воронцовъ-Дашковъ. Во дни, слѣдовавшіе за Ходынской катастрофой, мнѣ самому приходилось наблюдать кошмарное зрѣлище подводъ, развозившихъ по покойницкимъ трупы съ Ходынскаго поля, наваленные, какъ бревна, и полуприкрытые брезентами и рогожами.. Коронаціонныя торжества закончились блестящимъ баломъ у французскаго посла, а вслѣдъ за тѣмъ начался разъѣздъ изъ Москвы высочайшихъ особъ и ихъ свитъ. Много разъ мнѣ приходилось и читать и слышать, что народъ, будто бы усматривалъ въ Ходынской катастрофѣ предзнаменованіе несчастливыхъ дней будущаго царствованія императора Николая II. По совѣсти могу сказать, что тогда этихъ толковъ я не слыхалъ. Повидимому, какъ часто бываетъ, особенно въ подобныхъ случаяхъ, такое толкованіе Ходынскому происшествію дано было значительно позже, такъ сказать, заднимъ числомъ. У насъ, вѣдь, вообще любятъ въ катастрофическихъ событіяхъ усматривать скрытый, таинственный смыслъ.

Знакомство в. к. Павла Александровича съ О. В. Пистолькорсъ. — Заграничная поѣздка съ нею. Болѣзнь великаго князя. Поиски возможностей брака. — Запутанность отношеній. — Вел. кн. Павелъ Александровичъ покидаетъ Россію. — Италія. — Благословеніе великаго князя на бракъ. — Бракосочетаніе въ Веронѣ.

Черезъ нѣкоторе время послѣ нашего возвращенія изъ Москвы, произошло знакомство в. к. Павла Александровича съ г-жей О. В. Пистолькорсъ, урожденной Карновичъ. Знакомство это, какъ извѣстно, сыграло значительную роль въ жизни великаго князя. Мужъ г-жи Пистолькорсъ былъ однополчанинъ великаго князя. Знакомство съ его супругою, если не ошибаюсь, произошло на обѣдѣ, данномъ Пистолькорсомъ великому князю. Почти въ то же время завязался у великаго князя романъ съ его

будущей супругой. Мнѣ ничего объ этомъ тогда извѣстно не было. Открылось это въ періодъ обычнаго нашего осенняго путешествія за границу. Великій князь ѣхалъ въ своемъ вагонѣ, тогда какъ г-жа Пистолькорсъ занимала мѣсто въ отдѣльномъ купе 1-го класса. На это обстоятельство обратили мое вниманіе, и я сталъ приглядываться къ тому, что же будетъ дальше. Вскорѣ наша спутница стала запросто приходить въ великокняжескій вагонъ. Въ Парижѣ великій князь и г-жа Пистолькорсъ жили въ одномъ и томъ же отелѣ, но, конечно, въ различныхъ помѣщеніяхъ. Отсюда они часто предпринимали болѣе или менѣе продолжительныя совмѣстныя прогулки. Это заграничное путешествіе особенно закрѣпило близость между ними. По возвращеніи въ Петербургъ, свиданія ихъ стали обычнымъ явленіемъ, при чемъ то великій князь обѣдалъ у Пистолькорсъ, то г-жа Пистолькорсъ пріѣзжала къ в. к. Павлу Александровичу, обычно вечеромъ, послѣ поздняго нашего обѣда.

Въ слѣдующемъ году великимъ княземъ была предпринята довольно продолжительная поѣздка на югъ Франціи для морскихъ купаній. Вел. князь на этотъ разъ ѣхалъ въ тѣсномъ семейномъ кругу, съ дѣтьми, въ сопровожденіи г-жи Джунковской и дѣтскаго врача С. А. Острогорскаго. Мы, признаться, думали, что на этотъ разъ г-жа Пистолькорсъ не будетъ нашей спутницей, но ошиблись въ нашихъ предположеніяхъ. Она прибыла на мѣсто нашего пребыванія нѣсколько позднѣе насъ, но, опять-таки, поселилась отъ насъ отдѣльно. Кажется, великій князь сознавалъ ложность создавшагося положенія и на этой почвѣ сталъ нервничать все болѣе и болѣе. Вскорѣ по пріѣздѣ въ Петербургъ онъ заболѣлъ тяжелой формой нервной экземы и вынужденъ былъ отправиться для леченія въ Берлинъ. Теперь г-жа Пистолькорсъ находилась при немъ безотлучно, усердно ухаживая за больнымъ. Изъ Берлина переѣхали мы въ его окрестности, гдѣ та медицинская знаменитость, у которой лечился великій князь, имѣла собственную санаторію. Здѣсь мы заняли отдѣльный небольшой домъ, и вел. кн. Павелъ Александровичъ пользовался цѣлебными ваннами. Отсюда же онъ ѣздилъ въ берлинскую клинику на перевязки. Постепенно стало ему дѣлаться лучше. Между прочимъ, и на этотъ разъ мнѣ довелось исполнять медицинскія обязанности. Имѣя въ виду нашъ скорый отъѣздъ изъ Берлина, профессоръ,

лечившій великаго князя, въ четыре или пять уроковъ научилъ меня перевязывать пораженныя экземой мѣста и увѣрялъ потомъ, что я накладываю повязки не хуже, чѣмъ онъ самъ. Такъ пришлось мнѣ снова состоять въ роли фельдшера при вел. кн. Павлѣ Александровичѣ.

Послѣдующія два путешествія за-границу были вызваны намѣреніемъ великаго князя вступить въ морганатическій бракъ съ г-жей Пистолькорсъ.

Сначала мы побывали въ Берлинѣ, въ Парижѣ, затѣмъ объѣхали Италію. Великаго князя сопровождали его адъютанты Лихачевъ и Ефимовичъ. На Лихачева была возложена задача найти за-границей православнаго священника, который согласился бы обвѣнчать великаго князя. Однако, всѣ поиски оставались тщетными, и въ Петербургъ пришлось вернуться ни съ чѣмъ.

Великій князь былъ крайне разстроенъ этими неудачами и его снова постигла обычная болѣзнь. Но на этотъ разъ нервная его система оказалась пораженной весьма серьезно, и онъ значительное время находился въ опасномъ положеніи. Г-жа Пистолькорсъ ревностно ухаживала за нимъ, при чемъ даже спала въ кабинетѣ великаго князя на диванѣ. Тогда же и проявилось въ ней своеобразное суевѣріе изъ числа господствовавшихъ въ семьѣ Карновичъ. Такъ ежедневно и собственноручно г-жа Пистолькорсъ ставила подъ кровать великому князю ярко начищенный мѣдный тазъ, наполненный водою, повидимому, считая это симптоматическимъ средствомъ противъ недуга, постигшаго дорогого ея сердцу больного. Такими же странными привычками отличалась и мать г-жи Пистолькорсъ: такъ, напр., молясь въ церкви, она никогда не ставила свѣчки къ образу, какъ всѣ люди, но почему-то обжигала свѣчу прежде, чѣмъ ее поставить, со всѣхъ сторонъ.

Мнѣ трудно описать всѣ измѣненія, которымъ подвергались отношенія между вел. кн. Павломъ Александровичемъ и г-жею Пистолькорсъ. Многое, правда, я наблюдалъ самъ, кое-что слышалъ отъ другихъ и скажу по этому поводу слѣдующее. Сначала на бракѣ настаивала г-жа Пистолькорсъ. Великій же князь уклонялся даже отъ самыхъ разговоровъ на эту тему. Напрасно

ссылалась она на примѣры, въ частности, на морганатическій бракъ императора Александра II и свѣтлѣйшей княгини Юрьевской. На великаго князя доводы эти не дѣйствовали... Тогда въ дѣло вмѣшался самъ Пистолькорсъ. Онъ предложилъ женѣ продать Петербургскій домъ и принадлежавшее имъ имѣніе въ Финляндіи и переѣхать на жительство заграницу. Г-жа Пистолькорсъ стала колебаться, но мужъ ея категорически заявилъ, что онъ никому не позволитъ «трепать свое честное имя по панели». Великаго князя слова эти задѣли за живое, и онъ бозповоротно рѣшилъ жениться на г-жѣ Пистолькорсъ. Затѣмъ, состоялась послѣдняя, такъ сказать, свадебная, поѣздка за-границу в. к. Павла Александровича. Прежде всего, онъ привелъ въ извѣстность свои денежныя средства. Оказалось, что онъ располагаетъ шестью милліонами золотыхъ рублей. Изъ нихъ великій князь взялъ себѣ три милліона, три же милліона оставилъ дѣтямъ. Капиталы великаго князя были въ процентныхъ бумагахъ. Ихъ уложили въ большой чемоданъ и поручили мнѣ на храненіе. Деньги повезли мы въ Берлинъ, при чемъ, помнится, мы съ моимъ помощникомъ чередовались при ихъ охранѣ. Въ Берлинѣ, когда прибылъ туда управляющій конторой великаго князя, полковникъ Долинскій, деньги были пересчитаны вновь, приглашенъ былъ представитель одного изъ крупнѣйшихъ мѣстныхъ банкирскихъ домовъ и деньги помѣщены были на текущій счетъ въ одинъ изъ берлинскихъ банковъ. Впослѣдствіи, нѣкоторыя лица упрекали великаго князя за то, что онъ увезъ деньги изъ Россіи. На это в. к. Павелъ Александровичъ отвѣчалъ слѣдующее.

— Я смогъ составить себѣ состояніе въ шесть милліоновъ только потому, что, не въ примѣръ прочимъ, жилъ скромно и бережливо. Дѣтямъ же я оставилъ не меньше того, что, въ свое время, отецъ мой оставилъ мнѣ.

Изъ Берлина мы отправились въ Италію и остановились во Флоренціи. Къ этому времени г-жа Пистолькорсъ уже получила формальный разводъ, и адъютантъ великаго князя Лихачевъ продолжалъ энергично искать православнаго священника, который согласился бы совершить таинство бракосочетанія. Въ концѣ концовъ, ему удалось это. Былъ найденъ священникъ грекъ, согласившійся за крупную сумму обвѣнчать великаго князя. Тогда намъ было оффиціально объявлено о предстоящемъ бракѣ и долженъ сказать, что извѣстіе это сильно удивило всѣхъ насъ, особенно близкихъ къ великому князю. Мнѣ же предстояли еще

большія испытанія. Въ этотъ же день Лихачевъ передалъ мнѣ, что великій князь проситъ меня подписать актъ, удостовѣряющій факты: вдовства великаго князя Павла Александровича и развода г-жи Пистолькорсъ. Напрасно я уклонялся отъ исполненія этого предложенія, ссылаясь на возможность недовольства со стороны императора Николая II. Лихачевъ былъ настойчивъ и упоренъ. Мнѣ пришлось уступить. Кромѣ меня, Лихачева и Ефимовича, актъ этотъ подписалъ одинъ изъ знакомыхъ в. князя, фамилія котораго совершенно изгладилась изъ моей памяти. Спустя два дня, рано утромъ, ко мнѣ неожиданно вошелъ в, к. Павелъ Александровичъ и обратился ко мнѣ со слѣдующими словами:

— Я здѣсь на чужбинѣ и у меня нѣтъ ни близкихъ, ни родныхъ. Благослови же меня, Волковъ, на предстоящій бракъ.

Я благословилъ великаго князя. Оба мы горько заплакали и потомъ обнялись горячо.

Бракосочетаніе в. к. Павла Александровича состоялось въ Веронѣ, и я на немъ не присутствовалъ. Послѣ него молодые вернулись во Флоренцію.

Опала вел. кн. Павла Александровича. — Лишеніе правъ. —Моя разлука съ великимъ княземъ. — Мои мытарства. — Философовъ и его чрезмѣрное усердіе. — Возвращеніе на придворную службу. — Попытка вел. кн. Павла Александровича вернуть меня къ себѣ.

Въ Италіи в. к. Павелъ Александровичъ послѣ свадьбы пробылъ до поздней осени. Въ ноябрѣ же мѣсяцѣ мы прибыли въ Парижъ.

За нѣсколько дней до шестого декабря, дня тезоименитства государя императора, — великій князь велѣлъ мнѣ приготовить генералъ-адъютантскій мундиръ, прибавивъ при этомъ, что онъ намѣренъ быть въ указанный день на богослуженіи въ посольской церкви. Я исполнилъ его приказаніе и былъ на готовѣ. Наканунѣ 6-го декабря великій князь получилъ изъ русскаго посольства какой-то пакетъ, адресованный ему въ собственныя руки. О содержаніи пакета вел. князь не сказалъ никому ничего.

На другой день Ефимовичъ присылалъ ко мнѣ спросить, поѣдетъ ли великій князь въ церковь. Я отвѣчалъ утвердительно.

Черезъ нѣсколько времени Ефимовичъ вторично прислалъ спросить меня о томъ же самомъ. Такъ какъ приближался часъ начала церковной службы, то я рѣшился напомнить самому великому князю. На мой вопросъ: надѣнетъ ли онъ сегодня приготовленный мною мундиръ, великій князь съ горечью отвѣчалъ: — «Къ сожалѣнію, его у меня нѣтъ».. Тогда то мы узнали, что министръ императорскаго двора сообщилъ нашему посольству въ Парижъ для извѣщенія великаго князя о томъ, что онъ лишается всего, вплоть до военнаго званія включительно. Нѣсколько дней спустя получено было второе письмо, которое поразило в. к. Павла Александровича новымъ ударомъ: въ немъ сообщалось, что у него отнимается шефство въ полкахъ и дворъ его подлежитъ расформированію. Тогда великій князь рѣшился на крайнее средство: онъ обратился съ письмомъ къ вел. кн. Владимиру Александровичу и просилъ его, какъ старшаго брата, о заступничествѣ и, въ частности, о сохраненіи за нимъ шефства въ полкахъ, ссылаясь на то обстоятельство, что шефство было дано ему покойнымъ его отцомъ, а не императоромъ Николаемъ II. Вскорѣ получена была отвѣтная телеграмма вел. кн. Владимира Александровича: — «Вступая въ бракъ, ты дѣлалъ это не спросясь старшаго брата. Богъ тебѣ судья». — Послѣ этой депеши в. к. Павелъ Александровичъ понялъ, что дѣло его въ данный моментъ безнадежно и рѣшилъ снова вернуться въ Италію. Мы возвратились во Флоренцію и приступили къ поискамъ подходящаго помѣщенія. Вскорѣ оно было найдено, — именно вилла графа Бутурлина въ окрестностяхъ Флоренціи. Но недолго пришлось мнѣ пожить здѣсь: всего какихъ нибудь три-четыре недѣли, а то и того еще меньше. Вел. кн. Павелъ Александровичъ уже нѣсколько разъ намекалъ мнѣ на то, что я заслужилъ себѣ отдыхъ, но я не придавалъ этимъ словамъ его серьезнаго значенія. Во Флоренціи же онъ прямо заявилъ мнѣ, что даетъ мнѣ отпускъ, вслѣдствіе чего я черезъ два-три дня могу отправиться въ Россію. При этомъ выяснилось, что вел. кн. оставляетъ при себѣ только Ефимовича и Лихачева. На мой вопросъ, когда же мнѣ надлежитъ вернуться, в. к. Павелъ Александровичъ отвѣчалъ уклончиво, что о времени моего возвращенія онъ напишетъ мнѣ своевременно самъ.

Я пріѣхалъ въ Петербургъ. Прошло немало дней, я все ждалъ письма отъ великаго князя, но тщетно. Наконецъ, меня вызвалъ къ себѣ завѣдывавшій его дворомъ ген. Философовъ.

Онъ объявилъ мнѣ объ окончательномъ расформированіи двора великаго князя и оставленіи меня за штатомъ, при этомъ мнѣ была назначена пенсія въ размѣрѣ 25 рублей въ мѣсяцъ и предоставлено казенное помѣщеніе на Алексѣевской улицѣ для жительства.

Разъ уже зашелъ разговоръ о Философовѣ, не могу не разсказалъ про анекдотъ, съ нимъ происшедшій и вызвавшій немалую на него досаду вел. кн. Павла Александровича. Дѣло было еще при жизни вел. кн. Александры Георгіевны. Однажды, послѣ обѣда, она со своимъ супругомъ стояла у окна дворца и наблюдала движеніе публики на набережной Невы. Около нихъ находился и Философовъ. Вдругъ вниманіе великой княгини было привлечено одной изъ проходящихъ дамъ съ прехорошенькой собачкой на рукахъ. — «Какъ мнѣ хотѣлось бы имѣть точно такую же прелесть», сказала великая княгиня, провожая глазами собачку. Философовъ, не говоря ни слова, беззвучно исчезъ изъ комнаты и нѣсколько минутъ спустя, торжествующій, вернулся съ собачкой на рукахъ. Оказалось, что Философовъ послалъ швейцара взять у дамы собачку. Когда тотъ исполнилъ приказаніе, то Философовъ принесъ отнятую собачку великой княгинѣ. Можно себѣ представить при этомъ конфузъ великокняжеской четы и удивленіе Философова, которому было приказано возвратить собачку по принадлежности. По одному этому факту легко судить, какими способностями отличался Философовъ.

Между тѣмъ, мои личныя дѣла шли все хуже и хуже. Не успѣлъ я устроиться, какъ слѣдуетъ на Алексѣевской улицѣ, какъ меня вызвалъ къ себѣ управляющій в. к. Павла Александровича, полк. Долинскій, и предложилъ мнѣ очистить квартиру, такъ какъ домъ этотъ былъ великимъ княземъ проданъ. Взамѣнъ была мнѣ предоставлена квартира, также въ казенномъ домѣ, на Галерной улицѣ, но вскорѣ я былъ выдворенъ и отсюда. Пришлось переѣхать въ частное помѣщеніе и занять выжидательное положеніе до тѣхъ поръ, пока не представится удобный случай напомнить деликатнымъ образомъ о себѣ. Случай этотъ явился и притомъ совершенно независимо отъ моей воли. Въ Петербургъ пріѣхалъ вел. кн. Сергѣй Александровичъ для того, чтобы навѣстить дѣтей своего брата. Онъ вызвалъ меня во дворецъ и сталъ разспра-

шивать о моемъ житьѣ-бытьѣ. Ничего о себѣ утѣшительнаго я разсказать, конечно, не могъ. Вел. кн. Сергѣй Александровичъ обѣщалъ, при первой возможности, опредѣлить меня снова на мѣсто въ придворное вѣдомство.

Возможность эта представилась на торжествахъ по случаю открытія мощей св. Серафима Саровскаго. Вел. кн. Сергѣй Александровичъ нашелъ подходящій случай напомнить обо мнѣ государю. Императоръ Николай II выразилъ свое изумленіе по поводу моего неустройства и посѣтовалъ на то, что никто не сказалъ ему объ этомъ раньше. Тотчасъ же состоялось распоряженіе принять меня на службу ко двору. Послѣ соотвѣтствующихъ переговоровъ съ стоявшимъ во главѣ гофмаршальской части графомъ Бенкендорфомъ и его помощникомъ Аничковымъ, я принятъ былъ на службу вицегофъ-фурьеромъ. Съ этихъ поръ судьба моя оказалась тѣснымъ образомъ связанной съ царскимъ дворцомъ.

Замѣчу, между прочимъ, что значительно позже вел. кн. Павелъ Александровичъ сдѣлалъ попытку снова вернуть меня къ себѣ на службу. Это было уже послѣ амнистіи великаго князя, которому было разрѣшено прибыть въ Россію для присутствованія на погребеніи убитаго революціонерами вел. кн. Сергѣя Александровича.

Черезъ управляющаго конторой в. к. Павла Александровича, Долинскаго, мнѣ было сдѣлано предложеніе возвратиться на службу къ вел. кн. Павлу Александровичу. Я не счелъ возможнымъ дать на это отвѣтъ, не переговоривъ съ графомъ Бенкендорфомъ. Послѣдній выразилъ удивленіе по поводу моего колебанія въ этомъ вопросѣ и тотчасъ же переговорилъ съ государемъ. Императоръ велѣлъ спросить меня, чѣмъ именно не нравится мнѣ моя теперешняя служба, на что я отвѣтилъ, что положеніемъ моимъ я вполнѣ удовлетворенъ и, если допускалъ возможность перехода къ вел. кн. Павлу Александровичу, то единственно «по старой памяти».

Государь мнѣ предложилъ еще хорошенько обдумать мое рѣшеніе, прибавивъ при этомъ, что ему было бы жалко разстаться со мною. Кромѣ того, въ этихъ переговорахъ почувствовалось мнѣ и нѣкоторое недовольство мною. Я подумалъ, подумалъ, — и остался. Несмотря на это рѣшеніе, отношенія мои къ вел. кн. Павлу Александровичу нисколько не измѣнились къ худшему.

Девятое января 1905 года .— Витте и манифестъ 17 октября. Первая Государственная Дума. — Впечатлѣнія отъ Столыпина. — Столѣтіе Отечественной войны. — Трагическая гибель Столыпина въ Кіевѣ.

Многія историческія событія, которыхъ я былъ свидѣтелемъ, за давностью времени изгладились изъ моей памяти, и я могу разсказать о нихъ только въ самыхъ общихъ чертахъ. Такъ, напримѣръ, довольно смутно вспоминаю я день 9-го января 1905 года. Въ это воскресенье я не былъ дежурнымъ въ Зимнемъ дворцѣ и, проходя по Невскому, встрѣтилъ процессію со священникомъ Гапономъ во главѣ, направлявшуюся къ Зимнему Дворцу. За нею слѣдовала большая толпа народа. Однако, все это шествіе было основано на недоразумѣніяхъ, такъ какъ государя, котораго такъ хотѣли видѣть манифестанты, вовсе не было въ Зимнемъ Дворцѣ. Онъ находился въ этотъ день въ Царскомъ Селѣ.

Противъ манифестантовъ была двинута на усмиреніе Конная Гвардія, но военнымъ дѣйствіямъ предшествовали продолжительные уговоры успокоиться и разойтись. Особенно горячился при этихъ переговораъ священникъ Гапонъ съ крестомъ въ рукахъ..

Послѣ того, какъ убѣжденія не подѣйствовали, произведенъ былъ въ толпу залпъ холостыми зарядами. Когда же и это не оказало вліянія, то данъ былъ уже настоящій залпъ, послѣ котораго толпа разсѣялась, оставивъ на троттуарахъ и на площади немалое число убитыхъ и раненыхъ.

Въ тотъ же неспокойный 1905 годъ довелось мнѣ неоднократно видѣть Витте. Онъ подавлялъ своей дородной солидностью. Будучи очень высокаго роста, онъ отличался медлительностью движеній и спокойствіемъ всего своего внѣшняго облика.

Отъ Витте естественъ переходъ къ манифесту 17 октября 1905 года, о свободахъ. Составился онъ въ Петергофѣ, при чемъ выработка его текста была весьма продолжительной. Кромѣ ближайшихъ къ государю лицъ, здѣсь присутствовалъ Фредериксъ, внесшій въ текстъ манифеста много поправокъ, а также флигель-адъютантъ Орловъ, впослѣдствіи состоявшій при особѣ вел. кн.

Николая Николаевича на Кавказѣ. Этого Орлова *) не слѣдуетъ смѣшивать съ другимъ Орловымъ, лейбъ-уланомъ, извѣстнымъ своей жестокостью при усмиреніи Прибалтійскаго края. Одно время онъ былъ близокъ ко двору, но впослѣдствіи былъ устраненъ и умеръ отъ чахотки.

Составленіе манифеста носило очень конспиративный характеръ. Когда текстъ его былъ готовъ, государь внимательно прочиталъ его, перекрестился и поставилъ подъ нимъ свою подпись.

На торжествѣ открытія Первой Государственной Думы мнѣ быть не пришлось. Ни о комъ изъ перводумцевъ у меня воспоминаній не сохранилось. Но живо помню пріѣздъ С. А. Муромцева съ думской делегаціей въ Царское Село. Это было въ самомъ началѣ существованія Государственной Думы, когда къ личности Муромцева было особое внимательное отношеніе. Но намъ, привыкшимъ къ блеску расшитыхъ придворныхъ и военныхъ мундировъ, было какъ то странно на фонѣ ихъ видѣть скромные черные фраки думскихъ депутатовъ.

Помнится, лѣтомъ того же года довелось мнѣ увидѣть первый разъ Столыпина. Дѣло было въ финскихъ шхерахъ, на яхтѣ «Штандартъ», куда Столыпинъ, вскорѣ послѣ назначенія, прибылъ съ докладомъ къ Государю.

Я былъ дежурнымъ и могъ наблюдать сцену знакомства Столыпина съ приближенными государя.

Послѣ бесѣды съ императоромъ, Столыпинъ вошелъ въ столовую, въ другомъ концѣ которой, столпившись у закусочнаго стола, ожидали выхода государя свитскіе офицеры. Тамъ же находились графъ Фредериксъ и морской министръ. При появленіи Столыпина, всѣ взоры обратились на него. Высокій, статный, красавецъ собой, онъ спокойно стоялъ посреди столовой, озирая толпу придворныхъ. Послѣ кратковременнаго замѣшательства, къ Столыпину подошелъ Фредериксъ и представилъ одного за другимъ всѣхъ присутствующихъ. На окружающихъ сильная личность Столыпина сразу же произвела глубокое впечатлѣніе.

---

*) Опала его вызвана была также отрицательнымъ отношеніемъ къ Распутину.

Е. С.

Вскорѣ въ столовую вышли государь съ государыней и заняли мѣста за обѣденнымъ столомъ. Столыпинъ во время обѣда сидѣлъ рядомъ съ императрицей и оживленно съ нею разговаривалъ. Вообще, бесѣда велась исключительно между царской четой и премьеромъ.

Много разъ впослѣдствіи приходилось мнѣ видѣть Столыпина у государя и государыни, но, насколько я замѣтилъ, при ласковомъ пріемѣ, который былъ неизмѣнно оказываемъ этому сановнику въ царскомъ дворцѣ, интимности въ отношеніяхъ съ нимъ не было. Съ семьей же его отношенія не поддерживались вовсе.

Вскорѣ послѣ описаннаго обѣда, въ шхеры, на свиданіе съ императоромъ Николаемъ II, прибылъ императоръ германскій. Повидимому, ему хотѣлось также поближе познакомиться со Столыпинымъ. Впослѣдствіи, Татищевъ*) разсказывалъ мнѣ, что Вильгельмъ II выражалъ большое удовлетвореніе по поводу этого знакомства и, подойдя послѣ разговора со Столыпинымъ, сказалъ Татищеву слѣдующую характерную фразу:

— Вотъ, если бы у меня былъ такой министръ, — я покорилъ бы себѣ всю Европу.

Кстати, по поводу императора Вильгельма, долженъ упомянуть, что въ описываемое время его отношенія съ нашимъ государемъ значительно улучшились. Между ними происходили довольно частыя встрѣчи.

Вскорѣ, послѣ одного изъ посѣщеній императора Вильгельма II, государь выѣзжалъ въ Берлинъ, на бракосочетаніе дочери германскаго императора, выходившей замужъ за датскаго принца.

*) Генералъ Татищевъ, послѣдовавшій за царской семьей въ ссылку; разстрѣлянъ большевиками.

Е. С.

Убійство П. А. Столыпина. — Опасенія еврейскихъ погромовъ. — Распоряженіе Государя.

Я сопровождалъ государя въ Кіевъ. Съ нѣкоторыми изъ служащихъ я жилъ въ царскомъ поѣздѣ. Въ моментъ происходившаго 1-го сентября убійства Столыпина, ничего не подозрѣвая, я отправился погулять по Крещатику. Около театра мы со спутникомъ замѣтили какое то смятеніе и одинъ изъ чиновъ придворной охранной полиціи сообщилъ намъ, въ чемъ дѣло. Не зная, что произойдетъ дальше, мы поспѣшили обратно въ поѣздъ.

На другой день я былъ на торжественномъ обѣдѣ и имѣлъ случай слышать разговоръ двухъ незнакомыхъ мнѣ генераловъ, которые разсказывали, что наканунѣ произошло въ театрѣ. Послѣ того, какъ убійца Столыпина, Богровъ, произвелъ выстрѣлъ въ свою жертву и сталъ убѣгать, къ нему бросились два офицера и, обнажив шашки, хотѣли зарубить его на мѣстѣ. Ихъ остановили, а Богрова спросили, знаетъ ли онъ, на кого онъ покушался и не имѣлъ ли онъ намѣренія убить государя. На это Богровъ отвѣтилъ, махнувъ рукою:

— Все равно, кого нибудь убить мнѣ было необходимо.

Покушеніе на жизнь Столыпина вызвало настоящую панику среди еврейскаго населенія, которое массами стало покидать городъ, опасаясь погрома за злодѣяніе ихъ единовѣрца Богрова *). На вокзалѣ происходила невѣроятная давка, но тревога, по счастью, оказалась напрасной.

На третій день послѣ катастрофы состоялся нашъ отъѣздъ изъ Кіева. Я слышалъ, какъ при прощаніи съ генералъ-губернаторомъ Треповымъ, государь строго наказывалъ ему, чтобы онъ ни подъ какимъ видомъ не допускалъ еврейскаго погрома и всѣми силами поддерживалъ въ городѣ спокойствіе. Приказаніе государя, какъ извѣстно, соблюдено было въ точности.

Изъ Кіева мы выѣхали въ Ливадію...

---

*) Богровъ — «сотрудникъ» начальника Охраннаго Отдѣленія — служилъ «на два фронта». Изъ Воспоминаній лѣваго с.-ра М. Натансона слѣдуетъ. что Богровъ предложилъ ему (с.-рамъ) свои услуги для убійства Столыпина, но с--ры не приняли предложенія.

Е. С.

Столѣтняя годовщина Отечественной войны.

Осенью 1912 года состоялось празднованіе столѣтія Отечественной войны.

Послѣ торжествъ, имѣвшихъ мѣсто въ Москвѣ, государь и всѣ принимавшіе участіе въ торжествахъ, совершили поѣздку на Бородинское поле.

Здѣсь, послѣ открытія памятника, состоялся въ разбитыхъ въ полѣ палаткахъ, завтракъ на довольно большое число лицъ. Послѣ завтрака обходили могилы, осматривали старыя укрѣпленія. Служились многочисленныя панихиды.

Къ вечеру были собраны старики, помнившіе еще войну 1812 года.

Одна старуха, на вопросъ государя, сколько ей лѣтъ, отвѣтила:

— Сто десять.

— Откуда ты это знаешь? — спросилъ государь.

— Пойди, да въ управѣ спроси: тамъ тебѣ и скажутъ, — былъ отвѣтъ старухи. Государь засмѣялся.

Пріѣхали утромъ, — уѣхали вечеромъ, такъ что на Бородинскомъ полѣ пробыли цѣлый день. Государь ѣздилъ безъ императрицы, въ сопровожденіи нѣкоторыхъ изъ дѣтей.

Вечеромъ, послѣ обѣда въ поѣздѣ, были позваны пѣсенники.

Изъ Ливадіи, въ 1912 году, вся царская семья прибыла въ Царское Село .

Спокойно текла жизнь въ царскомъ домѣ. Государь просыпался около 8 ч. 30 м., въ 9 часовъ пилъ одинъ у себя въ кабинетѣ чай, послѣ котораго, до 10-ти часовъ, прогуливался по парку. Съ 10 часовъ принималъ доклады до завтрака, который подавался въ часъ дня и къ которому иногда бывали приглашенные. За завтракомъ изъ трехъ блюдъ собиралась вся царская семья. Послѣ завтрака государь занимался въ своемъ кабинетѣ, потомъ выходилъ къ императрицѣ, и они нѣсколько времени проводили за чтеніемъ. Затѣмъ государь съ дѣтьми прогуливался по парку, а послѣ прогулки опять принималъ явившихся къ нему лицъ. Въ 5 часовъ всей семьей пили чай. Послѣ чая, до обѣда, каждый изъ членовъ семьи занимался, какъ желалъ: дѣти —

обыкновенно уроками. Въ 8 часовъ подавался обѣдъ изъ четырехъ блюдъ. Вино (сливовицу) за обѣдомъ и завтракомъ по одной маленькой рюмкѣ пилъ только государь. Во время войны столъ царской семьи сталъ гораздо скромнѣе, вина же къ столу не подавали совершенно. Исключеніе дѣлалось только въ тѣхъ случаяхъ, когда къ столу бывали приглашенные. Только дѣти постоянно пили предписанное врачами Сенъ-Рафаэль.

Послѣ обѣда, около 9-ти часовъ, всѣ расходились: дѣти шли къ себѣ наверхъ, государь — въ кабинетъ на часъ, просматривать бумаги, а затѣмъ возвращался обратно къ императрицѣ, съ которой и проводилъ время до часу ночи за чтеніемъ и бесѣдой. Иногда тутъ же присутствовала и А. А. Вырубова. Въ 11 часовъ пили чай.

Такъ обыкновенно текла жизнь въ царскомъ домѣ. Только въ дни полковыхъ праздниковъ государь часть дня проводилъ внѣ семьи и, если полкъ былъ расположенъ въ Петроградѣ, завтракалъ, а если въ Царскомъ Селѣ, то обѣдалъ въ полковыхъ офицерскихъ собраніяхъ.

Дѣти вставали въ 8 часовъ, пили чай и занимались до 11-ти часовъ. Учителя пріѣзжали изъ Петрограда, въ Царскомъ Селѣ жили только Гибсъ и Жильяръ. Иногда послѣ уроковъ передъ завтракомъ совершалась недолгая прогулка. Послѣ завтрака — занятія музыкой и рукодѣліемъ.

Государыня вставала въ 9 часовъ и въ постели пила гоголь-моголь. Затѣмъ занималась въ своемъ кабинетѣ и принимала представлявшихся. Послѣ пріема иногда совершала прогулку по парку въ экипажѣ вмѣстѣ съ дѣтьми, или съ какой либо изъ фрейлинъ (графиней Гендриковой или баронессой Буксгевденъ). Послѣ завтрака, до чая государыня занималась ручными работами или живописью. Послѣ чая — работа до обѣда или пріемъ представляющихся.

Дѣти могли приходить къ государынѣ во всякое время, безъ предварительнаго о себѣ доклада.

Кромѣ двухъ (названныхъ выше) фрейлинъ, при императрицѣ находились: докторъ Е. С. Боткинъ и гофъ-лектрисса Шнейдеръ. За здоровьемъ наслѣдника наблюдалъ докторъ Деревенько.

Зиму и весну слѣдующаго 1913 года провели въ Царскомъ Селѣ. Наслѣдникъ часто хворалъ гемофиліей.

Съ началомъ юбилейныхъ празднествъ трехсотлѣтія царствованія дома Романовыхъ, поѣхали въ Москву. Тамъ были цер-

ковныя торжества, встрѣчи и пріемы русскихъ и иностранныхъ делегацій. Изъ Москвы, черезъ Нижній Новгородъ, поѣхали по Волгѣ въ Кострому и Ипатьевскій монастырь. Оттуда — по Средней Россіи, путемъ, которымъ слѣдовалъ въ свое время царь Михаилъ Федоровичъ, опять въ окрестности Москвы, связанныя съ воспоминаніями о дѣятельности первыхъ царей рода Романовыхъ (Переяславское озеро, подмосковныя села и проч.). Вездѣ — воодушевленіе населенія, депутаціи.

Послѣ торжествъ вернулись въ Царское Село, оттуда въ Крымъ. Зиму 1913-1914 г. г. спокойно прожили въ Царскомъ Селѣ.

Лѣтомъ 1914 года въ Петергофѣ и Красномъ Селѣ были большія празднества по случаю посѣщенія англійской и французской эскадръ. Послѣ убійства въ Сараевѣ австрійскаго эрцгерцога Франца-Фердинанда пошли слухи о возможной войнѣ, но въ царской семьѣ они не вызвали тревоги. Тревога почувствовалась уже въ серединѣ іюля, во время пребыванія президента Пуанкаре. Послѣ одного завтрака, президентъ неожиданно отбылъ на эскадру, которая тотчасъ снялась съ якоря и отплыла во Францію. Это дало поводъ къ тревожной молвѣ*).

О начатой Германіей войнѣ объявилъ государь въ Красномъ Селѣ въ присутствіи генералитета, офицерства, а также только что окончившихъ военныя училища, молодыхъ офицеровъ. Въ Красномъ Селѣ состоялся торжественный обѣдъ.

Возвратясь въ Петергофъ, государь на другой день припялъ министровъ и занимающихъ руководящіе посты военныхъ. Состоялось совѣщаніе, послѣ котораго великій князь Николай Николаевичъ былъ назначенъ Верховнымъ Главнокомандующимъ. Послѣ, въ августѣ, государь ѣздилъ по мобилизованнымъ военнымъ округамъ. До принятія на себя Верховнаго Главнокомандованія,

---

*) Я по старымъ парижскимъ моимъ отношеніямъ съ Вивіани, который въ качествѣ перваго министра сопровождалъ Пуанкаре, былъ имъ принятъ въ Французскомъ Посольствѣ. Подъ вліяніемъ этой общей тревоги я его между прочимъ спросилъ наканунѣ отъѣзда («не для печати») о положеніи вещей. Онъ мнѣ отвѣтилъ: «одно могу Вамъ сказать, Семеновъ, до сегодняшняго утра пока благополучно, а что будетъ завтра, — совершенно не знаю!..»

Е. С.

государь временами ѣздилъ въ Барановичи, гдѣ находилась ставка. Посѣтилъ также государь и крѣпости.

Послѣ принятія государемъ Верховнаго Главнокомандованія, и съ переносомъ ставки въ Могилевъ, я былъ назначенъ состоять въ должности камердинера при императрицѣ, которую я сопровождалъ при ея поѣздкахъ. Когда императрица ѣздила въ Ставку, то тамъ проводила только день, осматривая госпитали и лазареты своего имени. Самый же большой госпиталь находился въ Царскомъ Селѣ.

Наслѣдникъ жилъ сперва въ Царскомъ Селѣ, откуда ѣздилъ съ императрицей въ Ставку къ государю, въ Могилевъ. Затѣмъ, онъ по долгу оставался въ Ставкѣ, гдѣ жилъ только вдвоемъ съ государемъ.

Жизнь оставшихся въ Царскомъ Селѣ текла прежнимъ порядкомъ. Прибавилось лишь почти ежедневное посѣщеніе государыней и великими княжнами лазаретовъ. Передъ объѣздомъ лазаретовъ государыня и великія княжны заѣзжали помолиться въ церкви Феодоровской и Знаменской Божьей Матери. Такъ продолжалось до послѣднихъ мѣсяцевъ 1916 года.

Незадолго до убійства Распутина стало замѣчаться, въ связи съ неудачами на войнѣ, общее недовольство его вмѣшательствомъ въ дѣла управленія и его вліяніемъ на царскую семью.

Въ Государственной Думѣ по этому поводу произносились возбужденныя рѣчи. Во время пребыванія въ Царскомъ Селѣ государя бывали частые пріѣзды для доклада предсѣдателя Гос. Думы М. В. Родзянко.

Запомнился мнѣ одинъ изъ его послѣднихъ, можетъ быть, даже и послѣдній пріѣздъ. Родзянко поручилъ скороходу отмѣчать время его пребыванія въ кабинетѣ государя, и когда онъ вышелъ изъ кабинета, скороходъ, принимая отъ него портфель, чтобы донести таковой до экипажа, сообщаетъ о проведенномъ на докладѣ времени. — «Теперь это лишнее. Теперь все равно, все кончено...—, замѣтилъ съ горечью Родзянко *).

---

*) Вотъ что мы читаемъ въ I т. «Россія на переломѣ» П. Милюкова, стр. 22: «10 февраля (1917 г.) во время послѣдней аудіенціи предсѣдатель Думы былъ встрѣченъ холодно; царь нетерпѣливо прерывалъ его докладъ, а на повторныя подтвержденія объ угрожающемъ положеніи въ странѣ и о возможности революціи

Бывалъ у государыни министръ двора графъ Фредериксъ, знавшій дѣла только своего министерства и ни во что другое не вмѣшивавшійся. Съ докладами къ императрицѣ, во время отсутствія государя, являлся Горемыкинъ, а потомъ, смѣнившій его на посту премьера, — Штюрмеръ. Бывалъ часто и Протопоповъ, производившій странное впечатлѣніе своими черезчуръ любезными манерами *).

Распутинъ появился при дворѣ вскорѣ послѣ тяжкаго заболѣванія гемофиліей наслѣдника, во время пребыванія царской семьи въ Спалѣ, кажется, въ 1906 году.

Наслѣдникъ былъ при смерти. Выздоровленіе казалось невозможнымъ. Вся царская семья часто собиралась вмѣстѣ и молилась о здравіи болящаго. Умилительно служилъ священникъ о. Александръ.

Императрицѣ, которая была въ большомъ горѣ, посовѣтовали просить помолиться нѣкоего Распутина. Императрица послала ему телеграмму, на которую былъ полученъ отвѣтъ: «Помолюсь — и наслѣдникъ будетъ здоровъ». Дѣйствительно, день спустя, здоровье наслѣдника стало улучшаться. Вскорѣ послѣ этого Распутинъ получилъ доступъ къ императрицѣ. Это произошло въ Царскомъ Селѣ. Объ Распутинѣ государынѣ доложила Мар. Иван. Вишнякова, служившая во дворцѣ няней. При ея посредствѣ Распутинъ и былъ допущенъ во дворецъ. Посѣщенія его не были такими частыми, какъ объ этомъ обыкновенно говорятъ: такъ, за три мѣсяца моего безсмѣннаго дежурства при императрицѣ, я ви-

---

отвѣтилъ коротко: «Мои свѣдѣнія противоположны, а если Дума позволитъ себѣ такія же рѣзкія выступленія, какъ прошлый разъ, то будетъ распущена».

Е. С.

*) Авторъ совершенно вѣрно подмѣтилъ эту черту Протопопова, въ наличности которой я могъ убѣдиться лично въ Лондонѣ. Протоповъ, съ которымъ я до того былъ очень мало знакомъ, попросилъ меня помочь ему въ пріемѣ русскими парламентаріями бельгійскихъ парламентаріевъ. Со второй же встрѣчи онъ меня называлъ не иначе, какъ «дорогой другъ...» (1916 г.).

Е. С.

дѣлъ у нея Распутина только дважды, при чемъ посѣщенія его продолжалось не болѣе десяти минутъ*).

При встрѣчахъ съ государемъ Распутинъ цѣловалъ у него руку. Государь же — руку Распутина.

Накануне Революціи.

Въ декабрѣ 1916 года Распутинъ былъ убитъ. Во дворецъ объ этомъ сообщилъ Протопоповъ. Смерть Распутина произвела тяжелое впечатлѣніе на государыню и нѣкоторыхъ изъ ея приближенныхъ. Трупъ Распутина привезли въ Царское Село и похоронили на участкѣ за Феодоровскимъ соборомъ, тамъ, гдѣ А. А. Вырубова хотѣла построить убѣжище для инвалидовъ. Хотѣла она и сама тамъ жить: она была больная и, къ тому же, хромая,

Въ убійствѣ Распутина принималъ участіе великій князь Дмитрій Павловичъ. Онъ, по рѣшенію государя, долженъ былъ быть высланъ въ Ташкентъ, гдѣ ранѣе находился въ ссылкѣ Вел. князь Николай Константиновичъ*).

За Дмитрія Павловича просилъ государя его отецъ, в. к. Павелъ Александровичъ, а также и другіе великіе князья, особенно Николай и Александръ Михайловичи. Но государь сказалъ: «убійцъ я не прощаю». Дмитрій Павловичъ былъ высланъ. Императрица даже не приняла великихъ князей, хотѣвшихъ просить ея заступничества.

Послѣ этого, в. к. Александръ Михайловичъ вручилъ государю письмо, подписанное многими великими князьями.

Въ февралѣ 1917 года прошли слухи о томъ, что что-то въ Петроградѣ подготовляется. Государь почти постоянно находился въ Ставкѣ и только изрѣдка пріѣзжалъ въ Царское.

Возникли забастовки. Съ докладомъ къ императрицѣ сталъ

---

*) Свѣдѣнія, сообщаемыя авторомъ, совершенно вѣрны. Но сейчасъ, когда «гнусныя сплетни» уже оцѣнены по достоинству и оффиціально установлены даже врагами царицы, дѣло не въ посѣщеніяхъ, а въ его вліяніи черезъ ту же Вырубову, Головину и др. на царицу, вѣрившую въ его благодать, которою онъ былъ осѣненъ, когда въ ея рукахъ фактически была — къ концу 1916 г. — сосредоточена вся госуд. власть (см. Предисловіе).

*) См. Конецъ Распутина, кн. Ф. Ф. Юсупова.

часто пріѣзжать Протопоповъ. Однажды, послѣ пріема, онъ вышелъ отъ императрицы, зашелъ ко мнѣ въ дежурную комнату и сказалъ:

«Какъ будто начинается революціонное броженіе. Но мы успокоимъ».

Посѣщенія Протопопова были частыми. Послѣ одного изъ нихъ, онъ вновь зашелъ ко мнѣ и сказалъ, что государыня приказала мнѣ принимать отъ него, министра внутреннихъ дѣлъ, всѣ секретныя телефонныя сообщенія о ходѣ волненій и докладывать таковыя императрицѣ.

Сообщенія эти дѣлалъ, или онъ самъ, или его секретарь. Сообщенія эти въ теченіе перваго времени были успокоительнаго характера. «Доложите Ея Величеству, что въ Государственной Думѣ не благополучно: шумъ. Главное — ругаютъ «старика» (Штюрмера)». (Это, очевидно, относится къ 1916 году еще. *Е. С.)*.

Я доложилъ. «Ничего, пусть себѣ ругаютъ», замѣтила государыня. На послѣдующія сообщенія: «Доложите, что опасности нѣтъ никакой», государыня отозвалась: «Какая же можетъ быть опасность. Ничего не будетъ». Такая увѣренность не покидала императрицу до послѣдняго момента.

Событія развертывались быстро, но до дворца доходили только глухіе слухи. На другой день опять звонитъ Протопоповъ:

«Въ Петроградѣ бурно. Казаки понемногу переходятъ на сторону революціонеровъ. Завтра рѣшится все. Надѣюсь, наша сила возьметъ верхъ. Я приказалъ полиціи занять посты на чердакахъ».

Я передалъ императрицѣ докладъ: въ Петроградѣ не все благополучно; казаки идутъ противъ правительства».

— Этого никогда не можетъ быть: это ошибка.

— Ваше Величество, такъ докладываетъ министръ внутреннихъ дѣлъ.

— Никогда не повѣрю: казаки противъ насъ не пойдутъ.

Скоро опять звонокъ Протопопова: «Доложите Ея Величеству, что, я надѣюсь, мы устоимъ». Государыня на это замѣтила: «Конечно, это такъ и будетъ».

На слѣдующій день звонитъ секретарь министра: «Доложите Ея Величеству, что изъ нѣкоторыхъ тюремъ стали выпускать арестантовъ. Литовскій Замокъ горитъ. Горятъ и нѣкоторые участки».

Я доложилъ. «Что же дѣлать, посмотримъ, что дальше будетъ», сказала императрица, на которую эти извѣстія подѣйствовали нѣсколько удручающе. Это было послѣднее телефонное сообщеніе.

Послѣ секретарь министра пріѣзжалъ лично и сообщилъ, что горятъ участки, тюрьмы и судъ. Это было послѣднее сношеніе съ Петроградомъ.

Жизнь пріостановилась. Дѣти лежатъ въ кори, государя нѣтъ, нѣтъ и вѣстей о немъ.

Въ ожиданіи государя.

Чтобы облегчить страданія болящихъ, укрѣпить ихъ, подняли изъ Знаменской церкви икону Божьей Матери. На пути слѣдованія иконы во дворецъ встрѣтился солдатъ, посмотрѣлъ на икону, на священника, и, обращаясь къ послѣднему, сказалъ весьма грубо: «Привыкъ обманывать народъ: до сихъ поръ идоловъ носишь». — Это были первыя проявленія разнузданнаго настроенія, непосредственно дошедшія до насъ отзвуки революціи.

Молебствіе служилось въ той комнатѣ, гдѣ лежали больные. Хворали тяжело. Къ молебну сошлись придворные и служащіе, которые, полные тяжелыхъ скорбныхъ думъ, молились со слезами. По окончаніи молебствія, священникъ благословилъ больныхъ и, по просьбѣ государыни, обошелъ съ иконой весь дворецъ.

Въ первые дни революціи пріѣзжалъ отъ государя ген. адъютантъ Н. І. Ивановъ, довольно долго бесѣдовавшій съ государыней.

Ожидаемъ пріѣзда государя, получивъ вѣрныя свѣдѣнія, что государь изъ ставки выѣхалъ.

Для встрѣчи государя изъ Петрограда пріѣхалъ флигель-адъютантъ графъ Замойскій. Онъ дожидался пріѣзда государя и, сидя въ дежурной комнатѣ въ креслахъ, дежурилъ по ночамъ вмѣстѣ со мною.

Въ одну изъ такихъ ночей графъ Замойскій узналъ отъ дежурнаго офицера, что изъ Петрограда ѣдетъ особымъ поѣздомъ вооруженная группа рабочихъ и другихъ лицъ громить дворецъ. Замойскій, сообщивъ объ этомъ мнѣ, спросилъ, нужно ли безпокоить императрицу. Пообдумавъ, мы рѣшили пока государынѣ ничего не говорить. Пообождавъ нѣсколько времени, Замойскій переговорилъ съ кѣмъ надо по телефону и узналъ, что поѣздъ прошелъ мимо Царскаго. Такъ все обошлось благополучно.

Въ одинъ изъ первыхъ дней революціи (еще до пріѣзда государя), Родзянко телефонировалъ графу Бенкендорфу о томъ, что-

бы императрица и дѣти тотчасъ же уѣзжали изъ дворца: грозитъ большая опасность.

Графъ Бенкендорфъ сообщилъ, что дѣти больны. Родзянко отвѣтилъ:

— Уѣзжайте куда угодно и поскорѣе. Опасность очень велика. Когда горитъ домъ — и больныхъ дѣтей выносятъ.

Императрица позвала меня и разсказала объ этомъ, прибавивъ, въ сильномъ безпокойствѣ: «Никуда не поѣдемъ. Пусть дѣлаютъ, что хотятъ, но я не уѣду и дѣтей губить не стану».

Вскорѣ послѣ звонка Родзянко, какъ бы для защиты дворца, явились войска, въ первую очередь Гвардейскій экипажъ и стрѣлки Императорской фамиліи. По желанію императрицы войска выстроились около дворца и императрица, вмѣстѣ со здоровой еще вел. княжной Маріей Николаевной, стала обходить ряды солдатъ. Послѣ обхода графъ Апраксинъ *) сказалъ: «Какъ вы смѣлы, Ваше Величество. Какъ Васъ встрѣтили солдаты?» — «Эти матросы насъ знаютъ. Они вѣдь и на «Штандартѣ» были» — отвѣтила императрица. На другой день, простудившись на морозѣ при смотрѣ войскъ, слегла въ болѣзни и Марія Николаевна.

Объ отреченіи государя стало извѣстно во дворцѣ изъ разсказовъ фельдъегеря, съ которымъ ген. Алексѣевъ, еще до отреченія государя, послалъ въ Царское бумаги на его имя. Фельдъегерь передалъ бумаги мнѣ и велѣлъ ихъ хранить. Я доложилъ государынѣ и просилъ ея распоряженій, такъ какъ положить бумаги въ кабинетѣ государя, гдѣ никого нѣтъ, казалось не удобнымъ. Государыня распорядилась сохранять бумаги въ своемъ кабинетѣ. На другой же день, привезшій бумаги фельдъегерь на словахъ передалъ объ отреченіи государя. Болѣе точныхъ свѣдѣній мы въ то время не имѣли.

Спустя нѣкоторое время во дворецъ пріѣхалъ командиръ фельдъегерскаго корпуса и просилъ возвратить ему лично всѣ привезенные изъ Ставки пакеты. Я доложилъ обо всемъ императрицѣ. Государыня со слезами на глазахъ подтвердила извѣстіе объ отреченіи и приказала возвратить бумаги полковнику. Больнымъ дѣтямъ объ отреченіи государя не сказали ничего.

До сихъ поръ изъ Петрограда никто не появлялся. Но вотъ пріѣхалъ генералъ Корниловъ, вмѣстѣ съ нѣсколькими офицерами, среди которыхъ были Коцебу, офицеръ гвардейскаго уланскаго

---

*) Онъ за царемъ въ ссылку не поѣхалъ.

полка и полковникъ Кобылинскій *). Во дворѣ въ это время находился гофмаршалъ Бенкендорфъ и церемоніймейстеръ графъ Апраксинъ.

Корниловъ просилъ доложить о немъ государынѣ, которая и приняла его въ присутствіи графа Бенкендорфа.

Корниловъ сказалъ императрицѣ, что на него возложена тяжелая обязанность объявить объ арестѣ и просилъ государыню быть спокойной: ничего не только опаснаго, но даже особыхъ стѣсненій арестъ за собою повлечь не можетъ. Корниловъ попросилъ разрѣшенія представить государынѣ сопровождавшихъ его офицеровъ.

Выйдя отъ императрицы, онъ объявилъ, что всѣ, окружающіе царскую семью, могутъ по собственой волѣ при ней остаться. Кто же не хочетъ, воленъ уйти. На принятіе рѣшенія имъ было дано два дня, послѣ которыхъ для остающихся вмѣстѣ съ царскою семьей наступалъ также арестъ.

Комендантомъ былъ назначенъ Коцебу, а начальникомъ охраны — полковникъ Кобылинскій.

Императрица нѣсколько растерялась и приказала позвать къ себѣ В. К. Павла Александровича, котораго не принимала уже въ теченіе довольно долгаго времени. «Скажите, что сейчасъ же прибуду» — отвѣтилъ по телефону великій князь. Тотчасъ же по пріѣздѣ онъ былъ принятъ императрицей.

«Ничего, поправимъ дѣла» — сказалъ великій князь, когда я спросилъ его мнѣнія о создавшемся положеніи вещей. — «Я сегодня не спалъ всю ночь». (Великій князь, по его словамъ, работалъ надъ проектомъ конституціи).

Вскорѣ послѣ этого въ Ставку были отправлены два офицера, передать государю для подписанія манифестъ о конституціи. Возможно, что съ ними были отправлены государю и другія бумаги. Офицеры поѣхали въ статскомъ платьѣ. Одинъ изъ офицеровъ — былъ Стессель, сынъ начальника обороны Портъ-Артура. Изъ поѣздки этой ничего не вышло: посланные не смогли доѣхать до государя.

Вскорѣ вторично явился ген. Корниловъ вмѣстѣ съ А. И. Гучковымъ и свитою. Опять, по приказу императрицы вызвали вел.

---

*) О Кобылинскомъ см. «Воспоминанія» Татьяны Евгеньевны Боткиной-Мельникъ.

Е. С.

кн. Павла Александровича, который и пріѣхалъ немедленно. Я доложилъ. Государыня велѣла просить всѣхъ къ себѣ. Пріемъ у государыни продолжался минутъ десять-пятнадцать.

По выходѣ, великій князь обратился къ ген. Корнилову съ вопросомъ о надежности войскъ охраны. Корниловъ*) увѣрилъ его въ надежности.

Обратясь къ Гучкову, великій князь сказалъ, что онъ не спросилъ его мнѣнія потому, что Гучковъ, не будучи военнымъ, не въ состояніи тонко уловить настроенія воинскихъ частей.

Ожидаемъ пріѣзда государя. Принимаемъ всѣ мѣры къ тому, чтобы узнать что-либо, но ни откуда не имѣемъ достовѣрныхъ свѣдѣній.

Черезъ нѣкоторое время пріѣхалъ А. И. Гучковъ. Прошелся по дворцу и проходилъ мимо комнатъ императрицы, гдѣ собрались многіе дворцовые служащіе, въ числѣ которыхъ былъ и я. Одинъ изъ сопровождавшихъ Гучкова офицеровъ, явно нетрезвый, обратясь къ намъ, сказалъ: «Вы наши враги, а мы ваши враги. Вы продажны». Я отвѣчалъ ему: «Вы ошибаетесь въ нашемъ благородствѣ, милостивый государь».

Гучковъ даже не повернулся и сдѣлалъ видъ, что не замѣтилъ выходки пьянаго прапорщика.

Получились достовѣрныя извѣстія, что государь въ дорогѣ и что скоро онъ прибудетъ во дворецъ.

Спустя недѣлю послѣ перваго посѣщенія Корнилова, пріѣхалъ государь. Произошло это 10-то марта.

Около 10-ти часовъ утра собрались во дворцѣ и нестройно встали въ вестибюлѣ какіе-то офицеры. Дежурный по караулу офицеръ вышелъ наружу. Чрезъ нѣкоторое время отъ желѣзнодо-

---

*) Такимъ образомъ, отпадаютъ всѣ вздорные слухи о поведеніи ген. Корнилова во время этихъ посѣщеній Царскаго Села. Надо знать, что онъ считалъ государыню одной изъ виновницъ катастрофы. Когда, 3 августа 1917 г. я ему представилъ пріѣхавшаго въ этотъ день въ Петроградъ А. Ф. Аладьина, генералъ — тогда Верховный Главнокомандующій, между прочимъ сказалъ: «Возврата къ прошлому быть не можетъ. Государь человѣкъ безъ воли и потому, если онъ вернется на тронъ, то править будетъ о н а, и все пойдетъ по старому»... Корниловъ, однако, говорилъ, что большевистская анархія приведетъ къ монархіи.

Е. С.

рожнаго павильона подъѣхалъ автомобиль государя. Ворота были закрыты и дежурный офицеръ крикнулъ: «открыть ворота бывшему царю». Ворота открылись, автомобиль подъѣхалъ ко дворцу. Изъ автомобиля вышли государь и князь Долгоруковъ (генералъ адьютантъ Свиты).

Когда государь проходилъ мимо собравшихся въ вестибюлѣ офицеровъ, никто его не привѣтствовалъ. Первый сдѣлалъ это государь. Только тогда всѣ отдали ему привѣтъ.

Государь прошелъ къ императрицѣ. Свиданіе не было печальнымъ. Какъ у государя, такъ и у императрицы, на лицѣ была радостная улыбка. Они поцѣловались и тотчасъ-же пошли на верхъ къ дѣтямъ.

Скоро государь вернулся назадъ и приказалъ мнѣ узнать, пріѣхали ли во дворецъ, прибывшіе съ нимъ изъ Ставки, герцогъ Лейхтенбергскій, Нарышкинъ и Мордвиновъ. Отъ графа Бенкендорфа я узналъ, что они «не пріѣхали и не пріѣдутъ». (Всѣ трое, какъ только сошли съ поѣзда, отправились по домамъ). Я доложилъ государю, точно передавъ слова графа Бенкендорфа. «Богъ съ ними». — былъ отвѣтъ царя.

До пріѣзда государя, охрану дворца несъ Сводно-Гвардейскій полкъ. Какъ только пріѣхалъ государь, сводно-гвардейцы были замѣнены гвардейскими стрѣлками. Въ первый же день, солдаты новой охраны убили въ паркѣ двухъ оленей. Возможно, что это произошло случайно, безъ всякаго злого умысла.

Въ теченіе нѣкотораго времени никто изъ членовъ правительства не заѣзжалъ во дворецъ. Первымъ пріѣхалъ Керенскій, небрежно одѣтый, въ курткѣ. Объ его пріѣздѣ доложили государю. Государь приказалъ пригласить къ себѣ Керенскаго. У государя Керенскій пробылъ недолго. Государь представилъ его императрицѣ.

Керенскаго ожидали хотѣвшіе его видѣть, служащіе дворца. Одинъ изъ нихъ обратился къ Керенскому со слѣдующимъ: «Александръ Федоровичъ, мы обращаемся къ вамъ съ просьбой объ урегулированіи квартирнаго вопроса: у однихъ изъ насъ квартиры очень тѣсны, между тѣмъ, какъ у другихъ черезчуръ просторны». — «Хорошо, все устрою. До свиданья», — сказалъ Керенскій и тотчасъ уѣхалъ. Повидимому, онъ чувствовалъ себя не вполнѣ увѣренно и казался смущеннымъ.

Вышелъ государь и обратился ко мнѣ: — «знаешь, кто это былъ»?

— Керенскій. — Знаешь, какъ онъ ко мнѣ обращался: то Ваше Величество, то Николай Александровичъ. И все время былъ нервенъ.

Письма и газеты доставлялись во дворецъ черезъ коменданта Коцебу весьма аккуратно. Сталъ довольно часто наѣзжать Керенскій. Въ послѣдующія посѣщенія онъ держалъ себя увѣреннѣе, чѣмъ въ первый разъ. И государь сталъ отзываться о немъ лучше. Къ поѣзду Керенскаго подавали царскій автомобиль, украшенный цвѣтами. Автомобилемъ управлялъ шофферъ государя.

Въ теченіе всего времени пребыванія государя въ Царскомъ Селѣ, Керенскій во внутреннюю жизнь дворца не вмѣшивался и былъ весьма выдержанъ и корректенъ.

Былъ проектъ переѣзда царской семьи въ Ливадію, но онъ остался невыполненнымъ. Однажды Керенскій сообщилъ государю, что есть возможность отъѣзда въ Англію и просилъ быть наготовѣ. Не удался и этотъ планъ*).

Зашевелились большевики. Отъ нихъ исходили угрозы перевести царскую семью въ Петропавловскую крѣпость. Узнали объ этой угрозѣ и мы всѣ. Вскорѣ, неожиданно, пріѣхалъ Керенскій, котораго принялъ государь. Пробывъ короткое время у государя, Керенскій попросилъ пріема у императрицы. Мы всѣ ожидали, что онъ объявитъ о переводѣ въ Петропавловскую крѣпость. Изъ комнатъ государыни былъ слышенъ громкій, казалось, возбужденный, разговоръ. Но, оказалось, что наша тревога была лишена основаній. Государыня послѣ разсказывала, что Керенскій шутилъ, балагурилъ, смѣялся и что всѣ слухи о переводѣ въ Петропавловку — вздорны. Впрочемъ, Керенскій обратился къ царской четѣ съ просьбой, по возможности проводить время раздѣльно, такъ какъ на этомъ настаиваетъ совѣтъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ.

Пріѣзжалъ однажды кто-то, въ формѣ полковника, удостовѣриться, что государь присутствуетъ во дворцѣ, а не уѣхалъ. По-

---

*) См. мое подробное изслѣдованіе вопроса о неудавшемся отъѣздѣ царской семьи въ Англію въ «Mercure de France» воспроизведенное въ Введеніи къ книгѣ С. Н. Смирнова « Autour de l'Assassinat des Grandes Ducs », изд. Payot.

свѣтителя допустили лишь въ корридоры дворца и дали увидѣть государя, проходившаго въ отдаленіи. Этимъ онъ удовлетворился и уѣхалъ.

Двадцать девятаго іюня былъ именинникомъ вел. князь Павелъ Александровичъ. Въ это время я былъ въ отпуску, у семьи, въ Царскомъ. Попросилъ у полк. Кобылинскаго разрѣшенія съѣздить въ Петроградъ. Когда я прощался съ царской семьей, то государь и государыня просили меня поздравить великаго князя.

Я былъ у великаго князя и передалъ поздравленія. Великій князь много меня разспрашивалъ о жизни царской семьи. Я, въ свою очередь, спросилъ вел. князя, угрожаетъ ли какая нибудь опасность. Павелъ Александровичъ передалъ мнѣ мнѣніе бывшаго у него коменданта Коровиченко (замѣнившаго Коцебу): пока у власти временное правительство, — безопасность обезпечена. Если же власть временнаго правительства падетъ и будетъ захвачена большевиками, — ни за что ручаться нельзя.

Во дворцѣ жила А. А. Вырубова и, какъ сестра милосердія, ухаживавшая за дѣтьми во время ихъ болѣзни, Ю. А. Денъ. Былъ полученъ приказъ немедленно выселить ихъ изъ дворца. Коровиченко въ это время временно передалъ свои обязанности Кобылинскому.

Мнѣ было велѣно доложить государынѣ, что Вырубову и Денъ выселяютъ. На императрицу это извѣстіе подѣйствовало удручающе и она заплакала. Разставаніе было очень тяжелымъ: разстававшіяся плакали. Вырубову, подъ вооруженной охраной, увезли въ тюрьму, въ Петроградъ. Ю. А. Денъ уѣхала на собственную квартиру.

Жизнь заключенной царской семьи текла весьма однообразно.

Въ мартѣ лежалъ еще глубокій снѣгъ. Государь гулялъ по парку одинъ въ сопровожденіи дежурнаго караульнаго офицера. Иногда съ государемъ гулялъ также гофмаршалъ князь Долгоруковъ. Прогуливался государь дважды въ день. Сопровождавшими въ прогулкахъ государя офицерами всегда оказывалась полная внимательность и предупредительность. Только однажды офицеръ шелъ за государемъ въ буквальномъ смыслѣ слова по пятамъ и государь, съ усмѣшкой, долженъ былъ отстранить его.

Когда караулъ мѣнялся (это происходило постоянно во время завтрака царской семьи), то оба офицера, — прежній и новый начальника караула, приходили къ государю. Однажды, вошли оба офицера. Государь простился съ уходящимъ и, здороваясь съ вступающимъ вновь на караулъ, протянулъ офицеру руку. Тотъ, отступивъ демонстративно назадъ, отказался отъ рукопожатія. Государь подошелъ къ нему, положилъ на плечо руку и ласково спросилъ: — за что-же, голубчикъ»? — «Я изъ народа, былъ отвѣтъ. Вы не хотѣли протянуть народу руку, не подамъ ее и я».

Когда земля оттаяла, стали выходить на прогулку поправлявшіяся дѣти. Государь предложилъ желающимъ работать. Работали всѣ: и семья, и свита, и служащіе. Вначалѣ работа состояла въ копаніи грядъ, на которыхъ были посѣяны разные овощи. Императрица не работала, но, когда стало потеплѣе, лежала близъ мѣста работъ на коврѣ. Иногда въ это время къ ней подходили солдаты, садились близко къ ней и подолгу разговаривали. Держали себя солдаты въ присутствіи царской семьи вполнѣ прилично и только немногіе позволяли себѣ курить въ присутствіи кого либо изъ ея членовъ. Однажды солдатъ, стоявшій на караулѣ внутри дворца, открылъ находившійся въ томъ же помѣщеніи сундукъ, изъ котораго вынулъ двѣ пары принадлежавшихъ императрицѣ башмаковъ. Онъ засунулъ башмаки въ печь, но это было замѣчено и виновникъ былъ открытъ. Всѣ другіе поступки, доставлявшіе нѣкоторыя непріятности царской семьѣ и ее окружающимъ, надо приписать не злымъ намѣреніямъ, но невѣдѣнію и невоспитанности. При осмотрахъ дворца, которые происходили только съ соответствующаго разрѣшенія, солдаты вели себя всегда тихо, не позволяя себѣ ничего лишняго.

Когда на грядкахъ все было посажено, государь предложилъ срѣзать засохшія деревья парка и раздѣлывать ихъ на дрова. Это занятіе продолжалось до самаго отъѣзда въ Тобольскъ.

ССЫЛКА ВЪ ТОБОЛЬСКЪ

Отъѣздъ въ Тобольскъ состоялся 1-го августа ст. стиля. Наканунѣ, 31-го іюля, утромъ, пріѣхалъ Керенскій и сообщилъ, что сегодня, въ 11 часовъ вечера, будетъ поданъ поѣздъ, въ которомъ государь съ семьей поѣдетъ въ Тобольскъ, который временно правительство опредѣлило мѣстомъ пребыванія царской семьи.

Приготовились къ отъѣзду. Въ 10 часовъ вечера пріѣхалъ во дворецъ прощаться вел. князь Михаилъ Александровичъ. При прощаніи присутствовалъ Керенскій, заявившій, что онъ присутствуетъ по обязанности и къ разговору между разстающимися прислушиваться не станетъ.

Кромѣ царской семьи, всѣ остальные, уѣзжавшіе съ нею, — свита и служащіе, — въ назначенный часъ были у мѣста посадки, среди поля между Царскимъ Селомъ и станціей Александровской, Варшавской дор. Къ назначенному времени поѣздъ не былъ поданъ.

Мы всю ночь въ полѣ прождали поѣзда, который былъ поданъ въ шесть часовъ утра. Къ этому времени отъ дворца пришли два автомобиля, окруженные кавалерійскимъ конвоемъ съ ружьями на изготовку. Вмѣстѣ съ царской семьей прибылъ и Керенскій. Всѣ размѣстились въ поѣздѣ. Керенскій зашелъ въ вагонъ, гдѣ находился государь съ семьей, со всѣми вѣжливо попрощался, пожелалъ счастливаго пути, поцѣловалъ у государыни руку, а государю, обмѣнявшись съ нимъ пожатіемъ руки, сказалъ: — «До свиданія, Ваше Величество. Я придерживаюсь, пока, стараго титула».

Поѣздъ тронулся. Поѣздка по Сѣверной дорогѣ до Тюменя шла двое сутокъ слишкомъ безъ приключеній. Лишь на Званкѣ толпа рабочихъ подходила къ поѣзду и разспрашивала, кто ѣдетъ. Получивъ разъясненіе, толпа отошла. Съ нами ѣхала охрана, состоявшая изъ гвардейскихъ стрѣлковъ. Сопровождали царскую семью: Макаровъ, помощникъ комиссара надъ Мин. Двора, членъ Госуд. Думы Вершининъ и полковникъ Кобылинскій. Всѣ трое — прекрасные люди*).

Въ Тюмени мы пересѣли на пароходъ «Русь». Плаваніе по рѣкѣ шло также благополучно. Когда пароходъ проходилъ мимо села Покровскаго, — родины Распутина, императрица, указавъ мнѣ на село, сказала: — «здѣсь жилъ Григорій Ефимовичъ. Въ этой рѣкѣ онъ ловилъ рыбу и привозилъ ее намъ въ Царское Село». — На глазахъ императрицы стояли слезы.

Къ Тобольску пароходъ подошелъ 5-го августа, около пяти часовъ вечера. Въ это время во всѣхъ церквахъ былъ звонъ и мѣстные, крайне революціонно настроенные элементы забезпокоились, сопоставивъ этотъ звонъ съ прибытіемъ въ городъ царской

---

*) См. Воспоминанія Т. Е. Боткиной-Мельникъ.

Е. С.

семьи. Послали требовать объясненій отъ духовенства. Разъяснили, что звонятъ ко всенощной, такъ какъ на другой день, 6-го авг., праздникъ Спаса-Преображенія.

ВЪ ТОБОЛЬСКѢ

Остановились у пристани и стали собираться къ переѣзду въ губернаторскій домъ. Макаровъ и Вершининъ сказали мнѣ, что надо прежде осмотрѣть самый домъ. Послѣ осмотра я предложилъ повременить переѣздомъ и прежде отремонтировать домъ, который оказался довольно грязенъ. Макаровъ со мной согласился. Когда мы вернулись на пароходъ, я разсказалъ о результатахъ осмотра государю и государынѣ. Они согласились остаться на пароходѣ до окончанія ремонта. Въ губернаторскій домъ переѣхали, насколько помню, 13-го августа. Кромѣ императрицы и Татьяны Николаевны, которыя ѣхали въ экипажѣ, — остальные всѣ дошли отъ пристани до дома пѣшкомъ.

Домъ оказался довольно обширнымъ и прилично обставленнымъ. Всѣ въ немъ удобно и хорошо размѣстились. Въ домѣ жила царская семья и служащіе. Черезъ улицу, напротивъ, въ домѣ Корнилова, размѣстилась свита: Татищевъ, Боткинъ, Долгоруковъ, Шнейдеръ, Гендрикова, а потомъ Гибсъ, пріѣхавшій въ Тобольскъ позднѣе. Жильяръ жилъ въ губернаторскомъ домѣ.

Первое время, до пріѣзда Панкратова, жили спокойно и не плохо. Всего было достаточно, деньги на содержаніе царской семьи высылались во-время.

Утромъ и въ теченіе дня, государь и дѣти совершали прогулку въ особо отведенномъ загороженномъ мѣстѣ. Государь пилилъ дрова, дѣти играли; зимой сгребали снѣгъ. Въ опредѣленные часы дѣти занимались. За отсутствіемъ учителей, таковыхъ замѣняли государь, Гендрикова, Шнейдеръ. Изъ прежнихъ учителей были только Жильяръ и, потомъ, Гибсъ.

Вначалѣ населеніе приносило царской семьѣ много продовольствія. Доставлялъ таковое въ теченіе всего времени пребыванія

царской семьи въ Тобольскъ находившійся близъ города Ивановскій женскій монастырь. Но, до октябрьскаго переворота, — всего было вдоволь, хотя жили и скромно. Обѣдъ состоялъ только изъ двухъ блюдъ, сладкое-же бывало только по праздникамъ. По утрамъ, около 8-ми чаовъ, пили чай. Въ часъ завтракали, въ 5 — пили чай съ булками, въ 8 — обѣдъ. Такимъ образомъ, день распредѣлялся точно также, какъ и въ Царскомъ Селѣ.

Макаровъ былъ настолько чуткимъ, что, уѣзжая, составилъ списокъ вещей, которыя было необходимо прислать изъ царскосельскаго дворца. Въ этотъ списокъ имъ были включены многочисленные предметы, къ которымъ царская семья привыкла и обходиться безъ которыхъ было для пея нѣкоторымъ лишеніемъ. Всѣ эти вещи — ковры, драпировки, картины, — были Макаровымъ высланы и получены въ Тобольскѣ.

Существовалъ планъ переѣзда царской семьи на жительство въ Ивановскій монастырь. Однажды меня туда послали съ цѣлью осмотра государь съ государыней. Я долженъ былъ осмотрѣть новый домъ и распредѣлить помѣщенія. До того раза я никогда не бывалъ еще въ монастырѣ, находившемся отъ Тобольска въ нѣсколькихъ верстахъ. Когда пріѣзжала монашенка, доставлявшая для царской семьи молоко, я попросилъ ее отвезти меня въ монастырь. Она охотно согласилась. По пріѣздѣ, я явился къ игуменьѣ, которую до той поры не зналъ лично. Она-же, какъ оказалось, знала довольно подробно обо всѣхъ, живущихъ съ царской семьей, въ частности, и обо мнѣ. Игуменья позвала меня въ свою келью и я разсказалъ ей о цѣли своего пріѣзда, о томъ, что по совѣту полк. Кобылинскаго, царская семья хотѣла-бы переѣхать въ новый, строящійся въ монастырѣ, домъ. Игуменья была очень обрадована этимъ извѣстьемъ и приказала одной изъ монахинь показать мнѣ домъ. Сама она по болѣзни не имѣла возможности мнѣ сопутствовать. Я осмотрѣлъ домъ. Онъ былъ очень хорошъ и удобенъ, но безъ рамъ. Помѣститься возможно было всѣмъ и даже съ извѣстными удобствами. Имѣлась маленькая домовая церковь, и игуменья обѣщала закончить постройку въ теченіе одной недѣли, но просила сообщить ей немедленно о принятомъ рѣшеніи. Скоро пріѣхалъ Панкратовъ, и дѣло заглохло. Игуменьѣ я сообщилъ, чтобы она не безпокоилась.

Пріѣхали изъ Петербурга посланные временнымъ правительствомъ Панкратовъ, Никольскій, потомъ, недолго пробывшій, ка-

кой-то матросъ. Съ ихъ пріѣздомъ стали чувствовать себя болѣе стѣсненными. Панкратовъ сталъ вести среди солдатъ охраны пропаганду крайнихъ политическихъ взглядовъ. Съ солдатами государь и дѣти имѣли непосредственное общеніе, ходили въ помѣщеніе охраны, играли съ солдатами въ лото. Теперь же солдаты съ каждымъ днемъ становились грубѣе (кромѣ стрѣлковъ императорской фамиліи, сохранившихъ, въ общемъ, прежнее доброе отношеніе къ царской семьѣ).

Каждое воскресенье и праздникъ императорская семья ходила въ церковь. Для этого надо было перейти черезъ улицу и городской садъ. Вблизи церкви стояли кучки простонародья, плакавшаго и часто становившагося на колѣна при проходѣ царской семьи. Въ самую церковь во время обѣдни, служившейся съ 8-ми до 9-ти часовъ, никто посторонній не допускался. Однажды за молебномъ провозглашено было многолѣтіе царскому дому. Поднялся шумъ. Священникъ и дьяконъ сваливали отвѣтственность другъ на друга. Послѣ этого насъ перестали пускать въ церковь и службы совершались въ переносной церкви въ губернаторскомъ домѣ. Духовенство, провозгласившее многолѣтіе было устранено*).

Однажды, по возвращеніи изъ церкви, Панкратовъ подошелъ къ государю и сказалъ: «Николай Александровичъ, есть учительница: желаете ее взять». — «Вы знаете ее?» — спросилъ государь. — «Кобылинскій ее знаетъ лучше, чѣмъ я». — «Скажите объ этомъ государынѣ».

Панкратовъ, взявъ папироску въ ротъ (при разговорѣ съ государемъ онъ держалъ ее въ рукѣ), подошелъ къ императрицѣ и, начавъ говорить, выронилъ папироску изо рта. Онъ казался смущеннымъ, разговаривая съ государыней. — «Хорошо, хорошо», — послышался отвѣтъ императрицы.

Новая учительница, Клавдія Михайловна Битнеръ, стала заниматься съ дѣтьми.

Вмѣстѣ съ вещами изъ Царскаго Села, Макаровъ прислалъ вина, по преимуществу Сенъ-Рафаэль, необходимое для дѣтей. Объ этой посылкѣ узналъ Никольскій: онъ сперва привезъ ящики съ виномъ въ домъ, затѣмъ опять погрузилъ ящики на подводу, привезъ вино къ рѣкѣ и тамъ топоромъ разбилъ бутылки.

---

*) Объ этомъ случаѣ, объ о. Алексѣѣ и о поручикѣ Соловьевѣ см. Восп. Т. Е. Мельникъ-Боткиной, стр. 42-48.

ПОДЪ БОЛЬШЕВИКАМИ

Большевицкій переворотъ сталъ замѣтенъ въ Тобольскѣ и отразился на нашей жизни не сразу.

Весною 1918 года императорскую семью и всѣхъ служащихъ перевели на солдатскій паекъ. Всѣ мы оказались въ непривычныхъ условіяхъ и были вынуждены покупать необходимое продовольствіе на сторонѣ. Полковникъ Кобылинскій прибѣгалъ къ частному кредиту еще тогда, когда, послѣ паденія временнаго правительства, была прекращена выдача авансовъ. Съ теченіемъ времени, къ веснѣ 1918 года, получать кредиты стало затруднительно.

Тогда князь Долгоруковъ, генералъ Татищевъ, Жильяръ и я устроили совѣщаніе, на которомъ обсуждали создавшееся положеніе. Рѣшили сократить штатъ служащихъ. Отпустили нѣсколькихъ служащихъ, уплативъ имъ жалованье за два мѣсяца впередъ и прогоны. Затѣмъ, собравъ всѣхъ оставшихся, предложили дѣлать отчисленія изъ своего жалованья. Всѣ безъ исключенія согласились на это: кто въ размѣрѣ цѣлаго, кто половины жалованья. Уже на третій день послѣ этого, кое-кто изъ отпущенныхъ служащихъ уѣхалъ. Другіе нѣкоторое время оставались въ Тобольскѣ.

22-го апрѣля явился комиссаръ Яковлевъ. Онъ пріѣхалъ со своей пѣхотной охраной, съ 17-ю конными солдатами и со своимъ телеграфистомъ. По пріѣздѣ, Яковлевъ тотчасъ-же отправился къ солдатамъ, потомъ прошелся по помѣщенію, занимаемому царской семьей. Побывалъ у государя и у императрицы. Былъ очень учтивъ. Послѣ его ухода, я пошелъ къ императрицѣ и спросилъ, кто это такой. Императрица назвала его. Я спросилъ, образованъ-ли онъ. Государыня сказала, что онъ не столько образованъ, сколько начитанъ, но очень вѣжливъ.

Въ порядокъ жизни, установившійся въ семьѣ государя, Яковлевъ нисколько не вмѣшивался. Ходилъ онъ къ солдатамъ, сообщилъ имъ о прибавкѣ жалованья, выдалъ увеличенные суточные.

Изъ дому служащіе получали въ письмахъ извѣстія о томъ, что у ихъ семействъ отбираютъ квартиры. Я пошелъ къ дежурному офицеру и просилъ устроить мнѣ свиданіе съ Яковлевымъ, такъ какъ мои сослуживцы просили меня переговорить съ нимъ по это-

му вопросу. Дежурный офицеръ сперва не засталъ Яковлева дома, но черезъ полъ часа, увидѣвъ его идущимъ по улицѣ, позвалъ въ дежурную комнату, куда пригласилъ и меня. Послѣ привѣтствій, я изложилъ просьбу служащихъ: оградить ихъ семьи отъ выселенія. Яковлевъ не хотѣлъ было повѣрить жалобамъ; обѣщалъ все устроить, но не сейчасъ, а отвѣтить черезъ три дня. Разспрашивалъ меня о нашей жизни въ Тобольскѣ.

Черезъ три дня Яковлевъ пришелъ вмѣстѣ съ Кобылинскимъ. Попросилъ доложить государю о своемъ желаніи его увидѣть, прибавивъ: «Скажите, что хочу поговорить съ глазу на глазъ, въ отдѣльной комнатѣ».

Я доложилъ государю, у котораго въ это время находилась императрица. Государыня спросила меня, почему Яковлевъ хочетъ видѣть государя наединѣ. Я отвѣчалъ, что такъ онъ просилъ доложить. Государь велѣлъ пригласить Яковлева. Тотъ вошелъ. Обратясь къ нему, императрица сказала: «Почему вы хотите говорить съ государемъ наединѣ. Я государя одного не оставлю».

Яковлевъ сначала не хотѣлъ говорить въ ея присутствіи, но потомъ согласился, и государыня присутствовала при разговорѣ.

Яковлевъ сообщилъ, что къ 4-мъ часамъ ночи необходимо приготовиться къ отъѣзду. Государь спросилъ: — «Куда-же вы меня везете?».

Яковлевъ отвѣчалъ, что это дѣло секретное.

— Тогда я не поѣду, — сказалъ государь.

— Если вы не поѣдете, — отвѣтилъ Яковлевъ, — то я долженъ буду: или принять мѣры принужденія, или сложить съ себя обязанности. Прошу васъ подумать объ этомъ: вѣдь для васъ-же будетъ хуже и въ томъ, и въ другомъ случаѣ».

Государь спросилъ: — «Что-же, я одинъ долженъ буду уѣхать»? — «Да, вы одинъ и никто больше».

Государь посовѣщался съ императрицей: Государыня сказала Яковлеву: — «одного государя, безъ себя, я ни за что не пущу». Такое-же желаніе, не разставаться съ отцомъ, выразила желаніе и великая княжна Марія Николаевна.

Яковлевъ согласился съ желаніемъ императрицы и великой княжны уѣхать вмѣстѣ съ государемъ. Согласился онъ также на то, чтобы отъѣзжающихъ сопровождали д-ръ Боткинъ, кн. Долгоруковъ, камердинеръ государя Чемодуровъ, комнатная дѣвушка Демидова и лакей Сѣдневъ.

До разговора съ государемъ, Яковлевъ дважды приходилъ къ

наслѣднику, который въ это время былъ тяжело боленъ гемофиліей. Вмѣстѣ съ докторомъ Деревенько, онъ осматривалъ больного. Послѣ этихъ посѣщеній, Яковлевъ велъ телеграфные переговоры. Только послѣ этого онъ пришелъ къ государю объявить о необходимости отъѣзда.

Послѣ извѣстія о предстоящемъ отъѣздѣ, государыня находилась въ тяжеломъ смутномъ душевномъ состояніи. Вѣдь она уѣзжала съ мужемъ, оставляя опасно больного горячо любимаго сына.

Ровно въ 4 часа утра 13-26-го апрѣля подали обывательскихъ лошадей. Изъ нихъ только одна подвода была пароконная и получше, остальныя же были одноконныя. Стали усаживаться. Государыня и Марія Николаевна сѣли въ пароконную подводу, въ которую принесли соломы и подушки и покрыли ковромъ. Императрица хотѣла пригласить къ себѣ въ повозку и государя, который сидѣлъ уже въ отдѣльной повозкѣ. Я доложилъ о желаніи императрицы государю, но Яковлевъ, сидѣвшій рядомъ съ государемъ, воспротивился, сказавъ: «намъ и здѣсь хорошо».

Несмотря на холодную погоду, государь былъ одѣтъ легко. Яковлевъ спросилъ: — «Развѣ вы такъ и поѣдете»? — «Да, мнѣ тепло», — отвѣтилъ государь. — «Это невозможно», сказалъ Яковлевъ, соскочилъ съ повозки, вбѣжалъ въ подъѣздъ, снялъ съ вѣшалки пальто, и положилъ его въ телѣжку. — «Если сейчасъ не нужно, то пригодится въ дорогѣ», — сказалъ онъ.

Государь простился со мною. Мы поцѣловались, и онъ сказалъ мнѣ:

— «Надѣюсь, до скораго свиданія». Государыня, подавъ для поцѣлуя руку, сказала: «Берегите Алексѣя».

Уѣхали... Стало скучно, какъ будто при потерѣ. Прежде въ домѣ было нѣкоторое оживленіе, теперь же мертвая тишина и уныніе.

Тотчасъ-же по отъѣздѣ, на смѣну стрѣлкамъ и Кобылинскому, явилась большевицкая охрана подъ предводительствомъ комиссара Родіонова и Хохрякова, людей грубыхъ. Охрана состояла почти всецѣло изъ нерусскихъ. Родіоновъ цѣлыми днями сидѣлъ въ дежурной комнатѣ, съ ногъ до головы вооруженный. Никого изъ живущихъ въ домѣ никуда не выпускали, введя совершенно тюремный режимъ. Хохряковъ, вмѣстѣ съ докторомъ Деревенько, посѣщалъ больного Алексѣя Николаевича.

Однажды Родіоновъ пришелъ ко мнѣ съ такимъ заявленіемъ:

— Скажите барышнямъ, чтобы онѣ ночью не затворяли дверь спальной.

Я отвѣчалъ, что этого сдѣлать никакъ нельзя.

— Я васъ прошу такъ сдѣлать.

— Сдѣлать это никакъ нельзя: вѣдь ваши солдаты будутъ ходить мимо открытыхъ дверей комнаты, въ которой спятъ барышни.

— Мои солдаты ходить не будутъ мимо открытыхъ дверей. Но, если не исполните моего требованія, есть полномочіе разстрѣливать на мѣстѣ. — Родіоновъ вынулъ револьверъ. — Я поставлю часового у дверей спальни. — Но это же безбожно. — Это мое дѣло.

Часовой поставленъ не былъ, но двери спальни великихъ княженъ пришлось по ночамъ оставлять открытыми настежъ.

Когда наслѣдникъ сталъ чувствовать себя лучше и началъ вставать съ постели, начали приготовляться къ переѣзду въ Екатеринбургъ. Оттуда письма и прямымъ путемъ доставленныя извѣстія не получались.

Когда постепенно начали укладывать вещи, Родіоновъ неоднократно обращался къ ген. Татищеву, увѣряя, что знаетъ его. Родіоновъ настаивалъ, чтобы вещи Татищева были особо отмѣчены (визитными карточками). Для чего это ему было надо — понять мы не могли. Его поведеніе очень безпокоило Татищева. Какъ вспоминала бар. Буксгевденъ, она встрѣчала ранѣе Родіонова: онъ служилъ въ жандармахъ въ Вержболовѣ.

Въ 12 часовъ дня 7-20 мая, подали для наслѣдника экипажъ. Всѣ остальные дошли до пристани пѣшкомъ. Возлѣ пристани стоялъ пароходъ «Русь», на который мы и перешли. Грузили на пароходъ изъ губернаторскаго дома вещи, не только царской семьи и наши, но и казенную обстановку. Видя это, наслѣдникъ сказалъ Родіонову: — «Зачѣмъ вы берете эти вещи: онѣ не наши, а чужія». — «Разъ нѣтъ хозяина, — все будетъ наше», отвѣчалъ тотъ.

Въ два часа дня пароходъ отчалилъ отъ пристани и пошелъ на Тюмень. Во время пути солдаты вели себя крайне недисциплинированно: стрѣляли съ парохода птицъ и просто — куда попало. Стрѣляли не только изъ ружей, но и изъ пулеметовъ. Родіоновъ распорядился закрыть на ночь наслѣдника въ каютѣ вмѣстѣ съ Нагорнымъ. Великихъ княженъ оставилъ въ покоѣ. Нагорный рѣзко противорѣчилъ Родіонову, спорилъ съ нимъ.

Въ Тюмень прибыли 8/21 мая въ 8 часовъ утра. Здѣсь пе-

ресѣли въ поѣздъ. Въ вагонъ второго класса помѣстили наслѣдника, великихъ княженъ, генерала Татищева, доктора Деревенько, графиню Гендрикову, г-жу Шнейдеръ, Нагорнаго и комнатную дѣвушку Эрсбергъ. Всѣхъ остальныхъ посадили въ вагонъ 4-го класса. Здѣсь, кромѣ меня, находились: Жильяръ, Гибсъ, баронесса Буксгевденъ, Тяглева, поваръ Харитоновъ, мальчикъ Сѣдневъ и другіе. Поѣздка по желѣзной дорогѣ прошла благополучно. Въ Екатеринбургъ пріѣхали поздно, около полуночи.

Поѣздъ поставили на запасный путь, довольно далеко отъ вокзала. Возлѣ вагоновъ установили вооруженную охрану. Ночь мы провели въ вагонахъ. Было холодно, моросило. Всѣ мы продрогли.

ВЪ ЕКАТЕРИНБУРГѢ

Поутру пріѣхали комиссары: двое прежнихъ, — Хохряковъ и Родіоновъ и новый — Бѣлобородовъ. Вошли въ вагонъ второго класса и предложили въ немъ находящимся пересѣсть въ извощичьи экипажи.

Изъ вагона появился сначала Нагорный, помогая выйти наслѣднику, затѣмъ — великія княжны. Нагорный, посадивъ наслѣдника въ пролетку, — вернулся къ вагону и хотѣлъ помочь великимъ княжнамъ нести вещи. Сдѣлать это — ему не дали. Всѣ члены царской семьи, вмѣстѣ съ комиссарами, размѣстились въ экипажахъ и поѣхали въ Ипатьевскій домъ. Черезъ полчаса, вмѣстѣ съ тѣми же извозчиками, возвратились къ поѣзду комиссары. Комиссаръ Родіоновъ подошелъ къ вагонамъ и сказалъ: «Волковъ здѣсь?» — «Здѣсь», — отвѣтилъ я. — «Выходите, сейчасъ поѣдемъ».

Я вышелъ, взявъ съ собою чемоданъ и большую банку варенья, но мнѣ сказали, чтобы я банку оставилъ, такъ какъ ее привезутъ мнѣ послѣ (банки этой — я такъ и не получилъ). Изъ вагоновъ вышли также: ген. Татищевъ, графиня Гендрикова, г-жа Шнейдеръ, поваръ Харитоновъ и мальчикъ Сѣдневъ. Посадили насъ въ экипажи, довезли до какого-то дома. Домъ этотъ былъ обнесенъ высокимъ заборомъ. Это обстоятельство навело меня на мысль о томъ, что здѣсь заключена царская семья. Я ѣхалъ въ переднемъ экипажѣ, одинъ. Подъѣхали къ дому: чего-

то ожидаемъ. Никто изъ него не выходитъ и не приглашаетъ сходить. Высадили только Харитонова и Сѣднева. Всѣхъ остальныхъ повезли куда-то дальше.

Я спросилъ у извозчика: — «Куда везешь». — Извозчикъ не отвѣчалъ ничего. Спрашиваю во второй разъ: — «Далеко еще до дома». — Опять вмѣсто отвѣта — молчаніе. Подвезли къ какому-то зданію. Комиссаръ Бѣлобородовъ сошелъ съ пролетки и крикнулъ: — «Открыть ворота и принять арестованныхъ». Стало ясно, куда насъ привезли.

Привели въ контору, записали. Когда мы были въ конторѣ и насъ записывали, ген. Татищевъ, среди тишины, обратился ко мнѣ со словами: — «Правду говорятъ, Алексѣй Андреевичъ: отъ тюрьмы, да отъ сумы — не отказывайся». — «Благодаря царизму — я родился въ тюрьмѣ», сказалъ, услыхавъ слова Татищева, комиссаръ Бѣлобородовъ.

Послѣ того, какъ насъ переписали, хотѣли осмотрѣть наши чемоданы, но не осмотрѣли, а куда-то унесли ихъ, пообѣщавъ прислать послѣ. Развели насъ по камерамъ. Гендрикову и Шнейдеръ помѣстили въ больничную камеру, а меня съ Татищевымъ — въ отдѣльную, наверхъ. На другой день изъ Ипатьевскаго дома привели къ намъ въ тюрьму и посадили въ нашу камеру камердинера государя, Чемодурова. Посажены мы были въ политическое отдѣленіе тюрьмы, гдѣ находились и заложники.

Когда мы шли по корридору, то послышалось: — «Кого ведутъ». (Потомъ мы узнали, что насъ приняли за англичанъ, такъ какъ на мнѣ и на Татищевѣ были надѣты заграничные англійскіе пальто). Татищевъ отвѣтилъ: — «Изъ Тобольска». Въ отвѣтъ послышалось: « Понимаемъ».

Много разъ просили мы возвратить отобранныя у насъ вещи, но, несмотря на обѣщанія, вещи возвращены не были и ни я, ни Татищевъ, своихъ вещей болѣе не видѣли.

Въ тюрьмѣ, помимо смотрителя, находился еще комиссаръ, который разрѣшилъ намъ съ Татищевымъ пріобрѣтать за нашъ счетъ продовольствіе. Мы отказались. У меня не было денегъ, а у Татищева, хотя и были деньги, но таковыя принадлежали царской семьѣ. Въ свое время была получена денежная поддержка для царской семьи. Сумму, оставшуюся неизрасходованной, ген. Татищевъ и князь Долгоруковъ, чтобы удобнѣе уберечь при обыскахъ, возможныхъ въ условіяхъ нашего существованія, а также

отъ похищенія, раздѣлили на равныя части и, такимъ образомъ, сохраняли.

Случайно доходили до насъ вѣсти изъ Ипатьевскаго дома; получались они черезъ тюремнаго доктора, который видѣлся съ докторомъ Деревенько и передавалъ намъ извѣстія о состояніи здоровья наслѣдника.

Около 25 мая стараго стиля въ камеру вошли два надзирателя и попросили Татищева въ контору, сказавъ, что въ конторѣ, его ожидаетъ вооруженная стража. Татищевъ поблѣднѣлъ. Надзиратели показали ему бумагу, въ которой было написано: — «Высылается изъ предѣловъ Уральской области». Мы попрощались съ Татищевымъ и его увели. Онъ оставилъ прекрасное мѣховое пальто, просилъ меня отослать его теткѣ, которую онъ очень любилъ. Я подумалъ, какъ трудно мнѣ будетъ сохранить это пальто. Затѣмъ мнѣ пришло въ голову, что это пальто будетъ нужно самому высылаемому Татищеву. Пальто это я возвратилъ ему, уже находившемуся въ конторѣ.

На другой день жена надзирателя говорила, что Татищевъ разстрѣлянъ. Разстрѣлянъ возлѣ самой тюрьмы. Опознали его по англійскому пальто. Желая навести точныя справки, мы обратились къ начальнику тюрьмы, который поговорилъ объ этомъ съ докторомъ, обѣщавшимъ удостовѣриться лично. Осмотрѣвъ разстрѣляннаго, докторъ не призналъ въ немъ Татищева. Съ той поры о Татищевѣ я не имѣю никакихъ свѣдѣній. Убитъ онъ въ Перми, или же гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ, — я не знаю *).

Сидѣли мы съ Чемодуровымъ вдвоемъ, потомъ посадили къ намъ въ камеру третьяго, священника. Всякое воскресенье водили въ церковь, гдѣ соборнѣ служило заключенное духовенство. Служба благоговѣйная, торжественная, а на душѣ тяжело. Видишь плачущихъ родныхъ, близкихъ заключенныхъ, угнетаютъ черныя мысли.

Прошли слухи о наступленіи бѣлыхъ. Комиссары заставили заключенныхъ заложниковъ, знавшихъ мастерства, — сапожниковъ, портныхъ, себя обшивать, служащимъ выдали жалованье впередъ за три мѣсяца. Кое-кого изъ маловажныхъ уголовныхъ

---

*) Фактъ убійства установленъ.

Е. С.

преступниковъ стали выпускать изъ тюрьмы. Выпустили и нѣкоторыхъ заложниковъ. Мы же остались въ заключенiи.

Наступило время, когда политическихъ заключенныхъ стали въ арестантскихъ поѣздахъ эвакуировать въ западномъ направленiи. Дошла очередь и до насъ троихъ: меня, Гендриковой и Шнейдеръ. Чемодуровъ остался въ Екатеринбургской тюрьмѣ. Привели насъ въ контору, гдѣ ожидали двое какихъ-то людей съ портфелями. Первымъ привели меня, женщинъ же ожидали довольно долго: онѣ обѣ были больны. Посадили насъ на извозчичьи пролетки и привезли въ помѣщенiе одной изъ прежнихъ гостиницъ, гдѣ теперь помѣщались какiя-то учрежденiя. Здѣсь насъ принялъ нѣкто, одѣтый въ солдатскую форму, переписалъ и отпустилъ. На вопросъ, куда насъ повезутъ, онъ отвѣтилъ: «или къ семьѣ (подразумѣвается, царской), или въ Москву» (Это происходило 11-24 iюля, когда царская семья была уже убита).

Усадили насъ снова на тѣхъ же извозчиковъ: на одного Шнейдеръ и Гендрикову, на другого меня съ невооруженнымъ солдатомъ. Привезли на вокзалъ. Солдатъ сказалъ, чтобы мы остались на извощикахъ, онъ же пойдетъ искать нашъ вагонъ. Стало темнѣть. Сидя на пролеткѣ, я думаю: — «Куда-то везутъ: видимо не миновать смерти». Слѣзъ съ извозчика, подошелъ къ Шнейдеръ и Гендриковой, и тихо говорю «слѣзайте». Онѣ дѣлаютъ знаки, что отказываются. Вернулся солдатъ, побранился, что нѣтъ никакого порядка, никто ничего не знаетъ. Вновь отправился искать поѣздъ. Я опять предложилъ моимъ спутницамъ сойти съ экипажа и тихонько уйти. Онѣ не согласились. Безъ нихъ же уйти я не рѣшился, опасаясь, что Гендрикову и Шнейдеръ, тотчасъ послѣ моего бѣгства, разстрѣляютъ.

Возвратился солдатъ и повелъ насъ въ арестантскiй вагонъ, который уже былъ полонъ народомъ изъ нашей, Екатеринбургской тюрьмы.

Была здѣсь княгиня Елена Петровна, ѣздившая повидаться съ мужемъ, княземъ Iоанномъ Константиновичемъ, бывшимъ въ Алапаевскѣ. Узнавъ, что ея мужъ и другiе Алапаевскiе узники переведены на тюремный режимъ, Елена Потровна не хотѣла уѣзжать изъ Екатеринбурга. Тогда изъ гостиницы ее доставили въ тюремный вагонъ. Съ княгиней вмѣстѣ была арестована и

сербская миссія въ составѣ майора Мичича, солдатъ Милана Божича и Абрамовича. Секретаремъ миссіи состоялъ С. Н. Смирновъ.

Всѣхъ насъ въ вагонѣ было 33 человѣка. По пути къ намъ въ вагонъ посадили еще двухъ крестьянъ, арестованныхъ, повидимому, за работой, слѣды которой на ихъ одеждѣ и рукахъ были ясно видны.

Въ Пермь мы пріѣхали 14/27 іюля. Восьмерыхъ насъ: меня, Гендрикову, Шнейдеръ, кн. Елену Павловну и миссію посадили въ одну тюрьму, остальныхъ — въ другую.

Въ Пермской тюрьмѣ.

Въ Пермской тюрьмѣ мы впервые узнали объ убійствѣ государя. Въ газетахъ сообщалось только о немъ одномъ, объ убійствѣ же остальныхъ членовъ семьи не говорилось ни слова. Смотритель тюрьмы оказался очень добрымъ и благожелательнымъ человѣкомъ. Кормили очень плохо, но спасало то обстоятельство, что у сербовъ, съ которыми я сидѣлъ въ одной камерѣ, были деньги, на которыя и покупалось для всѣхъ насъ продовольствіе. Въ Екатеринбургѣ я исхудалъ и обезсилѣлъ, въ Перми же нѣсколько поправился. Елена Петровна, граф. Гендрикова и Шнейдеръ сидѣли всѣ вмѣстѣ въ другой камерѣ. Видѣлись мы съ ними издали только па прогулкахъ и въ церкви. На прогулку я и Смирновъ выходили дважды въ день. Гуляли во дворѣ, одни, безъ надзирателя. Сербы не гуляли, опасаясь за свою жизнь. Дѣйствительно, нѣкоторыхъ заключенныхъ въ это время разстрѣливали. Такъ, разстрѣляли Знамеровскаго. Онъ былъ жандармскимъ офицеромъ въ Гатчинѣ, откуда, также, какъ и вел. князь Михаилъ Александровичъ, былъ высланъ въ Пермь, гдѣ онъ жилъ въ одной гостиницѣ съ великимъ княземъ, съ которымъ часто проводилъ время и совершалъ прогулки. Къ Знамеровскому пріѣхала жена съ сыномъ. Она поселилась вмѣстѣ съ мужемъ. Ее обыскали, нашли письма къ Михаилу Александровичу. Письма взяли, а Михаила Александровича и его секретаря черезъ нѣкоторое время

увезли изъ гостиницы. На другой день послѣ увоза великаго князя арестовали самого Знамеровскаго, оставивъ, пока, на свободѣ его жену. Знамеровскій, также, какъ камердинеръ великаго князя, Челищевъ, а также шофферъ вел. князя, сидѣли съ нами въ Пермской тюрьмѣ. Черезъ нѣкоторое время арестовали и Знамеровскую, отдавъ ея сына дядѣ, брату самого Знамеровскаго.

Однажды Знамеровскаго позвали, какъ будто бы для допроса. Онъ сказалъ какую-то рѣзкость. Его грубо вытолкали во дворъ и тутъ же разстрѣляли. Это стало извѣстно заключеннымъ и давало поводъ сербамъ воздерживаться отъ прогулокъ.

Въ полночь съ 21 на 22-ое августа стараго стиля въ камеру вошелъ надзиратель и спросилъ: — «Кто Волковъ». — Я отозвался. — «Одѣвайтесь, пойдемте». — Я сталъ одѣваться. Смирновъ также одѣлся и, самъ сильно взволнованный, успокаивалъ меня. Я отдалъ ему бывшія у меня золотыя вещи; мы попрощались, поцѣловались. Смирновъ сказалъ мнѣ: — «И моя участь, Алексѣй Андреевичъ, такая же, какъ ваша». *).

---

*) Привожу здѣсь по весьма понятнымъ для читателя причинамъ варіантъ С. Н. Смирнова объ этой же — увы! бытовой тогда — сценѣ:

(Е. С.)

Вечеромъ, 21 августа (3 сентября) я сидѣлъ почему то позже обыкновеннаго, читая Екатерину II Брикнера. Наши уже легли. Была мертвая тишина, лишь въ корридорѣ иногда слышался трескъ, когда дежурный надзиратель, дремавшій на скамейкѣ у стола, мѣнялъ позу. Около 11 я уменьшилъ огонь, раздѣлся, помолился, что привыкъ дѣлать аккуратно утромъ и вечеромъ, накрылся своей охотничьей буркой и скоро заснулъ. Но вотъ сквозь сонъ услышалъ я шумъ шаговъ въ корридорѣ, потомъ звонъ ключей, посмотрѣвъ на часы, я увидалъ безъ десяти двѣнадцать. Ключь вставляли въ нашу дверь, открыли, на фонѣ свѣта въ корридорѣ обрисовалась фигура надзирателя. Въ такой часъ посѣщеніе было зловѣще. «Который тутъ Волковъ»? спросилъ надзиратель. Всѣ проснулись, и Волковъ отвѣтилъ: «Я». — «Одѣвайся». Одѣвшись, Волковъ подошелъ ко мнѣ, передалъ мнѣ форменный жилетъ съ золотыми часами и обручальное кольцо, прося передать женѣ; потомъ посмотрѣлъ на икону, и, крестясь, прошепталъ: «Боже мой, Боже мой, Боже мой», перекрестился трижды, поцѣловался со мной и ушелъ. Защелкнулъ замокъ и все затихло. Никто изъ насъ не спалъ. Солдаты молча смотрѣли изъ своихъ кроватей, маіоръ не шелохнулся. Но вотъ послышались вновь шаги въ корридорѣ, приближавшіеся

Пришелъ съ надзирателемъ въ контору, гдѣ уже ожидали трое вооруженныхъ солдатъ. Ожидаемъ Гендрикову и Шнейдеръ. Раздается телефонный звонокъ: спрашиваютъ, очевидно, о томъ, скоро ли приведутъ насъ; отвѣтили: — «Сейчасъ» и послали поторопить Гендрикову и Шнейдеръ. Скоро подошли и онѣ въ сопровожденіи надзирателя. Тотчасъ, подъ конвоемъ трехъ солдатъ, очень славныхъ русскихъ парней, тронулись въ путь. Онъ былъ не особенно далекъ. На вопросъ, куда насъ ведутъ, солдатъ отвѣтилъ, что въ арестный домъ. Здѣсь насъ ожидали еще восемь человѣкъ: 5 мужчинъ и три женщины. Между ними были Знаме-

---

вновь къ нашей камерѣ. Уже при уводѣ Волкова я подумалъ, что Ложкинъ выдалъ наши открытки, и понялъ, что идутъ за мной и началъ одѣваться, чтобы идти на казнь. Меня начала бить холодная лихорадка. «Маіоръ», сказалъ я, «это за мною, теперь мой чередъ». Онъ не отвѣтилъ. Щелкнулъ замокъ. Я ждалъ вопроса: «Который тутъ Смирновъ?». Я сталъ читать «Отче нашъ». Открылась дверь и на свѣту обрисовалась фигура Волкова. «Не безпокойтесь, меня переводятъ въ Арестный домъ, разрѣшили взять вещи». Быстро собралъ онъ свой сверточекъ въ газетѣ, я ему подалъ жилетъ, но онъ его не взялъ. «Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, оставьте у себя».

До утра я не спалъ; тотчасъ послѣ повѣрки узнали мы, выйдя въ корридоръ умываться, что внизу, въ эту ночь, въ это же время, увели Гендрикову и Шнейдеръ, и что арестовали начальника тюрьмы. Настроеніе у всѣхъ было подавленное. Я пошелъ къ Павлову и попросилъ не оставлять княгиню одну; сейчасъ же онъ перевелъ къ ней одну гувернантку или учительницу француженку, арестованную, когда хватали всѣхъ иностранцевъ. Потомъ княгиня разсказала мнѣ про уходъ Анастасіи Васильевны и Екатерины Адольфовны. Точно также назвали ихъ фамиліи. Онѣ спали. Анастасія Васильевна вскочила, сказала «ça y est» быстро одѣлась, подошла къ столу, на которомъ лежала какая то книга, написала на ней карандашемъ адресъ своей сестры Балашевой въ Кисловодскѣ. Затѣмъ она сказала Княгинѣ: «Si quelque chose m'arrive» и ихъ обѣихъ увели. Черезъ нѣкоторое время Княгиня узнала, что ихъ въ чека допрашивали. Анастасію Васильевну спросили, добровольно ли она поѣхала за царской семьей. (Она отвѣтила утвердительно и гордо).

ровская и горничная той гостиницы, гдѣ жилъ вел. кн. Михаилъ Александровичъ. Такимъ образомъ, насъ всѣхъ оказалось одиннадцать человѣкъ. Конвойныхъ было двадцать два человѣка. Начальникомъ являлся какой-то матросъ. Среди конвойныхъ, кромѣ приведшихъ насъ трехъ солдатъ, не было ни одного русскаго.

Гендрикова пошла въ уборную и спросила конвойнаго о томъ, куда насъ поведутъ отсюда. Солдатъ отвѣтилъ, что насъ поведутъ въ пересыльную тюрьму. — «А потомъ». — спросила Гендрикова. — « Ну, а потомъ — въ Москву». — отвѣтилъ конвойный. Пересказывая свой разговоръ съ солдатомъ, Гендрикова сдѣлала пальцами жестъ:: — «насъ т а к ъ (т. е. разстрѣливать) не будутъ».

Матросъ уже одѣтый, веселый, съ папироской во рту, не разъ выходилъ на улицу: очевидно, смотрѣлъ, не разсвѣтаетъ ли. Слышенъ былъ голосъ конвойнаго: — «Идемъ, что ли». — «Подождемъ немного», — отвѣчалъ матросъ. Черезъ нѣкоторое время онъ сказалъ: — «Пойдемте».

Вывели насъ на улицу, выстроили попарно: впереди мужчинъ, позади женщинъ, и повели. Провели черезъ весь городъ, вывели въ Сибирскій трактъ, городъ остался позади. Я думаю: гдѣ же пересыльная тюрьма. И въ душу закралось подозрѣніе: не на смерть ли насъ ведутъ.

Впереди меня шелъ мужчина. Я спросилъ его, гдѣ пересыльная тюрьма. — «Давнымъ-давно ее миновали», — былъ отвѣтъ. — «Я самъ тюремный инспекторъ». — Значитъ, насъ ведутъ на разстрѣлъ». — Какой вы наивный. Да это и къ лучшему. Все равно — теперь не жизнь». — трубка, изъ которой онъ курилъ, задрожала въ его губахъ.

Оглянулся я назадъ. Смотрю идетъ старушка Шнейдеръ: едва идетъ. Несетъ въ рукахъ корзиночку. Я взялъ у нея корзиночку и несъ ее остальную дорогу. Въ корзиночкѣ были двѣ деревянныхъ ложки, кусочки хлѣба и кое-какая мелочь.

Крестьяне везутъ сѣно. Остановились. Остановились по свистку и командѣ матроса и мы. У меня зародилась мысль о побѣгѣ. Думаю: можно проскользнуть между стоявшимъ впереди возомъ сѣна и лошадью, позади идущей и щиплющей сѣно съ воза. Наклонясь, можно было проскользнуть, но было еще темно, и я не могъ видѣть, что находится за лошадью по ту сторону дороги: можетъ быть, глубокая канава, заборъ. Обдумавъ, рѣшилъ, что въ такихъ случаяхъ бѣжать нельзя.

Матросъ свистнулъ, крикнулъ: — «Идемъ», и мы двинулись дальше. Пройдя нѣкоторое разстояніе, — опять остановились. Шелъ мальчикъ съ портфелемъ, повидимому, переводчикъ (среди нашихъ конвойныхъ было очень много нерусскихъ). Матросъ подошелъ къ мальчику, о чемъ-то переговорилъ съ нимъ и насъ повели дальше. Возлѣ того мѣста, гдѣ мы только что стояли, раздались три залпа,

Стало чуть-чуть разсвѣтать. Дорога, оказалось, — была обнесена довольно высокой изгородью. Конвойные предложили свою помощь въ переноскѣ вещей. Хорошихъ, цѣнныхъ, болѣе, или менѣе, вещей, было немного. Отобрали корзиночку Шнейдеръ и у меня.

Прошли не очень далеко и матросъ скомандовалъ: — «направо». Свернули на дорогу, ведущую въ лѣсъ. На дорогу былъ уложенъ накатникъ. По этой лѣсной дорогѣ сдѣлали нѣсколько десятковъ шаговъ. Опять свистокъ и команда матроса: — «стой».

Когда матросъ сказалъ: — «стой», я сдѣлалъ шагъ влѣво. Въ этотъ моментъ, какъ будто, мнѣ кто-то шепнулъ: — «ну, что же стоишь. Бѣги». — Словно меня кто-то подталкивалъ къ побѣгу. Сказавъ въ умѣ: — «Что Богъ дастъ», я тотчасъ же прыгнулъ черезъ канаву и пустился бѣжать.

Лѣсъ былъ мелкій, на землѣ валежникъ. Я пробѣжалъ нѣсколько шаговъ. Вслѣдъ раздался выстрѣлъ. Пуля просвистѣла возлѣ уха.

Бѣгу дальше. Второй выстрѣлъ. Пуля пролетѣла на большомъ отъ меня разстояніи. Я споткнулся и упалъ. Слышенъ былъ голосъ конвойнаго: — «Готовъ». Во время паденія съ головы свалилась шляпа. Хотѣлъ было ее поднять, но не удалось, я вскочилъ и побѣжалъ дальше. Третій выстрѣлъ. Но, на этотъ разъ пуля пролетѣла далеко отъ меня. Я ждалъ, что меня станутъ преслѣдовать, но погони за мной не было. Побѣжалъ дальше.

СПАСЕНІЕ.

Слышу: — позади залпъ. За нимъ другой и третій. Я остановился, передохнулъ, перекрестился, — и опять бѣжать. Все думаю о преслѣдованіи. Лѣсъ не высокій, рѣдкій; черезъ него все видно. Стало уже свѣтать.. Я направился къ Сибирскому тракту, обнесенному заборомъ. Вижу — по дорогѣ ѣдетъ верховой

солдатъ. Я подождалъ, когда онъ проѣхалъ, перелѣзъ черезъ заборъ, перебѣжалъ дорогу, и пустился въ лѣсъ. Бѣжалъ я во всю мочь, благо валежника было меньше. Боли, несмотря на свои разодранныя ноги, не чувствовалъ. Бѣжалъ до потери силъ. Добѣжалъ до озерка, берега котораго поросли камышомъ, спрятался въ нихъ и провелъ въ нихъ около часа времени. Думая, что преслѣдованіе теперь прекратилось и преслѣдователей по близости уже нѣтъ, я вышелъ изъ камышей и пошелъ дальше, гдѣ лѣсомъ, гдѣ полемъ, но только не дорогой.

Въ лѣсу, подъ кустами, я раздѣлся, немного обсушилъ одежду, разулся, увидѣлъ свои ободранныя ноги. Нѣсколько поотдохнулъ.

Дѣло шло къ вечеру. Я ничего не ѣлъ, но и ѣсть не хотѣлось. Проходя полями, я срывалъ и растиралъ ладонями колосья пшеницы. Заночевалъ въ лѣсу. Мнѣ почему-то казалось, что по дорогамъ ходятъ дозорные, которые меня ищутъ. Впрочемъ, увѣренности въ этомъ не было. Случайно при мнѣ оказалось полотенце,, которымъ я обвязалъ себѣ голову. Продремалъ всю ночь, сидя подъ деревомъ, прислонясь къ его стволу. Ночью неподалеку былъ слышенъ лай собаки, потомъ былъ слышенъ ружейный выстрѣлъ. Сижу, такъ какъ итти невозможно никуда: ночь.

На разсвѣтѣ, боязливо оглядываясь, вышелъ на дорогу. Пошелъ по дорогѣ, но попросить у крестьянъ хлѣба — не рѣшаюсь. Навстрѣчу попадались исключительно пѣшеходы. Женщинъ я не боялся и отъ нихъ не прятался. Сѣлъ отдохнуть у дороги подъ деревомъ. Вижу, по дорогѣ, быстрымъ шагомъ идетъ мужчина съ топоромъ. Поровнялся со мною и говоритъ: — «Что вы тутъ сидите. Пойдемте вмѣстѣ». Присѣлъ ко мнѣ. Я спросилъ его, не знаетъ ли онъ, гдѣ я могъ бы продать крестъ съ цѣпочкой. — «Зачѣмъ же вамъ продавать». — спросилъ онъ. — «Нужно хлѣба купить». — «Ну, развѣ въ такихъ вещахъ здѣсь что-нибудь понимаютъ. Что вамъ за крестъ дадутъ: — пустяки. Пойдемте со мною, подойдемте до деревни, хлѣбомъ васъ и даромъ накормятъ». Я побоялся итти съ нимъ и сказалъ, что мнѣ надо итти въ другомъ направленіи. Мы разстались, и я одинъ пошелъ дальше.

Пройдя немного, увидѣлъ, что въ полѣ женщина и дѣвушка убираютъ хлѣбъ. Подойдя къ нимъ, я спросилъ воды. (Истинное мое намѣреніе было спросить у нихъ хлѣба). Онѣ мнѣ отвѣтили, что живутъ недалеко и воды съ собою не захватили. Я предложилъ имъ купить у меня крестъ. Онѣ согласились. Была замѣтна

даже радостная готовность купить. На вопросъ, — «сколько хотите», я отвѣчалъ: — «а сколько дадите». Пожилая женщина давала мнѣ три рубля, я же не соглашался, говоря, что это дешево. Она стала давать мнѣ пять рублей. Больше дать не могла, такъ какъ не имѣла съ собой большей суммы денегъ. Я не соглашался на сдѣлку. Дѣвушка стала настойчиво просить мать купить ей крестъ. Хотѣла, даже, сбѣгать домой за деньгами, но мать ее не пустила.

Пошелъ дальше, не продавъ креста, безъ денегъ. На огородѣ при дорогѣ, вижу, стоитъ пугало: шляпа на палкѣ. Я снялъ эту шляпу, надѣлъ на голову и пошелъ дальше. Безъ шляпы я обращалъ на себя больше вниманія. Голодъ давалъ себя чувствовать, и я рѣшился зайти въ деревню и спросить хлѣба. Въ первомъ же, довольно бѣдненькомъ, домѣ я не встрѣтилъ отказа: дали большой ломоть. Я попросилъ попить. Хозяйка, подавъ мнѣ воды, сожалѣла, что не готовъ квасъ.

Вижу, черезъ улицу, стоя у окна, женщина манитъ меня къ себѣ рукою. Я подошелъ. Она вынесла мнѣ порядочный мягкій хлѣбецъ. — «Спрячьте его,», сказала она, — «сейчасъ еще огурцовъ дамъ». Разсовавъ огурцы по карманамъ, я вышелъ въ поле за деревню, присѣлъ и поѣлъ всласть.

Пошелъ дальше. День уже склоняется къ вечеру. Сталъ подумывать о ночлегѣ. Заходить въ деревню не хотѣлось. Такъ какъ дикихъ звѣрей я не боялся, то, присмотрѣвъ стогъ сѣна, зарылся въ него и уснулъ. Всю ночь проспалъ хорошо. На разсвѣтѣ, какъ только зачирикали птицы, я проснулся. Отыскалъ воду, умылся и пошелъ дальше. Заходилъ въ лежащія по пути деревни, въ которыхъ никогда не встрѣчалъ отказа въ пищѣ. Ночевалъ чаще всего въ стогахъ сѣна. Такъ шелъ изо дня въ день, справляясь о дорогѣ на Х... Однажды, вижу вдали рѣку, мостъ черезъ нее, а на мосту, какъ будто, стоитъ стража. Оттуда, навстрѣчу мнѣ, идетъ женщина съ мальчикомъ. Я спросилъ ее, какъ пройти въ Х... — «А вотъ и онъ», отвѣчала женщина, — «а зачѣмъ вы туда идете: вѣдь васъ тамъ сейчасъ же арестуютъ и разстрѣляютъ». — «А какъ же вы сами тамъ живете». — «Да мы тамъ зарегистрированы, а вы человѣкъ новый, чужой». — «Такъ что же мнѣ дѣлать». — «Сейчасъ же своротите съ этой дороги. Увидите церковь, зайдите въ нее, тамъ хорошій причтъ: тамъ скажутъ, куда и какъ пройти». Я такъ и сдѣлалъ. Къ церкви подошелъ, когда только что окончилась всенощная. Выходитъ свя-

щенникъ. Я поздоровался и попросилъ позволенія переговорить съ нимъ. Онъ по моему виду догадался, кто я таковъ, и велѣлъ итти въ церковь, къ отцу дьякону, который дастъ необходимыя указанія. Я вошелъ въ церковь, изъ которой уже вышли богомольцы. Собирался уходить и дьяконъ.

— «О. дьяконъ, я къ вамъ съ просьбой». — «Пожалуйста, садитесь». — «Я нахожусь въ храмѣ и надѣюсь, что вы, его служитель, меня не выдадите». Дьяконъ далъ слово, и я откровенно разсказалъ исторію своего спасенія. Сказалъ о моемъ намѣреніи пройти въ Екатеринбургъ.

Выслушавъ меня, дьяконъ началъ писать подробный маршрутъ. Онъ называлъ мнѣ многія деревни и велѣлъ итти черезъ нихъ, нисколько не опасаясь. Но когда назвалъ село У..., то входить въ него не совѣтовалъ, а, не доходя до села, съ полъ версты, свернуть съ прямой дороги въ одну деревню и, такимъ образомъ, обойти село.

Кромѣ дьякона въ церкви находился староста, который, съ извиненіями въ невозможности ссудить меня большей суммой, далъ мнѣ десять рублей. Съ благодарностью я принялъ деньги. Изъ церкви дьяконъ повелъ меня къ себѣ домой, оставлялъ ужинать и ночевать. Я поблагодарилъ, но отказался, боясь причинить непріятности моимъ добрымъ хозяевамъ, если о моемъ присутствіи станетъ извѣстно. Тогда жена дьякона принесла изъ погреба молоко, напоила меня, съ собой-же дала двухъ сортовъ хлѣба и масла. Все это было положено въ мѣшечекъ.

Дьяконъ велѣлъ переправиться черезъ рѣку. На мое счастье, черезъ нее какъ разъ переѣзжали доить коровъ крестьянки. Я попросилъ ихъ перевести и меня. Онѣ перевезли и я, несмотря на отказы, далъ за переправу 50 копеекъ изъ данныхъ мнѣ старостой денегъ.

Около рѣки было сложено въ стогахъ сѣно. Вдали виднѣлись строенія, но я такъ усталъ, что не имѣлъ никакого желанія итти дальше, а присѣлъ у рѣки и ожидалъ наступленія темноты. Когда стемнѣло, я присмотрѣлъ стогъ, зарылся въ сѣно и уснулъ. Еще было темно, когда я проснулся и пошелъ далѣе, строго придерживаясь данныхъ мнѣ дьякономъ указаній. Иду благополучно, нахожу повсюду привѣтливый пріемъ, пищу, а въ ненастье, —

когда бывало неуютно ночевать въ полѣ, или въ лѣсу, — и ночлегъ въ домахъ.

Подхожу къ селу У....... Не доходя до него, меня остановили двое мужчинъ и спросили, куда я иду. Я сказалъ, что въ У......... — «Зачѣмъ» — «У меня тамъ есть знакомые». — «Идите: вотъ церковь виднѣется».

Не доходя до села, свернулъ въ сторону, какъ мнѣ было указано. Зашелъ въ маленькую деревушку, вѣроятно, выселки изъ села. Иду по деревнѣ, — никто не глядитъ въ окна. Лишь въ одно окно смотритъ женщина. Я подошелъ къ ней и спросилъ, какимъ путемъ я могу обойти село. — «Идите прямо, потомъ — налѣво. Увидите, тамъ починяютъ мостъ. Село и останется вправо. Только скорѣе идите: черезъ домъ отъ насъ живетъ коммунистъ. Вотъ идетъ его мать: она тотчасъ ему скажетъ о васъ.

Я пошелъ указаннымъ женщиной путемъ. Дорога широкая, но съ глубокими колеями подсыхающей грязи. Рядомъ съ дорогой у лѣса шла хорошая сухая тропинка. По ней я и пошелъ. Оглянулся назадъ — погоня. На телѣгѣ ѣдутъ трое. Думаю: дѣло плохо. Навстрѣчу ѣдетъ возъ. Я прибавляю шагу, преслѣдователи мои — также погоняютъ лошадь, но по глубокимъ колеямъ не могутъ быстро ѣхать. Разстояніе между нами около четверти версты. Когда погоня встрѣтилась съ возомъ, я свернулъ въ лѣсъ. Преслѣдователи мои не замѣтили, какъ я свернулъ: помѣшалъ заслонившій меня возъ. Я-же наблюдалъ, какъ одинъ изъ ѣхавшихъ соскочилъ съ телѣги и что-то спрашивалъ у встрѣчнаго возчика. Думаю: навѣрно обо мнѣ спрашиваетъ. Я бѣжалъ по лѣсу, куда глаза глядятъ, но ясно слышалъ, что за мной гонятся. Слышу голосъ: — «товарищъ». Другой голосъ также кричитъ: — «товарищъ». Я все бѣгу. Чувствую, что погони уже нѣтъ.

Вышелъ въ поле, усталый, мокрый. Смотрю — тутъ же, на самой опушкѣ лѣса, стоитъ маленькая хижинка, въ которой крестьяне отдыхаютъ во время лѣтнихъ работъ. Съ пути я сбился, хлѣба съ собой нѣтъ ни куска. Рѣшилъ зайти въ избушку обсушиться. Раздѣлся, развѣсилъ свою одежду для просушки, легъ спать на солому, но заснуть не могъ. Задремалъ, только слегка. Вдругъ, слышу возлѣ самой избушки: — «Тпру». Думаю: теперь не уйти, пришелъ конецъ. Быстро одѣлся и вышелъ наружу.

Гляжу — мужчина съ женщиной пріѣхали на телѣгѣ. Спросилъ, не имъ ли принадлежитъ этотъ домикъ. Отвѣтили, что имъ. Я сталъ извиняться, что зашелъ въ него безъ спроса. — «Ничего», говорятъ они, — «спите, съ Богомъ. Мы сейчасъ уйдемъ работать, а вамъ оставимъ — хлѣбъ, соль, картофель, чай, сахаръ. Вотъ котелокъ и таганчикъ. Рѣка рядомъ, дрова наберете въ лѣсу. Вотъ и спички».

Оба они ушли работать, я-же остался хозяйничать. Сварилъ картофеля, скипятилъ чайникъ, поѣлъ. Отдохнувши, — пошелъ въ лѣсъ. Найдя работающими моихъ хозяевъ, поблагодарилъ ихъ и спросилъ, гдѣ я могу найти ночлегъ. Они указали мнѣ дорогу и дали съ собой хлѣба. Я пошелъ по указанному пути.

Вижу, — двое мужчинъ, изъ которыхъ одинъ плѣнный, мечутъ стогъ. Съ ними работаютъ двѣ женщины. Одна изъ нихъ, уже пожилая, съ поспѣшностью подходитъ ко мнѣ. — «Здравствуйте, куда идете?» — сказала она сладкимъ голосомъ. Излишекъ привѣтливости возбудилъ во мнѣ подозрительность и я замялся. — «Вы къ намъ идите, у насъ т а к и х ъ много ночуетъ. Вотъ мой сынъ. Вася, можно ему у насъ переночевать?» — «Пускай ночуетъ», — отозвался парень. Старуха продолжала: — «Вотъ наша деревня; но сначала зайдите къ старостѣ, спросите позволенія переночевать». Недалеко виднѣлась деревня. Дойдя до нея, я спросилъ, гдѣ живетъ староста. Мнѣ указали его домъ. Во дворѣ встрѣтила меня его хозяйка и сказала, что мужа нѣтъ дома, но что онъ скоро придетъ. Когда староста вернулся, я попросилъ у него разрѣшенія заночевать. — «Съ удовольствіемъ-бы» — отвѣчалъ онъ, — но, — я староста и мнѣ неудобно пускать васъ на ночлегъ къ себѣ». Я спросилъ, можно ли заночевать въ другомъ мѣстѣ и сказалъ, что просить разрѣшенія меня къ нему направили уже пригласившіе на ночлегъ. Въ это время его жена сунула мнѣ краюху хлѣба, извиняясь при этомъ, что приходится дѣлать это на людяхъ (въ это время, какъ разъ, проходила съ работы, пригласившая меня къ себѣ на ночлегъ семья).

Хотя у меня и было недовѣріе къ пригласившей меня семьѣ, но я, все-же, пошелъ по приглашенію. Распрягли лошадей и сѣли ужинать. Старуха продолжала относиться ко мнѣ съ чрезмѣрной предупредительностью. Двое мужчинъ, сынъ и плѣнный, о

чемъ то между собой переговариваются. Послѣ ужина — они пошли за сѣномъ, и я предложилъ свою помощь. Они на нее согласились. Принесли мы по охабкѣ сѣна и положили его на телѣгу. Старуха предложила мнѣ лечь спать. Посидѣвъ еще нѣсколько времени, я улегся на полатяхъ. Не спится... Думаю: есть что-то подозрительное въ поведенiи и старухи, и мужчинъ. Слышу — мужчины вышли во дворъ, запрягли лошадь, и уѣхали. Слышенъ голосъ снохи: — Зачѣмъ вы это дѣлаете?» — «Молчи, молчи», — отвѣчаетъ старуха. Я уже не смыкалъ глазъ, почувствовавъ себя въ западнѣ. Женщины уснули, стало разсвѣтать. Я началъ одѣваться. Старуха, услышавъ, что я одѣваюсь, прежде меня вышла на улицу. — «Куда же вы: подождите, вотъ подъѣдутъ наши, будемъ вмѣстѣ пить чай». Я поблагодарилъ, но поспѣшилъ уйти. Думаю, что мои хозяева принимали мѣры къ моему аресту.

Придерживаясь строго даннаго мнѣ маршрута, иду дальше. Повсюду крестьяне привѣтливо встрѣчали, кормили, никогда не спрашивая, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда пускали ночевать, кто я таковъ, куда и зачѣмъ иду и т. под. Только однажды, когда я попросилъ хлѣба, страикъ хозяинъ крикнулъ: — «Какого тебѣ еще хлѣба: самимъ ѣсть нечего, убирайся».

Я пошелъ дальше и въ полѣ набрелъ на крестьянъ, пригласившихъ меня поѣсть съ ними. Когда мы ѣли, изъ лѣса вышелъ сердитый старикъ. Сидѣвшiе со мною предложили старику проводить меня до сосѣдней деревни. Старикъ зло сказалъ: — «онъ самъ все лучше меня знаетъ».

Дошелъ я до одной деревни, называвшейся Н.... Зашелъ въ первый домикъ, попросилъ хлѣба. Хлѣба мнѣ не дали, но позвали пить чай. Хозяева оказались отличными людьми. Имѣли уже женатаго сына.

Для меня сварили яицъ, спекли пышки. Къ чаю дали сахара, сами же, хотя и ѣдятъ все приготовленное, но чай пьютъ безъ сахара.

По маршруту, отъ этой деревни мнѣ надо было итти въ другую, гдѣ жилъ крестьянинъ-кустарь, къ которому я долженъ былъ обратиться. Мой хозяинъ (буду называть его — И.) зналъ кустаря и отозвался о немъ, какъ о хорошемъ, надежномъ человѣкѣ.

Погулявъ немного около деревни, я вернулся къ моимъ гостепріимнымъ хозяевамъ и у нихъ въ домѣ переночевалъ. Поутру отправился, куда надлежало. Сразу отыскалъ кустаря. — «Вы — (я назвалъ его по имени)». — «Меня къ Вамъ послалъ о. дьяконъ ....». — «Ахъ, это — ....». Онъ, очевидно, зналъ дьякона уже давно, такъ какъ назвалъ его просто по имени. — Что же онъ сказалъ вамъ». — «Онъ сказалъ, что вы можете провести меня къ чехо-словакамъ». — «Ой, нѣтъ, нѣтъ. Никакъ не могу. И не просите. Раньше еще было возможно, теперь-же никакъ нельзя, вездѣ заставы». — «Что же дѣлать?» — спрашиваю. — «Пойдемте къ намъ въ домъ, тамъ переговоримъ». Сѣли ужинать. Предложили мнѣ заночевать, чѣмъ я и воспользовался.

На утро пошелъ обратно въ деревню, гдѣ я былъ наканунѣ. У добрыхъ людей пообѣдалъ. Думаю: куда дѣться. Итти по маршруту — невозможно, всюду заставы. Хозяинъ мой, И...., предложилъ, пока ночевать у нихъ. Днемъ же, отъ любопытныхъ взоровъ, укрываться въ лѣсу. Захвативъ съ собою хлѣба, я не захотѣлъ возвращаться на ночь въ деревню, а рѣшилъ заночевать въ лѣсу. Подыскалъ въ глухомъ лѣсу скирду сѣна, зарылся въ нее и переночевалъ такимъ образомъ три ночи. Только одинъ разъ ходилъ въ деревню къ моимъ доброжелателямъ запастись хлѣбомъ. По счастью, погода стояла теплая и сухая. На третью ночь, рано поутру, пріѣхали за сѣномъ и стали брать его вилами, по счастью, съ другой стороны и меня не задѣли. Вылѣзъ изъ скирды, подошелъ къ двумъ крестьянамъ, бравшимъ сѣно, извинился передъ ними въ томъ, что помялъ его и ушелъ. На другую ночь не пошелъ въ лѣсъ, а зашелъ въ одну деревню, лежащую по близости. Зашелъ въ одинъ изъ домовъ. Оставили обѣдать, предложили ночлегъ. Такъ какъ къ вечеру пошелъ дождь, то я и заночевалъ здѣсь. Послѣ ужина, уложили на полати спать. Поутру, послѣ чая, я опять пошелъ бродить по лѣсу. Пройдя довольно большое разстояніе, подошелъ къ какой то церкви. Она была заперта и помолиться въ ней не удалось.

Зашелъ къ священнику и спросилъ его, какъ пройти къ чехамъ.

— «Ой, уходите скорѣе... Мать, дай хлѣба и чаю. Тутъ всюду красные. Уходите, Бога ради». Взявъ поданный мнѣ хлѣбъ, я

поскорѣе ушелъ опять въ лѣсъ. Иду лѣсной дорогой, никого не встрѣчаю. Вижу, идетъ молодой крестьянинъ, съ ружьемъ и собакой. Я растерялся и пустился бѣжать въ лѣсъ. Встрѣчный кричитъ мнѣ: — «Дядя, дядя, не бойтесь». Смѣясь, онъ подошелъ ко мнѣ. — «Я самъ таковъ-же, какъ и вы». Объяснилъ мнѣ, что онъ видалъ меня ранѣе въ одной изъ деревень. Сказалъ, что онъ не одинокъ, но что многіе мѣстные жители подкарауливаютъ красныхъ. Мы разошлись.

Ночевалъ я, или въ разныхъ деревняхъ, или чаще, въ лѣсу. Однажды, ночуя въ сѣнѣ, услышалъ возлѣ себя какое-то пыхтѣнье. Выглянулъ — волкъ. Я испугался и крикнулъ. Въ свою очередь, испуганный моимъ крикомъ, убѣжалъ и волкъ.

Ночуя въ лѣсу, въ деревни заходилъ за пищей. Рѣдко — искалъ ночлега. Итти дальше — было опасно. Кружился около одного и того-же мѣста; многіе изъ окрестныхъ жителей меня уже знали въ лицо.

Однажды, зашелъ къ крестьянину, спросить хлѣба. Вошелъ въ избу и вижу, какъ женщина, по виду интеллигентная, покупаетъ творогъ, молоко, яйца, хлѣбъ. Меня это заинтересовало, и я спросилъ, для кого-же она покупаетъ. — «Покупаю для мужчинъ», —отвѣчала она тихонько, — «со мною идутъ трое, между ними и мой мужъ. Мы убѣжали и теперь пробираемся къ чехословакамъ. На меня, какъ на женщину, не такъ обращаютъ вниманіе». — «Нельзя ли и мнѣ присоединиться къ вамъ», — спросилъ я. — «Отчего же; я сейчасъ ухожу къ мужчинамъ: они сидятъ въ лѣсу. Вы немного подождите и тоже идите». Я такъ и сдѣлалъ. Зная лѣсъ, я скоро нашелъ ихъ. Они были уже предувѣдомлены и манили къ себѣ знаками. Я спросилъ ихъ о цѣли путешествія. Отвѣчали, что идутъ къ чехо-словакамъ. Я сказалъ, что иду туда-же, но не знаю дороги. Они предложили мнѣ итти вмѣстѣ съ ними и объяснили, что у нихъ есть планъ, пользуясь отступленіемъ красныхъ, пройти въ разрывъ фронта. Хотѣли они сдѣлать это въ тотъ-же день. — «Но имѣйте въ виду, что намъ, можетъ быть, придется бѣжать. Помните, что черезъ два - три дня можно будетъ пройти совсѣмъ легко». Послѣднее замѣчаніе было вызвано тѣмъ обстоятельствомъ, что я производилъ впечатлѣніе человѣка много старше своихъ лѣтъ: у меня была огромная

борода; къ тому же тюрьма и жизнь бѣглеца меня изнурили.

Высказанное ими мнѣніе, что черезъ короткій срокъ можно будетъ пройти безъ затрудненія, остановило меня отъ присоединенія къ нимъ. Впрочемъ, брало и сомнѣніе: не красные-ли они.

Сапогъ у меня не было уже давно: разбились совершенно. Въ одномъ домѣ дали лапти, въ другомъ — онучи и оборки. Все это получилъ въ подарокъ.

Однажды, И..........., у котораго я чаще всего бывалъ въ домѣ (въ деревнѣ Н.........), сказалъ мнѣ: — «Васъ уже всѣ здѣсь узнали: говорятъ, что вы, или профессоръ, или богатый священникъ». — «Что же дѣлать», — спрашиваю я. — «Отдайте пальто и надѣньте крестьянскую одежду». — «Я давно хотѣлъ это сдѣлать, да не знаю, какъ». При этомъ разговорѣ присутствовалъ женатый сынъ И............ — «У меня есть лишняя поддевка», сказалъ онъ. Я обрадовался, надѣлъ на себя поддевку, отдалъ молодому человѣку пальто. Онъ, было, отказывался, но, въ концѣ концовъ, согласился взять его. Дали мнѣ крестьянскую шапку, подпоясали кушакомъ, засунули за поясъ топоръ и я, уподобясь по внѣшности крестьянину, сталъ чувствовать себя увѣреннѣе.

Какъ и прежде, блуждаю въ лѣсу около деревень. Ночевалъ, то въ лѣсу, то въ деревняхъ. Отношеніе крестьянъ все время было отличнымъ. Побывалъ въ банѣ. И самъ попарился, и одежду освободилъ отъ насѣкомыхъ. Кромѣ пара, для этого употреблялъ еще березовый деготь, обмазавъ имъ все тѣло. Насѣкомые пропали совершенно.

Зашелъ однажды въ избу, хозяева которой оставили обѣдать. Пришелъ мужчина съ той же просьбой, какъ и я: хлѣба, но на троихъ.

— «Гдѣ же остальные», — спросилъ хозяинъ, — «пусть идутъ сюда, не боясь». Тѣ пришли, поѣли. На видъ они мнѣ показались подозрительными. Я спросилъ ихъ, куда они идутъ. — «Мы пробираемся къ бѣлымъ», былъ отвѣтъ. — «Не возьмете ли вы меня съ собой: я такой-же бѣглецъ, какъ и вы». Они переглянулись. — «Отчего же, пойдемте». — «А вы надѣетесь пройти черезъ фронтъ», спросилъ я ихъ. — «Надѣемся, и въ скоромъ времени». Но я все-таки не рѣшился итти съ ними: очень ужъ они походили на красноармейцевъ-перебѣжчиковъ.

Во время блужданій по лѣсамъ, когда, бывало, завидишь встрѣчнаго, то стараешься свернуть отъ него въ сторону. Тоже самое, обыкновенно, дѣлалъ и встрѣчный. Случалось, что уклоняясь другъ отъ друга, въ лѣсу нечаянно встрѣчались лицомъ къ лицу. Потомъ, разговорясь, удивлялись, зачѣмъ убѣгали другъ отъ друга.

Наступаетъ уже глубокая осень. Холодъ и сырость заставляютъ искать возможности поскорѣе достигнуть цѣли.

Однажды встрѣтился я съ молодымъ человѣкомъ, съ которымъ я ранѣе встрѣчался въ лѣсу: онъ былъ съ ружьемъ и съ собакой. Онъ посовѣтовалъ мнѣ итти, сказавъ, что пробраться къ чехамъ теперь вполнѣ возможно. Указалъ онъ мнѣ и путь, которымъ легче всего пройти.

На другой день, молодой И................ .проводилъ меня въ деревню, версты за четыре. Тамъ спросили, нѣтъ-ли поблизости красныхъ. Сказали, что красноармейцы повсюду, что всѣ дороги тщательно ими охраняются. Часто они заходили и въ деревни. Дѣло было къ вечеру, и я рѣшился вернуться назадъ, въ деревню Н............, несмотря на настоянія моего спутника. Оставаться ночевать въ деревнѣ, — тоже побоялся. Рѣшилъ итти обратно, въ дер. Н......, но по пути гдѣ нибудь заночевать. Всѣ въ деревняхъ знали, кто я. Такъ, напримѣръ, когда я проходилъ деревней, то одинъ крестьянинъ звалъ меня на ночлегъ, крича полнымъ голосомъ: — «узналъ что. Иди сюда ночевать: въ полѣ холодно». Хотя погода стояла дѣйствительно холодная, но я все-же не рѣшился ночевать въ деревнѣ. Поблагодарилъ, но отказался.

Стало уже сильно темнѣть, но ночлега себѣ я еще не выбралъ. Случайно набрелъ на большую кучу соломы. Влѣзъ наверхъ, раскопалъ кучу, зарылся въ солому; пытался заснуть, но, вмѣсто того, пришлось скорѣе вылѣзти изъ соломы: она оказалась сырой, а на дворѣ былъ небольшой морозъ. Лежа въ соломѣ, я началъ коченѣть отъ холода. Съ трудомъ вылѣзъ изъ кучи, сталъ бѣгать, чтобы согрѣться. Рано утромъ идетъ домой мой провожатый, заночевавшій въ деревнѣ. Вмѣстѣ съ нимъ я вернулся къ его родителямъ. Отъ ходьбы я согрѣлся и пришелъ въ домъ, чувствуя себя много бодрѣе. Поставили самоваръ, уговаривали раздѣться и лечь спать на полати. Я легъ, но не раздѣлся, а разулъ

только ноги. Самого хозяина не было дома: онъ ушелъ въ волостное правленіе.

Не успѣлъ я задремать, какъ слышу встревоженный голосъ: — дядя, красноармейцы скачутъ». Выглянулъ — дѣйствительно скачутъ шестеро красноармейцевъ. Быстро обулся, выбѣжалъ во дворъ, схоронился. Когда они проскакали, то я, прячась, съ опаской ушелъ въ лѣсъ.

Такимъ образомъ я спасся. Домъ, въ которомъ я находился, стоялъ на краю деревни. Красноармейцы пріѣзжали сдѣлать обыскъ и я былъ увѣренъ, что начнутъ обыскивать съ нашего конца. По счастью, обыскивать стали съ другой стороны деревни. Обыскъ былъ вызванъ тѣмъ обстоятельствомъ, что наканунѣ, черезъ одну изъ сосѣднихъ деревень проходила кучка вооруженныхъ людей. Ходили слухи, что это бѣлые.

Деревня наша была небольшая, дворовъ около десятка. Когда я убѣгалъ, молодой И...... позвалъ меня ночевать :— «Дядя, приходи потомъ ночевать». Звали меня постоянно «дядя». Всѣ были настолько чуткими и деликатными, что ни разу никто не спросилъ меня объ имени.

Весь день я, голодный и постоянно оглядываясь, пробродилъ по лѣсу. Когда начало темнѣть, то крадучись, съ опаскою, со стороны поля, — не съ улицы, я вошелъ во дворъ. Никого уже не было. Поужинали и я легъ спать. Поутру пьемъ чай. Мнѣ, какъ всегда, положили два кусочка сахару, сами же хозяева пьютъ пустой чай. За чаемъ старикъ говоритъ мнѣ: — «Вотъ что, дядя: въ правленіи мнѣ говорили: ты его принимаешь, это хорошее дѣло. Но, смотри: застанутъ его у тебя красноармейцы, разстрѣляютъ васъ обоихъ». — «Я знаю это», — отвѣчалъ я, «поэтому то я такъ часто отказываюсь отъ вашего гостепріимства и только въ крайнихъ случаяхъ имъ пользовался».

Итакъ — надо было уходить. Наступаютъ морозы. Наканунѣ дня моего ангела, — митрополита Алексѣя, 5-го октября стараго стиля, я распрощался съ моими добрыми хозяевами, И.........: и сынъ хозяйскій проводилъ меня въ одну изъ окрестныхъ деревень къ своему родственнику. Дорогой шли мы рядомъ. Думаю: — вѣдь такъ итти опасно. Сказалъ своему спутнику, чтобы онъ шелъ впередъ, я же нѣсколько поотстану. Если онъ увидитъ вер-

ховыхъ, то онъ долженъ сдѣлать знакъ рукой, поднявъ руку. Такимъ порядкомъ мы и пошли дальше. Вижу, далеко, навстрѣчу, ѣдетъ всадникъ. Мой же спутникъ условнаго знака не дѣлаетъ. Я, думая, что онъ не замѣчаетъ, побѣжалъ въ лѣсъ и тамъ скрылся, потерявъ изъ вида своего спутника. Долго я бродилъ по лѣсу, прежде, чѣмъ снова вышелъ на дорогу. На ней — никого не видно. Черезъ нѣкоторое время наткнулся на моего проводника. Онъ меня тоже искалъ. — Зачѣмъ, дядя, убѣгалъ. Это родня мнѣ ѣхалъ. Онъ видѣлъ тебя, посмѣялся надъ тобой».

Пришли къ родственнику молодого человѣка. Хозяйка подала обѣдъ, сѣли за него, чрезъ нѣкоторое время приходитъ хозяинъ, который, оказалось, не узналъ моего спутника, своего родственника, спрятался. И только послѣ нашего прихода ему сказали, кто мы. Здороваясь, онъ сказалъ: — «Я въ такомъ-же положеніи, какъ и вы. Меня также преслѣдуютъ большевики». Мы разговорились, и онъ спросилъ меня о моихъ намѣреніяхъ. Я разсказалъ. — «Хоть и далекимъ обходомъ, но къ чехо-словакамъ выбраться возможно. Я напишу, какимъ путемъ итти, а вы идите смѣло, да поскорѣе. Красные только вчера отошли отъ этихъ мѣстъ».

Онъ написалъ мнѣ маршрутъ, упомянулъ, что на пути встрѣтится рѣка, которую надо переѣхать. Я сказалъ, что у меня нѣтъ денегъ для уплаты за переѣздъ, онъ мнѣ возразилъ, что денегъ и не надо, перевезутъ даромъ.

Я пошелъ и скоро дошелъ до рѣки. На берегу женщина доила коровъ. Я попросилъ ее перевезти меня черезъ рѣку. Она велѣла дочери перевезти меня. Та сѣла верхомъ на лошадь, а я позади дѣвушки. Частью вбродъ, частью вплавь, переправились черезъ рѣку. Пошелъ дальше по грязной дорогѣ, по которой лошади еле-еле тащили возы съ сѣномъ. Эта дорога привела меня въ деревню, гдѣ я быстро разыскалъ указаннаго мнѣ крестьянина: спросилъ о немъ перваго встрѣчнаго, который показалъ мнѣ на раскрытое окно, около котораго сидѣлъ тотъ, котораго я искалъ (днемъ было довольно тепло). Я, подойдя къ окну, спросилъ, не такой-то ли онъ. Получивъ утвердительный отвѣтъ, я сказалъ имя, пославшаго меня крестьянина. Меня позвали въ избу. Я попросилъ указать путь къ чехословакамъ, разсказавъ,

по его просьбѣ, объ указанномъ мнѣ пути. Мой собесѣдникъ одобрилъ маршрутъ, подтвердивъ, что этимъ путемъ дѣйствительно можно пройти безопасно. Пока мы съ нимъ разговаривали, его жена и сноха накрыла на столъ и мы сѣли ужинать. Послѣ ужина на полу постлали тюфякъ, дали подушку и одѣяло. Я отказался, говоря, что я грязенъ, запачкаю чистыя вещи, но они настаивали и я легъ.

Поутру, послѣ чаю, хозяинъ разсказалъ мнѣ подробно, какъ итти дальше и показалъ дорогу. Идя по ней, къ вечеру я вышелъ къ хутору, собственника котораго расхваливалъ мой вчерашній хозяинъ. Стоитъ хорошій домъ, на дворѣ очень чисто. Молотятъ женщины. Подойдя къ нимъ, я спросилъ, какъ называется этотъ хуторъ. Названіе его совпало со сказаннымъ мнѣ. Спросилъ о хозяинѣ. — «Вонъ онъ въ полѣ далеко работаетъ. Идите въ домъ: не смущайтесь тѣмъ, что тамъ никого нѣтъ. Мы скоро кончимъ, — придемъ; да и хозяинъ скоро подойдетъ. Не прошло и часу, какъ они всѣ пришли. Хозяинъ сталъ меня разспрашивать. Я сказалъ, по чьему указанію я пришелъ къ нему въ домъ. — «Какъ же, хорошо его знаю», замѣтилъ хозяинъ. Собрали ужинать. За столомъ хозяинъ сказалъ мнѣ: — «Спите спокойно: завтра-послѣзавтра будете у чеховъ. Рано утромъ я сведу васъ къ знакомому старостѣ, а онъ васъ проводитъ дальше».

Утромъ на другой день, послѣ чая, хозяинъ спросилъ меня: — «Вы готовы? Я васъ проведу до своего гумна, а дальше вы идите одинъ». Я сказалъ ему, что опасаюсь сбиться съ дороги и прошу проводить меня до самого старосты, какъ онъ вчера и обѣщалъ. Хуторянинъ сказалъ мнѣ, что онъ предполагалъ-бы сегодня заняться неотложной работой, но все таки согласился меня довести. Отдавъ наскоро необходимыя распоряженія, онъ проводилъ мея до старосты. Было еще раннее утро. Въ домѣ у старосты его хозяйка пекла разные пироги и пирожки, все въ большомъ количествѣ. Появился на столѣ самоваръ, и меня усадили кушать, и, хотя я и былъ вполнѣ сытъ, накормили таки еще. Хуторянинъ торопился домой и просилъ старосту довести меня до мѣста. Тотъ увѣрилъ, что сдѣлаетъ это, и хуторянинъ пошелъ домой. Староста же пошелъ со мной показать дорогу. Это было недалеко. Перелѣзли черезъ изгородь и староста довелъ меня до

просѣки. — «Идите по просѣкѣ», сказалъ онъ, «никого не встрѣтите: нѣтъ ни дикихъ звѣрей, ни большевиковъ. На пути встрѣтятся ручьи, ихъ перейдете по кладенкамъ. Въ случаѣ сомнѣній въ правильности направленія, оглядывайтесь назадъ, потомъ смотрите впередъ: просѣка покажетъ правильное направленіе, въ которомъ надо итти. Въ концѣ просѣки находится деревня». Мы разстались, и я пошелъ по просѣкѣ. По ней прошелъ восемь верстъ. При переправахъ черезъ ручьи немного замочилъ ноги. Просѣка привела меня въ маленькую деревушку, всего на всего изъ двухъ домовъ. У конца просѣки былъ заборъ, чрезъ который я долженъ былъ перелѣзть. У дѣвушки, которая гнала коровъ, я спросилъ, гдѣ деревня .... — «Да вотъ-же она». — «Да вѣдь тутъ только два дома». — «Что-же изъ того: такъ она называется».

Вошелъ въ одинъ домъ. Спрашиваю: — можно войти». — «Ишь, спросилъ, когда вошелъ», сказалъ старикъ, тачавшій сапоги. — Я попросилъ попить. — «А чего хотите. Дайте-ка молока». Я выпилъ молока и спросилъ, какъ пройти въ деревню ..... Братъ старика, еще не старый, подпоясываясь, сказалъ мнѣ: — «Я сейчасъ иду туда. Пойдемте со мною. Я уже совсѣмъ готовъ». Пройдя восемь верстъ нелегкой дороги по просѣкѣ, я усталъ, но все же пошелъ съ нимъ. Онъ спросилъ меня, куда же я иду дальше. Я отвѣчалъ, что иду къ чехо-словакамъ. Онъ пообѣщалъ довести меня до деревни..., путемъ, которымъ никого не встрѣтимъ, а отъ этой деревни уже недалеко и до чехо-словаковъ.

Повелъ онъ меня глухими тропинками, гдѣ мы никого не встрѣтили. Подошли къ деревнѣ, но въ нее не входимъ, а пошли по задворкамъ вдоль ряда и съ поля вошли въ одинъ изъ домовъ. Прошли мы версты четыре. Спутникъ мой былъ хорошій ходокъ, я же очень усталъ, пройдя ранѣе 8 верстъ. Провожатый обращается ко мнѣ и говоритъ: — «Подождите минутку». Вижу, встрѣтилъ его, по виду очень сильный мужчина и они о чемъ то переговариваются. Взяло сомнѣніе, не къ большевикамъ ли привелъ онъ меня. Сомнѣнія мои разсѣялись, когда онъ вернулся и сказалъ: — «Теперь идите такимъ путемъ: вотъ тамъ дорожка, пойдете по ней прямо, потомъ налѣво». Я сталъ просить его довести меня до дороги. Онъ провелъ меня и точно указалъ, какъ итти дальше. — «Идите прямо, потомъ налѣво до желѣзной дороги.

Никого не встрѣтите: большевиковъ нѣтъ уже трое сутокъ». Думаю: какъ бы мнѣ его, на радостяхъ, отблагодарить. Снялъ съ шеи крестъ и отдалъ ему. Онъ стѣснялся было взять крестъ, но потомъ все же взялъ его.

Уже смеркается. Видно, на встрѣчу кто-то ѣдетъ, везетъ снопы, или сѣно, — не разобрать въ сумеркахъ. Я свернулъ съ дороги и сѣлъ въ лѣску. Слышу молодой голосъ поетъ пѣсни. Я намѣренно вышелъ на дорогу и пошелъ навстрѣчу. Спросилъ парня, какъ пройти къ полотну желѣзной дороги. Онъ отвѣчалъ, чтобы я продолжалъ итти такъ, какъ шелъ до сихъ поръ. Упрусь въ полотно желѣзной дороги. Я смѣлѣе: — «А на большевиковъ не наткнусь». — «Ихъ уже давно здѣсь нѣтъ. Но, куда же вы идете: здѣсь вѣдь нѣтъ станціи». Я объяснилъ, что пробираюсь къ чехословакамъ. Онъ сказалъ мнѣ, что тогда надо итти по полотну еще версты три. На мое замѣчаніе, что я усталъ и не въ силахъ итти такъ далеко, онъ посовѣтовалъ: — «Такъ и не идите сегодня. Пойдете къ нимъ завтра, а ночь переночуете въ желѣзнодорожной казармѣ».

У Чехословаковъ.

Я послушался его совѣта. Вошелъ въ казарму, въ ней двѣ женщины. Спросилъ разрѣшенія войти. Онѣ пригласили меня внутрь дома. — «А вы живете здѣсь?» спросилъ я. — «Нѣтъ, мы стираемъ на чехо-словаковъ». — «Такъ что же вы здѣсь дѣлаете?» — «Ожидаемъ мужей, они на работѣ, скоро придутъ, но ночевать не будутъ, — сегодня суббота, — всѣ разойдутся по домамъ». — «Такъ что возможно будетъ мнѣ переночевать здѣсь». — «Пожалуйста. Выбирайте, любое мѣсто на скамейкахъ, пользуйтесь одеждой, а если хотите, вытопите печку, просушитесь». Послѣ ихъ ухода я послѣдовалъ ихъ совѣту: затопилъ печь, раздѣлся и спокойно проспалъ до утра. Утромъ пошелъ въ чехо-словакамъ. Они находились на станціи, верстахъ въ двухъ. Не знаю, къ кому и куда обратиться. Вижу, сидятъ двое молодыхъ людей. Я спросилъ ихъ, отъ кого я могу получить разрѣшеніе на проѣздъ въ Екатеринбургъ. Они мнѣ отвѣтили, что въ контору только что прошелъ завѣдующій, отъ котораго зависитъ выдача проѣздныхъ билетовъ. Я вошелъ въ контору и обратился съ просьбою выдать билетъ въ Екатеринбургъ. Чехъ грубо крикнулъ: — «Ка-

кой еще тебѣ нуженъ билетъ. Уходи вонъ отсюда. Придешь послѣ». Я вышелъ и, обратясь къ молодымъ людямъ, сказалъ, что чехъ билета не даетъ. Спросилъ ихъ, что дѣлаютъ здѣсь они сами. Отвѣтили, что сидятъ здѣсь уже третій день. Никуда не пускаютъ, но ни въ чемъ и не обвиняютъ, но почему-то задерживаютъ. Я сталъ ожидать. Ждалъ цѣлыхъ два часа. Опять пошелъ въ контору. Попросилъ выдать билетъ. Чехъ, на этотъ разъ уже спокойно, спросилъ, куда мнѣ надо. Я отвѣтилъ, и онъ написалъ разрѣшеніе на проѣздъ до Екатеринбурга, ничего больше не спрашивая. Предупредилъ, что поѣздъ отойдетъ черезъ полчаса. Сталъ ожидать поѣзда; прошло полчаса, а его все нѣтъ. Стоитъ на станціи поѣздъ съ бѣженскимъ эшелономъ. Мнѣ сказали, что онъ скоро отойдетъ. Я сѣлъ въ него. Въ вагонъ меня не пустили, и я просидѣлъ всю ночь на площадкѣ, по счастью, закрытой; ночью погода была холодная. На одной изъ станцій я зашелъ въ буфетъ 2-го класса. Подсчиталъ остатокъ отъ 10-ти рублей и увидѣлъ, что денегъ у меня хватитъ — только на супъ. Спросилъ его. Принесли его въ тарелкѣ (не въ мисочкѣ, какъ другимъ), съ небольшимъ кусочкомъ хлѣба. Замѣтивъ мой аппетитъ, мой сосѣдъ по столу уступилъ мнѣ свой хлѣбъ. Подавали, какъ обычно, другимъ, мелхіоровыя ложки. Мнѣ же, очевидно, принимая во вниманіе мой костюмъ и всю наружность, дали деревянную.

Въ Екатеринбургѣ.

Въ Екатеринбургъ пріѣхали утромъ, между 6-ю и 7-ю часами. Съ вокзала я прямо направился къ тюрьмѣ, гдѣ меня знали и я могъ разсчитывать на привѣтливую встрѣчу. Я не ошибся въ своихъ предположеніяхъ.

Идти пришлось черезъ весь городъ, версты три. Дойдя до тюрьмы, я сталъ стучаться въ ворота. Въ глазокъ посмотрѣлъ надзиратель.

— «Г-нъ Волковъ, вы ли это?» — «Да, я». — «Вы къ намъ?» — «Я хотѣлъ бы видѣть начальника тюрьмы». — «Его еще нѣтъ на службѣ, но онъ скоро придетъ. Заходите въ контору».

Въ контору я не пошелъ, но сталъ ожидать начальника тюрьмы на улицѣ. Идетъ мимо надзиратель, дежурившій около нашей камеры. Онъ уже прошелъ мимо меня, но, оглянувшись,

воскликнулъ: — «Г-нъ Волковъ: это, вѣдь, вы». — «Да, я». — «Что съ вами случилось. Господи, Господи, да вѣдь васъ, слышно было, разстрѣляли». — «Какъ видите, покамѣстъ я еще живъ». Надзиратель звалъ меня къ себѣ пить чай, говоря, что сейчасъ съ рынка вернется его жена и поставитъ самоваръ. Замѣтивъ вдали подходившаго начальника тюрьмы, я отказался. Когда начальникъ тюрьмы подошелъ (онъ былъ одѣтъ по формѣ), я назвалъ его по имени и отчеству. Посмотрѣвъ на меня, онъ сказалъ: — «Что вамъ угодно?» — « Не узнаете меня». — Онъ вскричалъ: — «Г-нъ Волковъ». — и бросился меня цѣловать. — «Вчера по васъ мы панихиду отслужили».

Пошли мы въ контору тюрьмы. Здѣсь всѣ, кто меня зналъ, встрѣтили привѣтливо и радостно. Начальникъ велѣлъ запречь лошадь и мы съ нимъ поѣхали въ городъ, такъ какъ надо было какъ-нибудь почище и поприличнѣе одѣться. Пальто купить не удалось, купили дождевикъ. Купили также рубашку, чулки, сапоги и простую фуражку. Кальсонъ — не нашли нигдѣ. Ихъ мнѣ выдали изъ тюремнаго запаса. Не переодѣваясь, я съ начальникомъ тюрьмы поѣхалъ по начальству. Не застали командующаго войсками, Голицына, но зато повидали губернатора.

Это былъ молодой еще человѣкъ, прежнiй адвокатъ. Одновременно со мною, онъ сидѣлъ въ тюрьмѣ, откуда былъ выведенъ на разстрѣлъ. Когда стали ставить подъ ружейныя дула, онъ, будучи небольшого роста, пригнулся и, крадучись сзади ряда установленныхъ на разстрѣлъ, скрылся. Бѣгству помогъ еще густой туманъ. Надо было переплывать рѣку. Онъ раздѣлся, связалъ въ узелъ одежду и поплылъ. Узелъ вывалился и утонулъ. Переплывъ рѣку, онъ голымъ, вошелъ въ одинъ изъ знакомыхъ домовъ, гдѣ его одѣли и гдѣ онъ скрывался нѣкоторое время. По уходѣ красныхъ, онъ смогъ вернуться въ Екатеринбургъ, гдѣ жилъ ранѣе.

Губернаторъ пригласилъ меня къ себѣ обѣдать. Къ ужину же я пообѣщалъ придти къ начальнику тюрьмы. Послѣ обѣда я зашелъ въ парикмахерскую, а оттуда — въ баню. Номерныя бани оказались всѣ занятыми. Попросилъ дать номеръ, хотя бы на четверть часа. Наскоро, кое-какъ, помылся, переодѣлся, оставивъ въ банѣ всю грязную одежду.

Еще за обѣдомъ губернаторъ уговорилъ меня придти къ нему и ужинать. — «Я не хочу васъ отпускать», говорилъ онъ. — «Въ нашемъ спасенiи отъ смерти — много общаго, которое насъ съ вами сближаетъ».

У губернатора, когда я пришелъ къ нему, были гости. За хорошимъ ужиномъ — разговорились. Вкратцѣ, я разсказалъ исторію своего спасенія. Разошлись гости поздно ночью.

Уже въ теченіе долгаго времени мнѣ не доводилось спать съ такими удобствами и такъ сладко, какъ въ эту ночь въ губернаторскомъ домѣ.

Утромъ, тотчасъ послѣ чаю, я пошелъ къ командующему войсками, котораго вчера не засталъ дома. Служащіе управленія, видѣвшіе меня вчера, до переодѣванія, сегодня меня не узнали. Ген. Голицынъ принялъ меня очень любезно. Обо всемъ разспросилъ, далъ денегъ и распорядился о выдачѣ мнѣ безплатныхъ путевыхъ документовъ до Тобольска. У командующаго войсками въ это время находился членъ суда, Сергѣевъ, производившій тогда дознаніе объ убійствѣ царской семьи. Онъ попросилъ меня побесѣдовать съ нимъ. Когда я согласился, онъ позвалъ къ себѣ обѣдать. Послѣ обѣда до самаго вечера я давалъ показанія и вслѣдствіе этого у начальника тюрьмы опять побывать не пришлось. Кончивъ допрашивать, Сергѣевъ просилъ меня придти и завтра, но я отказался, говоря, что хочу поѣхать въ Тобольскъ, поскорѣе повидаться со своей семьей. Онъ оставлялъ меня, обѣщалъ дать квартиру и содержаніе. Я отказался. — «Въ такомъ случаѣ, если вы не хотите остаться, я самъ къ вамъ пріѣду, или васъ вызову», сказалъ Сергѣевъ. — «Согласны? Вы даете подробныя показанія, Чемодуровъ же, который жилъ здѣсь, какъ будто неохотно показывалъ», добавилъ онъ.

Послѣ допроса я поѣхалъ къ начальнику тюрьмы. Онъ встрѣтилъ меня весьма радушно и просилъ остаться у него заночевать. Я, поблагодаривъ его, съ нимъ распрощался. Зашелъ къ доктору Деревенько, недолго у него побылъ, выпилъ стаканъ чаю — и на вокзалъ. Желѣзнодорожное движеніе еще не было вполнѣ налажено: поддерживалось товаро - пассажирскими поѣздами. Хотя билеты были выданы классные, но сѣсть пришлось въ товарный вагонъ, грязный, съ навозомъ на полу. Было холодно, а на мнѣ, вмѣсто пальто, былъ надѣтъ дождевикъ. Черезъ три станціи прицѣпили классные вагоны и я перешелъ туда. Въ вагонахъ было достаточно тепло. Утромъ на одной изъ станцій я хорошо закусилъ. Буфетъ былъ полонъ кушаній, да и угостили меня съ большей предупредительностью, чѣмъ во время поѣздки, въ качествѣ бѣглеца до Екатеринбурга.

Въ Тюмень поѣздъ, пришелъ поздно ночью. Извозчикъ во-

зилъ меня по всѣмъ гостиницамъ, но мѣста нигдѣ не было. Ночлегъ нашелъ въ одной частной квартирѣ у еврея. Утромъ пошелъ на рѣку удостовѣриться въ томъ, что навигація окончилась. Я не вѣрилъ этому извѣстію, но пришлось убѣдиться въ его истинѣ.

Надо было ѣхать на лошадяхъ. Въ управленіи лошадей дали тотчасъ же. Обѣщали прислать ямщика, съ которымъ я могу сговориться относительно времени. Дома я засталъ гостя, одного изъ придворныхъ служащихъ. Меня очень удивило то обстятельство, что онъ меня розыскалъ. Онъ далъ мнѣ адресъ сослуживцевъ: Жильяра, Тяглевой, Эрсбергъ, баронессы Буксгевденъ. Жили они всѣ вмѣстѣ. Я пошелъ къ нимъ. Они моему приходу очень удивились, такъ какъ считали меня разстрѣляннымъ. Всѣ они жили очень скудно. Сѣли обѣдать. Обѣдъ былъ очень бѣдный, плохой. О многомъ мы переговорили. Бар. Буксгевденъ заинтересовалась предстоящей мнѣ поѣздкой. Дала мнѣ въ дорогу валенки и доху. Было уже морозно и я былъ очень доволенъ, получивъ эти вещи.

Въ Тобольскѣ.

Мы распростились, и я потребовалъ лошадей. На перекладныхъ лошадяхъ благополучно доѣхалъ до Тобольска. Въ Тобольскѣ прежде всего зашелъ на монастырское подворье, разсчитывая тамъ получить лошадь для поѣздки въ монастырь, гдѣ жила моя семья. Лошадей не оказалось и я, вдвоемъ съ одной монахиней, пошелъ въ монастырь. Путь туда показался на этотъ разъ мнѣ короткимъ: сильно хотѣлось увидѣть близкихъ.

Мои семейные, разумѣется, были очень обрадованы. О моемъ «разстрѣлѣ» они ничего не слыхали. Игуменья оберегала ихъ отъ подобныхъ извѣстій. Игуменья распорядилась вытопить баню, и я, помывшійся, пошелъ къ семьѣ.

Въ Тобольскѣ жизнь сытая и въ семейномъ кругу потекла спокойно. До моего пріѣзда, семью, оставшуюся безъ средствъ, содержалъ Ивановскій монастырь, въ которомъ мы и продолжали жить послѣ моего возвращенія.

Черезъ нѣкоторое время я былъ вызванъ во Владивостокъ генераломъ Ивановымъ-Рыновымъ. Были также вызваны Т. Е. Мельникъ (дочь С. Боткина) и ея братъ, Г. Е. Боткинъ. Всѣ мы получили даровые прогоны и суточные. Зачѣмъ меня вызывали

во Владивостокъ, я не знаю до сихъ поръ. Мельникъ и Боткинъ говорили, что хотѣли быть во Владивостокѣ со своими близкими (во Владивостокѣ жилъ братъ покойнаго Е. С. Боткина), къ тому же, въ Тобольскѣ они чувствовали себя далеко не въ безопасности.

Во Владивостокѣ я жилъ въ поѣздѣ ген. Крещатицкаго. Ожидалъ все время, что выяснится, зачѣмъ меня вызывали, но такъ и не дождался. Многіе жители Владивостока зазывали меня къ себѣ и разспрашивали о пережитомъ. Этимъ все и ограничивалось. Время идетъ, но мнѣ никто не объясняетъ, зачѣмъ меня вызвали и чего отъ меня хотятъ. Такъ продолжалось около мѣсяца. Рѣшилъ ѣхать назадъ, къ семьѣ. Но не знаю, какимъ способомъ это мое намѣреніе осуществить. На мое счастье въ Омскъ шелъ экстренный поѣздъ англійской миссіи. Поѣздку съ этимъ поѣздомъ и устроилъ мнѣ Гибсъ, служившій въ это время въ миссіи. Съ поѣздомъ миссіи я благополучно доѣхалъ до Омска, а отъ него на пароходѣ «Товарпаръ» — до Тобольска, куда прибылъ 9-го іюня ст. ст. Здѣсь я жилъ до 21 августа, когда за мною пріѣхалъ адъютантъ ген. Дидерихса, Бор. Влад. Молоствовъ. Ген. Дидерихсъ велѣлъ перевезти меня съ семьею въ Омскъ.

Изъ Тобольска выѣхали мы на пароходѣ «Ольга». Уже бродили не очень крупные повстанческіе отряды, и нашъ пароходъ по пути былъ обстрѣлянъ. Къ счастью, обстрѣлъ былъ безрезультатенъ.

Въ Омскѣ хотѣли для меня реквизировать квартиру, но я остановился у своихъ знакомыхъ, съ которыми списался заранѣе. Встрѣтили они насъ очень радушно.

Въ Омскѣ.

На другой же день по прибытіи въ Омскъ я получилъ отъ судебнаго слѣдователя Соколова просьбу придти къ нему для дачи показаній. Къ назначенному времени я былъ у слѣдователя. Соколовъ, производившій слѣдствіе объ убійствѣ царской семьи, принялъ меня очень любезно. Допросъ этотъ продолжался до самаго моего отъѣзда изъ Омска, до 21-го сентября. Въ теченіе этого мѣсяца я побывалъ у ген. Дидерихса и верховнаго правите-

ля, адмирала Колчака, разспрашивавшихъ меня о царской семьѣ.

Уже чувствовалось, что большевики приближаются: изъ Омска вывозили цѣнности, излишки военныхъ запасовъ. Ген. Крещатицкій предложилъ мнѣ эвакуироваться въ его вагонѣ въ Харбинъ. Случай представлялся очень удобный, и ген. Дидерихсъ разрѣшилъ мнѣ эвакуацію. Доѣхали мы безъ приключеній, но съ нами была охрана: впереди шелъ бронепоѣздъ, а намъ всѣмъ было выдано оружіе. Былъ въ вагонѣ поставленъ и пулеметъ.

Въ Харбинѣ.

Въ Харбинѣ у ген. Крещатицкаго мнѣ отвели комнату. Здѣсь я прожилъ зиму 1919-1920 года. Ген. Хорватъ предоставилъ мнѣ должность завѣдывающаго пріемкою лѣсныхъ матеріаловъ на ст. Именьпо.

Когда я собрался ѣхать къ мѣсту назначенія, хлопоталъ о вагонѣ для семьи, возникла на желѣзной дорогѣ забастовка. Черезъ недѣлю забастовка окончилась, я добылъ вагонъ, и отправился къ мѣсту моего служенія. Я еще находился въ Харбинѣ, но на ст. Именьпо, узнавъ о моемъ назначеніи, обсуждали этотъ вопросъ. (На жел. дор. было броженіе, не окончившееся съ забастовкой). Рѣшили, что я не кто иной, какъ полковникъ изъ отряда атамана Семенова. На совѣщаніи было постановлено: мой вагонъ-теплушку, по прибытіи его на ст. Именьпо, загнать въ тупикъ и устроить такъ, чтобы онъ былъ разбитъ. И дѣйствительно: когда мы прибыли въ Именьпо, нашъ вагонъ былъ отцѣпленъ и поставленъ на запасный путь къ порожнему составу. И вотъ, какъ будто случайно, при маневрахъ паровоза, вагонъ получалъ такіе сильные толчки, что опасность крушенія была весьма вѣроятна. Всѣ мои семейные плачутъ. Я велѣлъ имъ лечь на нары, самъ же сталъ у открытой двери. При одномъ такомъ толчкѣ свалилась чугунка и стоявшій на ней чайникъ едва не обварилъ мою маленькую внучку. Я обратился къ начальнику станціи съ просьбою обезпечить мнѣ съ семьей безопасность. Чувствовалось, что затѣвается какое-то злое дѣло. Начальникъ станціи велѣлъ поставить вагонъ въ матеріальный складъ, гдѣ я и прожилъ съ семьей, по-

ка не подыскали комнату, въ которую и перебрались. О томъ, что было намѣреніе погубить меня съ семьей, — разсказалъ мнѣ потомъ одинъ станціонный сторожъ.

Сталъ заниматься по должности. Подчиненъ я былъ завѣдывающему матеріальнымъ складомъ. Приходилось ѣздить съ поѣздомъ въ лѣсъ, къ сопкамъ, съ поѣздомъ, въ составѣ 14-ти двойныхъ вагоновъ. Работа была опасна изъ-за хунхузовъ. Китайцы-рабочіе, въ преобладающемъ большинствѣ, были людьми добрыми.

Однажды хунхузы забрали было меня въ плѣнъ. Я пришелъ съ поѣздомъ въ лѣсъ, разставилъ вагоны, начали погрузку. Вижу, изъ лѣса выходитъ шайка хунхузовъ въ составѣ 30-40 хорошо вооруженныхъ людей.

Я, распредѣляя лѣсъ, ходилъ около вагоновъ. Хунхузы приняли меня за крупнаго желѣзнодорожнаго служащаго и повели съ собою въ горы. Спасъ меня сторожъ - китаецъ, который, подбѣжавъ къ начальнику шайки, началъ съ нимъ о чемъ-то говорить. Поговоривъ между собою, они оба подошли ко мнѣ. Предводитель хунхузовъ, протягивая мнѣ руку, спросилъ на довольно хорошемъ русскомъ языкѣ: — «Вы не капитанъ». — «Какой же я капитанъ», отвѣчаю я, — «ѣзжу съ рабочими поѣздами въ лѣсъ, принимаю дрова и шпалы». — «Не надо, отпустить», — сказалъ предводитель и меня освободили.

Шайка подошла къ поѣзду, здороваясь за руку со всѣми нами, какъ русскими, — поѣздной прислугой, такъ и съ китайцами — рабочими. Хунхузы стали ходить по вагонамъ, смотрѣть, какъ работаютъ. Одинъ изъ хунхузовъ узналъ въ одномъ изъ рабочихъ своего врага. Разсказывали потомъ, что, когда ранѣе, этотъ хунхузъ гдѣ-то работалъ, — рабочій былъ старшиной и, вѣроятно, обсчитывалъ и обижалъ его.

Хунхузъ велѣлъ раздѣть рабочаго. Приказаніе было исполнено, несчастнаго положили на землю и стали бить до потери чувствъ.

Когда истязаніе окончилось, рабочіе перенесли побитаго въ вагонъ. Я его тамъ видѣлъ: онъ былъ совсѣмъ почернѣвшимъ, увидавъ меня, онъ попросилъ пить. Пролежавъ мѣсяцъ, онъ совершенно оправился отъ побоевъ.

* * *

Въ 1922 году мнѣ предоставилась возможность, вмѣстѣ съ семьей, переселиться въ Эстонію.

Мой зять, который жилъ въ Эстоніи, разыскалъ насъ и выписалъ къ себѣ. Его семья жила и путешествовала со мною. Жена моя умерла въ іюнѣ 1922 г,, а черезъ 9 дней я долженъ былъ покинуть Маньчжурію.

IMP. L. BERESNIAK
12, RUE LAGRANGE
PARIS V°

